

СЕРГЕЙ В. КАЗЮЛИН

ВРАТА СВЯТОГО ПЕТРА

РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Казюлин

Врата святого Петра

«Автор»

2026

Казюлин С. В.

Врата святого Петра / С. В. Казюлин — «Автор», 2026

Я родился в Москве в 1969 году. В раннем детстве я часто болел и в детский сад практически не ходил, сидел дома с бабушкой, которую звали Клеопатра. Школу закончил посредственно и с первого раза в МГУ не поступил, ушел служить в армию. После армии я поступил в МГУ на факультет журналистики и в 1995 году благополучно его закончил. Но журналистом я не стал. На втором курсе начал работать в компании American Express и проработал там 15 лет. Все эти годы я много ездил по миру, был в США, в Европе и в Азии. В 27 лет женился, в 31 год у меня родился сын. Сейчас, на шестом десятке своей жизни, я понял, что мне обидно, что, когда я умру, все что я любил, знал и помнил, исчезнет вместе со мной и никто об этом не узнает. Этот рассказ является попыткой сохранить в виде текста историю жизни моего поколения, моих друзей, дух времени, чувства, мысли и эмоции, которые жили и живут в нас.

© Казюлин С. В., 2026

© Автор, 2026

Сергей Казюлин

Врата святого Петра

Сергей В. Казюлин
РОМАН

Врата Святого Петра

Nobody will get through,
Nobody not even you,
Can escape the Judgement Day
Nobody will be spared,
Heaven is only there
For the ones who satisfy them at –
Saint Peter's Gate
Chris De Burgh
Никого не минует чаша сия,
И ни ты и не я,
Не избежим мы Судный День.
Никого не пощадят, и на небеса взлетят,
Только те, кто заслужили пройти,
В Святым Петром распахнутую дверь.
Крис Де Бург

Возрастное ограничение: 18+

Оглавление

Главы
Названия
Стр.
Главы
Названия
Стр.

Глава 1.
Предисловие
3
Глава 29.
Развод
476

Глава 2.
Ночь
5
Глава 30.
Инга
490

Глава 3.

Утро

7

Глава 31.

Лондон

544

Глава 4.

Марго

10

Глава 32.

Свадьба и венчание

589

Глава 5.

Серьга

17

Глава 33.

Дети

604

Глава 6.

Крым

27

Глава 34.

Ольгерд, послесловие

646

Глава 7.

Отто

32

Глава 35.

Приезд

653

Глава 8.

Любовь

35

Глава 36.

Мама ушла

671

Глава 9.

Расставание

48

Глава 37.

RIP: Rest in Peace

679

Глава 10.
Встреча
54
Глава 38.
Феликс и Лена, свадьба
694

Глава 11.
Свадьба
63
Глава 39.
Александр
698

Глава 12.
Авария
83
Глава 40.
Эпилог
736

Глава 13.
Отъезд
87
Глава 41.
Ночь
737

Глава 14.
Чужая
105

Глава 15.
Москва на проводе
109

Глава 16.
Свадьба дубль два.
124

Глава 17.
Крушение
136

Глава 18.
Юлька американка
171

Глава 19.
Рождество
192

Глава 20.
Онандога
200

Глава 21.
Новый 1990 год
230

Глава 22.
Калифорния
254

Глава 23.
Кабановы в Праге
346

Глава 24.
Феликс родился
388

Глава 25.
Богосудов
408

Глава 26.
Возвращение в Москву
427

Глава 27.
Эрика
443

Глава 28.
Лина
449

Глава 29.
Москва
456

Предисловие:

Я родился в Москве в 1969 году. В раннем детстве я часто болел и в детский сад практически не ходил, сидел дома с бабушкой, которую звали Клеопатра. Бабушка была из семьи мелкотравчатых дворян, очень часто рассказывала мне про детство и терпеть не могла советскую власть. Отец часто выезжал по службе за границу, преимущественно в страны варшав-

ского блока. Он часто бывал в Польше, ЧССР и ГДР, в нашем доме всегда было что-то связанное и напоминающее об этих поездках. Мама считала, что успешный мужчина должен иметь три вещи, университетское образование, безупречный английский, водительские права.

Школу я закончил посредственно, с первой попытки в МГУ не поступил, отслужил в армии в городе Теплице в Устецком крае на северо-западе Чехии.

После армии пользуясь льготами для отслуживших срочную службу солдат, я поступил в МГУ на факультет журналистики и в 1995 году благополучно его закончил. Но журналистом я не стал.

Начиная со второго курса я работал в компании American Express и проработал там 15 лет. Все эти годы я много ездил по миру, был в Северной Америке, в Европе и в Азии. В 27 лет я завел семью, в 31 год у меня родился сын, у которого в настоящее время есть диплом об окончании университета, знание английского языка на уровне C2 и водительское удостоверение.

Следящие после расставания с American Express 20 лет я работал в нескольких крупных банка в России и по сей день продолжаю работать в одном из таких. В молодости во время паломничества в Ченстохова, в Ясна Гура, на встрече постсоветской молодёжи с Папой Римским, Иоанном Павлом Вторым, общался там со своей будущей женой, а много лет спустя осуществил переход из православной веры в католическую.

Сейчас на шестом десятке своей жизни я решил, что мне обидно, что, когда я умру, все что я любил, знал и помнил исчезнет вместе со мной и никто об не узнает. Данный рассказ является попыткой сохранить в виде текста историю жизни моего поколения, моих друзей, дух времени, чувства, мысли и эмоции, которые жили и живут в нас. В рассказе нет биографического описания конкретных людей, но все, что написано, является интерпретация историй жизни людей из самого близкого моего окружения, судьбы героев романа получились коллажами из реальных судеб. В романе нет выдумок, все эти события случились или могли случиться при определенном стечении жизненных обстоятельств героев. Большую часть событий я видел либо собственными глазами, либо слышал от первоисточника.

Садясь за написание этого текста, мне приятнее называть его романом, я не собирался кого-то обидеть, выдать чьи-то секреты или отомстить. Я как автор старался не давать оценок людям и событиям, а если оценки чего-либо давали герои, то это их дело, они не претендуют на правоту или даже на то, чтобы их воспринимали серьезно. Важно понимать, что будет большей ошибкой оценивать события, поступки, слова и мысли 30 летней давности с позиции сегодняшнего дня.

Несмотря на большее число пикантных сцен данная книга написана в жанре классического бытового романа, и так как любовь и секс являются важной составляющей нашей повседневности, места им отведено на этих страницах достаточно много.

Я не претендую на то, что кто-то назовет меня писателем. Это моя первая и вполне вероятно последняя литературная работа. Это всего лишь попытка рассказать историю, которая мне кажется интересной и достойной быть услышанной каким-то числом современников и потомков.

Но я хочу, чтобы роман Врата Святого Петра остался в бесконечной и вечной вселенной Интернета и может быть когда-нибудь какой-то человек его найдет, прочтает и осознает, что мир не начался с него, а до него было очень много людей, которые в свое время и в своих обстоятельствах переживали все тоже самое, что переживает он, также страстно, тяжело и болезненно.

Сергей В. Казюлин,
27.05.2026

Ночь

В темноте раздавался назойливый звук вибровонка, с которым резонировали прикроватный столик и стакан воды. Комната освещалась голубым светом экрана. Марго открыла глаза. В голове завертелись мысли: «Кто звонит? Который час? Все же знают, что ночью звонить нельзя. Может, что с Линой?» Но они разговаривали вечером – дочь легла спать. Марго протянула руку, нащупала телефон, разблокировала его и нажала кнопку «Ответить». В телефоне раздался незнакомый женский голос:

– Фрау Маргарита Нейман?

– Да, я слушаю.

– Я офицер миграционной службы пограничного контроля земли...

Рита подтянулась на локтях – телефон отстранился от уха, и она не расслышала фамилию звонящей.

– Простите, кто?

Голос стал еще более холодным и четким:

– Я офицер миграционной службы пограничного контроля земли Бранденбург, Дженни-фер Шварц.

– Доброй ночи, офицер. Чем могу помочь?

Рита потерла ладонью лоб – первый признак того, что она начала нервничать.

– Фрау Нейман, скажите, у вас родственники на Украине есть?

Марго могла ожидать любого вопроса, но не такого.

– Родственники на Украине? Переспросила она.

Шестеренки в голове Марго начали проворачиваться, она как будто слышала их хруст. Марго вспомнила, что, действительно, где-то на востоке Украины жила двоюродная сестра ее матери, у которой было две дочери – троюродные сестры Марго, у которых были взрослее девочки, на несколько лет старше Лины. Марго видела своих родственников раза три в жизни: они как-то с мамой в начале 80-х ездили пару лет подряд к ним в гости. Кажется, в Донецк или куда-то рядом. Населенный пункт она не вспомнила. Может, Горловка? Родственники тоже разок были в Москве. Они вместе ходили в зоопарк, цирк, на Красную площадь. Отношения между сестрами были натянутые, соответственно, и общение было скудным и прохладным.

– Да, у меня были родственники на Украине, – сказала Марго, – но мы не виделись более тридцати лет, я не знаю, что с ними и где они.

Офицер сделала паузу и ответила:

– Они на границе. Сейчас решается вопрос о пропуске их в Германию для получения временного убежища как беженцев. Кто-то должен будете их принять до решения вопроса о расселении. У вас есть такая возможность? В вашем доме достаточно места?

Марго села в постели, включила свет. В голове шумело.

– Офицер, а сколько их?

– Пятеро. Четыре женщины и подросток двенадцати с половиной лет.

– Пятеро? Подросток?

– Да.

Офицер назвала имена и фамилии. Это были двоюродная тетка, две троюродных сестры и еще, вероятно, мать и сын, чью фамилию Марго никогда не слышала.

– Вы подтверждаете, что знаете этих людей?

Марго со вздохом ответила:

– Трех знаю точно. Насчет еще двоих не уверена, но, возможно, это тоже мои родственники – мы же не общались более тридцати лет, как я сказала.

– Хорошо, назовите ваш точный адрес.

Марго назвала.

– Хорошо. Думаю, завтра к вечеру они будут у вас. Спокойной ночи.

Звонок закончился.

Марго сидела на краю кровати и большим пальцем ноги перекаtywала по ковру тапку. Меховой помпон щекотал ступню. В ногах кровати, положив длинную морду на короткие лапы и укpывшись ушами, лежал пес Бернард и грустно, как умеют смотреть только таксы, смотрел на хозяйку одним глазом. В соседней спальне похрапывал муж Марго Отто. Внизу, на первом этаже, где-то далеко и еле слышно попискивал аппарат искусственной вентиляции легких, к которому была подключена ее мама. Марго тихо плакала.

Утро

Будильник заверещал в 5.30 утра. Марго открыла глаза. В комнате и за окном было темно. Через секунду в голове начали оживать детали вчерашнего звонка. «Ой, пипец-то какой! Бред какой!», с тоской резюмировала она.

Остатки сна моментально испарились. Марго энергично встала, умылась, расчесала волосы и спустилась вниз. Первое, что она услышала, – это звук закрывшейся входной двери. Марго увидела в окне Отто, который немного сутулясь шел к машине. В сумерках вспыхнули и удалились стоп-огни – Отто поехал в соседний городок за свежими булочками. Этот ритуал повторялся каждый день с тех пор, как она приехала в этот дом почти 30 лет назад. Марго зашла в комнату матери. Небольшая, заставленная медицинской аппаратурой, она освещалась голубоватым светом россыпи мигающих диодов, экранов приборов и тусклым светом ночника. Мать полулежала на специальной ортопедической кровати. На лице у нее была прозрачная кислородная маска со шлангом, который шел к аппарату искусственной вентиляции легких. Мать пребывала в медикаментозном сне.

– Доброе утро, мамочка, – Марго подошла к ней и погладила иссохшую прохладную руку.
– Как ты сегодня?

Она понимала, что ответа не будет. Маргарита поцеловала маму во впалую щеку, поправила какую-то резинку на ее лысой голове и вышла из комнаты. До прихода сестры паллиативной помощи было еще часа три.

Марго вошла в столовую, подошла к кухне и отточенными движениями начала готовить завтрак. Зарядила яйцеварку и кофеварку, достала из холодильника нарезки, творожные намазки, сыры, колбасы и ветчину, аккуратно разложила все это на больших красивых тарелках, выложила на дубовую дощечку паштет, выставила масло в старинной серебряной масленке – то немногое, что сохранилось в семье Отто после Второй мировой войны. Паштет Марго делала сама. Он получался просто божественным: мягким, пряным. Она вообще хорошо готовила. В семье Отто был культ еды еще до их знакомства. Марго возвела его в абсолют. Прежде всего она начала готовить блюда русской, белорусской и украинской кухни в том понимании, как их знают в Москве. Всякие борщи, щи, окрошки, рассольники, солянки, драники, бабки, селедки под шубой, мимозы, рыбные и мясные котлеты; начала квасить капусту и солить огурцы. А уж из курицы она делала блюд двадцать. Марго всегда с улыбкой вспоминала, как в первый раз в Германии сделала малосольные огурцы и Отто слопал целую большую кастрюлю. Она даже готовила квас, но его Отто не оценил, сказав, зачем пить кисло-сладкую мочу, если в Германии есть лучшая в мире горькая. Теперь Марго готовила и грузинское, и узбекское, и тайское, и вообще любое съестное. Но больше всего она обожала готовить испанскую и мексиканскую стряпню, на что, конечно же, была особая причина: Марго была по уши влюблена в Испанию и испанский язык, который с огромным удовольствием учила уже несколько лет.

Запищала яйцеварка. Марго переложила яйца в миленькие тряпичные чехольчики-термосы в виде старинных домиков, поставила чашки, села за стол и положила голову на сложенные на столешнице руки. В коридоре зашуршало, и в столовую неспешной походкой, потягиваясь, крутя мордой и хлопая ушами вплыл Бернард. Лениво и безразлично понюхав корм в мисках, пару раз полакав воду и как его величество король сердца и души Марго, изволивший проснуться в меланхоличном настроении, явился своим подданным. Марго поднялась, прошла к французскому окну и сдвинула центральную секцию.

– Ну здравствуй, Псын! Не мешала ли я вам спать сегодня? Обратилась она к собаке.

Бернард пристально посмотрел на Марго, сладко и долго зевнул, облизнулся и медленным шагом направился в сад.

Хлопнула входная дверь, несколько секунд раздавались звуки снимаемой верхней одежды и обуви, и в столовой появился розовощекий, пахнущий хорошим парфюмом и свежим мартовским утром Отто. Он развернул бумажные крафт-пакеты, и столовая наполнилась потрясающим ароматом свежайшего хлеба. Отто переложил булочки в соломенную корзинку, накрыл ее красивой льняной салфеткой и поставил на стол. Марго налила кофе.

– Доброе утро, моя любимая, – Отто подошел к Марго, поцеловал ее в шею, обошел стол и сел на свое «царское» место во главе стола. – Как спала? Как мама? Я к ней утром заглядывал – все работало.

– И тебе доброе утро, мой дорогой, доброе...

Отто сразу понял, что тут что-то не так.

– Любимая, что случилось? Лина? Мия?

– Нет, и с Линой, и с Миюшей все хорошо, слава Боженьке. Давай ты поешь спокойно, и я все расскажу.

Марго и Отто начали есть, но безмятежного завтрака не получалось. Поедая яйца, булочки с маслом, бутерброды с нарезками и намазками, Отто выражал нетерпение, вертелся, вздыхал. Наконец он допил большим глотком кофе, поставил чашку на блюдце, отодвинул их от себя и, подперев подбородок большими пальцами сложенных в замок рук, с экспрессией спросил:

– Ну, что случилось? Говори уже!

Марго сама понимала, что драматическая пауза затягивается.

– Помнишь мы как-то говорили, что у мамы была двоюродная сестра на Украине, а у меня – две троюродные сестры? Помнишь, как мы шутили, что они приедут к нам жить? Помнишь? Начала говорить Марго.

Отто вытянул губы трубочкой, закивал головой:

– Да, да, помню, помню.

– Ну так вот, дошутились: сегодня вечером или завтра утром они будут у нас дома. Пять человек. Тетка, две мои сестры, а еще двоих я вообще не знаю – женщину с ребенком. Кажется, мальчик лет двенадцати.

Лицо Отто вытянулось.

– Курва, я пердолил, – Отто произнес эту фразу на чистейшем польском языке. – Куда? Пять человек? А мама?

У Марго по щекам покатались слезы.

– Я не знаю, вчера позвонили с границы, ночью, я ничего не соображала. Они спросили, есть ли у меня родственники на Украине, и я сказала, что данным-давно были, но тридцать лет я о них ничего не слышала. А там говорят, мы их впускаем, едут к вам, пять человек, на двух машинах...

– Марго, дорогая моя, ладно, мне пора бежать на работу – сегодня у нас очень большой монтаж, я должен быть с бригадой. Часов в одиннадцать позвоню – будем что-то придумывать. Все, я свалил.

Последнее слово Отто произнес на русском языке, который помнил со школы и времен службы в армии. Он поцеловал жену в мокрую щеку и почти бегом выбежал из дома. Марго начала прибирать со стола. Одна чашка выскользнула из рук и разбилась о кафельный пол в мелкие дребезги. Марго села на стул и завывала в голос. Во французское окно стучался головой и скребся лапами озябший Бернард.

Марго

Маргарита родилась в Москве в самом начале семидесятых, поздней весной, в семье инженеров-строителей. У нее не было ни сестер, ни братьев – один ребенок в приличной, но не очень богатой московской семье. Хотя и бедной ее тоже назвать было нельзя. Так как оба родителя работали на стройках, зарплаты у них были выше среднего, а еще строительные тресты давали своим сотрудникам хорошие квартиры. Перед олимпиадой родители строили огромный жилой комплекс – Олимпийскую деревню, где должны были жить иностранные спортсмены, а потом эти квартиры были розданы людям либо с особыми заслугами, связями и деньгами, либо некоторым строителям. Родители удачно подсуетились и получили большую трешку на десятом этаже. Три изолированные комнаты, кухня 12 метров, коридор – холл, отдельные туалет и ванная, чулан; кладовка в подвале, два лифта – грузовой и пассажирский. На лестничной площадке была вторая дверь, а еще просторный закуток, где можно было оставлять коляски, лыжи и велосипеды. Показателем класса этого дома и его жителей было то, что все снимали обувь не в квартире, а в этом изолированном холле, обували тапочки и заходили к себе уже в домашней обуви.

После получения квартиры папа Марго Виктор Сергеевич подписал контракт с Зарубежстроем СССР и поехал на полтора года во Вьетнам строить какие-то важные объекты. Из Вьетнама он привез букет тропических болезней и сертификат на новый автомобиль «Жигули» седьмой модели. Машина была кремового цвета, с люксовым бежевым салоном и иностранным приемником – магнитолой. За это время мама Людмила Петровна получила от треста участок размером девять соток в сорока километрах от Москвы, где потихоньку начала строить дачу шесть на шесть метров в полтора этажа, собранную из щитов двадцатисантиметровой толщины, с засыпкой шлаком. Закончить строительство удалось уже после возвращения Виктора Сергеевича из командировки. В доме была сложена голландская печка с высоким оцинкованным дымоходом. Как тогда было принято, на участке были построены летний душ с бочкой на крыше, туалет с выгребной ямой, летняя кухня с верандой, сарай для всякого хлама, а еще выкопан колодец в пять колец с насосом. Со стороны входа участок отгораживал невысокий дощатый забор, который, как и сами постройки, был покрашен зеленой масляной краской. Дом был прекрасен: удобный, скромный и горячо любимый. Все летние каникулы Марго проводила на даче, с мая по сентябрь. Так как у нее не было бабушек (они умерли еще до ее рождения), а оба дедушки погибли на войне, за девочкой присматривали соседи – бабушки ее подружек. Марго была активным, но послушным и самостоятельным ребенком. Сама умывалась, чистила зубы, могла приготовить на электрической плитке несложную еду: пожарить яйца с колбасой или даже картошку с луком. Обедом ее кормили соседи, ужин она готовила сама. В 12 лет отец научил Марго топить печку. Девочка целыми днями носилась на велосипеде в компании друзей по окрестным садовым товариществам, купалась в бездонных озерах песчаных карьеров, бегала на железную дорогу подкладывать на рельсы копеечки и гвоздики, бродила по лесочкам и рощам в поисках грибов и ягод, пряталась в норе в кустах сирени. Она перетаскала в дом всех местных котят, которых кормила и ласкала. Она еще очень любила читать и долгими летними вечерами читала разные любовные и исторические романы про рыцарей и мушкетеров, прекрасных дам и страстные чувства. Читала она и «Войну и мир», представляла себя Наташей, воображала, что танцует с Андреем на балу, перевязывает ему раны и хоронит своего героя, одетая в черное платье, в шляпке с вуалью.

В школе Марго училась средне, в основном на четверки. Конечно, были и тройки, и пятерки, но ни особого прилежания, ни заинтересованности в учебе у Марго не было. Ей очень нравились пение и музыка, физкультура, рисование, литература, география и история. Хуже давалась математика и другие точные науки, хотя и по ним она не была в числе отстающих. Все перевернулось в тот день, когда она впервые увидела своего учителя немецкого языка.

На календаре было третье или четвертое сентября. Марго пошла в пятый класс, в котором начиналось изучение иностранных языков. Так как и ей самой, и родителям было совершенно

все равно, какой язык – английский или немецкий она будет учить, по остаточному принципу ее отправили изучать менее престижный немецкий. Половина класса собралась в кабинете, раздался звонок. Дежурная по классу стерла с доски оставшиеся с прошлого урока надписи, дети достали из портфелей учебники и тетрадки. Дверь распахнулась, и в класс, семена толстыми, похожими на молочные бутылки ножками, вкатилась завуч Тамара Павловна, а вслед за ней вошел высокий молодой человек, красивый как бог, одетый в темно-коричневый вельветовый костюм, бежевую водолазку и бежевые замшевые туфли. На плече у него висела среднего размера спортивная сумка с иностранной надписью. Класс вскочил с мест, грохнули крышки парт.

– Доброе утро, дети! – громко и звонко произнесла завуч.

– Доброе утро, Тамара Павловна! – бодро ответил класс.

– Садитесь, дети, – завуч сделала круглый жест рукой.

Опять грохнули крышки парт.

– Тишина. Дети, я хочу вам представить вашего нового учителя немецкого языка: Илья Валентинович Пышный. Окончил педагогический вуз, два года служил переводчиком в западной группе войск в ГДР, сейчас он закончил службу в армии и теперь будет учить вас языку Шиллера и Гете.

Завуч взмахнула рукой. Класс хором поздоровался с учителем.

– Ну что же, Илья Валентинович, приступайте.

Завуч поплыла к выходу, а молодой учитель громко и четко произнес по-немецки:

– Доброе утро, дорогие дети! Мы начинаем изучение прекраснейшего немецкого языка – языка великих поэтов и мыслителей.

Марго как замороженная смотрела на учителя. На его белозубый, прикрытый элегантными усиками рот, из которого вылетали незнакомые, но чарующие звуки, на его новый, отличающийся медью костюм, на аккуратную офицерскую стрижку. Марго тихо влюблялась. Учитель начал переключку. Перед этим он написал на доске фразу «Да, я здесь», продублировал ее русской транскрипцией и попросил учеников повторить ее несколько раз хором. После этого он начал переключку. Учитель называл имя и фамилию ученика, просил его встать, повторить фразу «Да, я здесь», благодарил и просил сесть. Когда очередь дошла до Марго, учитель произнес: «Рита Семенова». Марго не встала. Учитель повторил еще раз громче. Она поднялась:

– Товарищ учитель, простите, я не Рита, я Марго.

Действительно, девочка ненавидела, когда ее называли Ритой. Она не воспринимала это имя в свой адрес. С рождения родители называли ее только Марго. Так же и в детском саду, и в школе.

Учитель улыбнулся:

– Хорошо, Марго, я не буду больше называть тебя Ритой, но прошу выполнить задание и ответить мне на немецком, как я написал на доске. Давай повторим, Марго Семенова.

Марго вскочила и выпалила:

– Да, я здесь!

Ее маленькое юное сердечко пронзила первая любовь. Марго так хотелось произвести впечатление на красавца учителя, что она решила учиться только на отлично и вообще выучить язык великолепно. А вдруг он на ней женится, они поедут в Германию, а она языка не знает? Про более чем двукратную разницу в возрасте она не думала. Ей казалось, что пройдет шесть-семь лет, а он будет оставаться таким-же молодым и красивым.

Марго штудировала учебники, слушала пластинки с уроками немецкого языка, ходила в лингафонный кабинет. Через какое-то время она начала делать успехи. Учитель видел это, и ему было приятно, что хоть кто-то в классе интересуется его предметом. В свою очередь он стал уделять больше внимания Марго: подсказывать, давать ей все более сложные задания, приносить недетские детские книжки. Однажды он подарил ей пластинку популярной в ГДР музы-

кальной группы Puhdys. Это была немецкая пластинка с картонным вкладышем внутри, на котором напечатаны тексты всех песен. Марго слушала ее каждый день. Она при помощи словаря перевела все песни на русский, выучила немецкий текст и пела. Надо отметить, у Марго был отличный музыкальный слух и достаточно сильный голос – она ходила в музыкальную школу и училась играть на фортепьяно. Дома стояло дешевое, купленное уже очень неновым пианино «Беларусь – Бб» выпуска 1970 года. Как с ним не бились, нормально настроить никто не мог. Но Марго честно разучивала на нем этюды, шла в школу, получала тройки и была всем довольна. Еще Марго немного грассировала, так что немецкое «р» получалось у нее достаточно органично и аутентично.

Начинались зимние каникулы, школа готовила концерт. Классный руководитель обвела класс печальным взглядом и безразлично спросила, кто хочет выступить на новогоднем концерте. Она прекрасно понимала, что желающих не будет и придется поручить это двум отличникам, которые бьются за пятерочный аттестат. Неожиданно руку подняла Марго:

– Я хочу спеть песню на немецком языке.

Классная опешила, поправила рукой очки и переспросила:

– Марго, ты в самом деле хочешь спеть песню на немецком языке?

Та утвердительно кивнула головой:

– Я выучила несколько немецких песен с пластинки, могу их спеть.

Учительница расплылась в улыбке:

– Вот, смотрите, какая молодец Марго! Не надо ее ни тянуть, ни упрашивать. Сама вызвалась. Марго, сегодня после шестого урока приходи в актовый зал – будем смотреть, что за песня и как ее спеть.

После шестого урока Марго пошла в актовый зал, где уже сидели несколько учеников из разных классов и учителя, среди которых был и Илья Валентинович. В руках он держал очень красивую гитару, дека которой переливалась глубоким янтарным блеском. Их глаза встретились.

– Привет Марго, будешь участвовать?

– Да, Илья Валентинович. Хочу спеть песню «Ловцы жемчуга» на немецком языке очень популярной в нашей братской ГДР группы Puhdys.

Она пристально посмотрела в глаза учителя. Илья Валентинович широко улыбнулся, но глаза не отвел.

– Марго, ты знаешь, мне тоже нравится эта песня. Хочешь, я сыграю ее на гитаре? Можем даже на два голоса спеть.

В этот момент за спиной у Марго захлопали крылья.

– Да! Да! Очень хочу!

Илья Валентинович положил левую руку на гриф, зажал нужные лады и после небольшой паузы начал перебирать струны. Он сыграл проигрыш и произнес по-немецки «раз, два, три». И тут Марго запела. Голос ее звучал ровно и сильно, немецкие слова получались красивыми, нежными и певучими, совсем не похожими на лай, каким обменивались немецкие солдаты в фильмах про войну. Во втором куплете к Марго добавился бархатистый и чувственный голос Ильи Валентиновича. Их голоса слились в дуэт, магически дополняя друг друга.

Когда песня закончилась, в актовом зале стояла мертвая тишина. Затем ее разорвали аплодисменты. Все хлопали и кричали «Браво!» В этот момент Марго испытала состояние полной эйфории и глубочайшего счастья.

На концерте они с Ильей Валентиновичем спели три песни и потом еще раз «Ловцов жемчуга» на бис. Зал аплодировал, директор школы и завуч благодарили всех за прекрасную организацию концерта и особенно за песни на немецком языке. Методист из роно отметил вовлеченность молодого специалиста и то, как хорошо его ученики уже через полгода заня-

тий знают такой сложный предмет. Учителя и ученицу пригласили выступить на Московском фестивале школьных песенных коллективов.

Марго изо всех сил старалась как можно быстрее выучить немецкий язык, занималась им каждый день во время летних каникул, стала читать настоящие немецкие книги, хотя еще, конечно, со словарем. Примерно третьего сентября, на первом уроке немецкого, Марго узнала, что Илья Валентинович ушел из школы и опять уехал в ГДР в долгую командировку работать переводчиком. А его место заняла пожилая женщина, еврейка, вторым родным языком которой был идиш. А еще Марго слышала, что в конце лета Илья Валентинович женился. Любовь к учителю ушла вместе с пролитыми слезами, а любовь к немецкому осталась с ней на всегда. Ее не смог подорвать даже идиш Фаины Абрамовны, который она выдавала за немецкий.

Оставшиеся три года школы прошли достаточно однообразно, но не скучно: учеба, немецкий, музыкальная самодеятельность. Правда, в начале восьмого класса в семье Марго случилось страшное горе: скоропостижно умер отец. Это случилось в субботу утром, когда вся семья села завтракать. Обсуждали, как они сейчас поедут на рынок, а потом на Ленинские горы и в Лужники. Вдруг отец выронил вилку с наколотым на нее куском сосиски, побагровел и, издав какой-то громкий и неестественный всхлип или хрип, стал падать с табуретки набок, увлекая за собой скатерть и посуду со стола. Марго и Людмила Петровна от неожиданности вскочили, отпрянули, закричали, потом, сталкиваясь плечами, бросились к Виктору Сергеевичу, трясли его, били по щекам, прыскали на него водой, принесли нашатырный спирт. Затем поволокли в комнату и долго пытались затащить на кровать. И только после этого позвонили в скорую помощь. Машина приехала минут через тридцать, врач констатировал смерть, вызвал милицию и перевозку трупов. Отца увезли в морг. Всю ночь мать и дочь прорыдали, а на следующий день, часов в шесть утра, в дверь позвонил похоронный агент. Кому смерть, а кому заработок.

Дальше были прощание, кремация, поминки, девять дней, сорок дней, получение урны с прахом и ее захоронение на кладбище в Химках рядом с могилой его матери. Потом долго делался памятник, точнее, на старом памятнике гравировали новую строчку, имя, годы жизни.

Марго временами позволяла печали одолевать себя, временами переключалась и даже веселилась. Уход отца в значительной степени ухудшил их материальное положение, даже несмотря на продажу машины. Людмиле Петровне пришлось брать сверхурочные и прочие подработки. В конце восьмого класса мать и дочь решили, что в девятый Марго не пойдет, а будет поступать в педагогическое училище на преподавателя немецкого языка в средней школе. Это означало, что через четыре года она сможет пойти на работу и получать зарплату.

Обучение в училище сильно не отличалось от школьного, но так как это училище существовало при Московском институте иностранных языков, немецкий в нем преподавали лучшие лингвисты и педагоги города. После третьего курса студентов возили на языковую практику в Крым в международный молодежный лагерь спорта и отдыха «Дружба», а после четвертого они две недели пробыли по студенческому обмену в ГДР, в Дрездене.

После экзаменов и получения диплома Марго устроилась на практику в организованное Центральным комитетом ВЛКСМ СССР международное туристическое агентство «Спутник». Хорошее знание языка и приятная внешность позволили ей пройти отбор, и ее взяли помощником сопровождающего туристические группы, а по совместительству и переводчиком. В одной из таких групп в Советский Союз приехал недавно окончивший энергетический институт молодой инженер-электрик Отто Нейман из Шверина. Так судьба уготовила им встречу в автобусе, который вез туристов в Ростов Великий.

Серьга

До встречи с Отто оставалась еще два года. Марго окончила второй курс, получила диплом о среднем образовании, успешно перешла на третий и ринулась в долгое теплое лето.

Дача, поездки по близлежащим городкам на поездах и автобусах, тусовки в Москве, первые сигареты, первый алкоголь. У Марго была лучшая подруга Юлька, которая всегда была готова зажечь с кем угодно и когда угодно. Как раз началась перестройка, и в Москве стали появляться дискотеки и музыкальные бары. Образовались питерский рок-клуб и московская рок-лаборатория. Давали концерты набиравшие безумную популярность новые кумиры молодежи – иконы русского рока: «Кино», «ДДТ», «Чайф», «Алиса», «Крематорий», «Сектор газа», «Электроклуб», «Урфин Джюс» и многие другие.

Марго с головой окунулась в эту культуру, слушала все подряд, пела половину из их репертуара. Умение чисто петь и немного аккомпанировать себе на гитаре сразу делали ее душой любой компании. Марго, у которой не было модной фирменной одежды, брала харизмой, внешностью, оригинальностью и, можно сказать, даже какой-то лихостью.

Вот и в тот теплый июльский вечер они с Юлькой отправились в центр Москвы погулять, с кем-то познакомиться, может, прибиться к какой-то компании, которая собиралась на дискотеку или к кому-то на квартирную тусовку. Марго надела выдавший виды черный танковый комбинезон, на спине которого белой краской через трафарет были набиты слова «Армия Алиса». Ее тонкую талию обхватывал офицерский ремень, к которому были прикреплены десятки золотых и серебряных цепочек и колец. При ходьбе они мелодично звенели. Комбинезон был достаточно сильно расстегнут, и крепкая девичья грудь Марго игриво колыбалась при ходьбе. Рукава и штанины были сильно закатаны, из-под отворотов видны белые хлопковые гольфы, а ноги обуты в штурмовые ботинки, зашнурованные красными и белыми шнурками. На запястьях и груди изобиловала бижутерия разных цветов, форм и размеров, в ушах – яркие пластиковые сережки в виде колец. На левой руке поблескивал хромом офицерский хронометр. Макияж был жгучим: огромные стрелки, фиолетовые тени, много тонального крема и пудры, темно-красная помада с эффектом влажных губ. Выкрашенные в рыжий цвет волосы начесаны короной и укреплены лаком. Внешний вид был модным, ярким, провокативным и запоминающимся. При этом все вещи, кроме штурмовых ботинок и гольфов, Марго нашла, разбирая вещи отца. Штурмовые ботинки своего размера она купила в магазине «Турист». Они были произведены в ЧССР на фирме Botas. Их сшили из крепкой бычьей кожи, оснастили латунными крючками и люверсами; подошва из твердой резины была толстой и сильно рифленой. Купить их удалось по той причине, что они были тридцать седьмого размера, а стоили целых тридцать пять рублей. На улице, в транспорте люди оглядывались на нее. Кто-то одобряюще кивал головой, кто-то фыркал. Марго нравилось внимание к ней и то, что она не похожа на остальных девушек в легинсах, плюшевых юбках, кофтах с люрексом или в платьях, скроенных под мужскую рубашку.

Сидя на лавочке на Тверском бульваре где-то в районе ТАСС, девушки лениво покуривали сигареты и разглядывали прохожих. В этот момент в начале бульвара появились они, Серьга и Ольгерд, два центральных мажора, которые вышли на пятничный променады. Парни моментально обратили внимание на ярких девчонок и устремились к ним. Серьга и Ольгерд были одеты, как из американского каталога, во все фирменное: джинсы Levi's, настоящие американские куртки-бомберы Alfa, кроссовки New Balance. Сперва подружки подумали, что к ним идут иностранцы, которых в те дни в Москве становилось все больше и больше. Парни подошли, небрежно уселись на лавочку и со скучающим видом стали рассматривать подружек. Потом они достали сигареты. Серьга курил Kent, а Ольгерд предпочитал Marlboro Gold. Одновременно клацнули зажигалки Zippo, и в воздухе запахло сгорающим бензином.

Юлька выдержала раздевающие взгляды мажоров и кокетливо произнесла:

– Какие у мальчиков сигаретки. Угостили бы девушек фирмой.

Опять клацнули зажигалки. Разговор завязался. Парни представились: я Серьга, а я Ольгерд, или для своих Улик. Серьга, по паспорту Сергей Андреевич Кабанов, был сыном высокопоставленного дипломата из МИД. Его три года назад пристроили в МГИМО, и теперь он

«напряженно» зарабатывал красный диплом. Родился Серьга в Праге, большую часть жизни провел с родителями за границей, свободно говорил на английском и чешском, для себя учил испанский. Парнем он был добрым и, можно сказать, умным, хотя богемная жизнь сделала его большим снобом и говнюком. У Серьги были тонкие правильные черты лица, выровненные брекетами белые зубы, серо-зеленые глаза с длинными ресницами. На его длинных волосах были сделаны химия и мелирование, и крупные завитки делали его лицо античным. В левом ухе была серьга в виде толстого витого кольца. От сочетания имени Сергей и золотой серьги в ухе и родилось прозвище Серьга. Серьга был худощавым парнем среднего роста, много курил, от выпитого всегда блевал и сильно болел на следующее утро. Водку ненавидел, хотя и пил ее с отвращением, мог пить пиво, но без особого удовольствия, не понимал и не любил вино, но боготворил виски и бурбон. У Серьги была пищевая аллергия на множество продуктов: он не переносил молоко, кофе и шоколад.

Ольгерд в плане алкоголя был полной противоположностью. Он обожал водку, мог пить долго и много. Когда напивался, начинал плакать и петь жалостливые литовские песни. Его дед был первым секретарем коммунистической партии Литовской ССР, отец занимал высокий пост в министерстве по делам национальностей СССР, отвечал за сектор Прибалтики, а мать была знаменитой литовской пианисткой. Ольгерд с большим трудом окончил школу, кое-как его пристроили в институт Управления, куда он ходил потусоваться с девчонками, проставить пятерки в зачетку, раздать деньги и подарки преподавателям. У восемнадцатилетнего парня была собственная машина «Волга-3102», которая досталась ему от деда. Машина была сделана на заказ и отличалась большой надежностью и велюровым салоном. Улик часто ездил пьяным. Он совершенно не хотел трудиться, учиться или работать, хотя был необыкновенно одаренным человеком, особенно в том, что касалось иностранных языков. Они приставали к нему так же легко, как репей к одежде.

Его самым большим хобби был секс. Блондин с янтарными глазами, крепкого телосложения, очень сильный физически, постоянно качающий мышцы культурист, дерзкий, веселый, обаятельный, бесконечный источник шуток, анекдотов и розыгрышей, смеха и жизнелюбия. Женщины любых возрастов не могли устоять перед его чарами. Не смогла устоять перед ними и Юлька, которую сразу как магнитом потянуло к роскошному прибалту.

Марго же больше понравился Серьга. Он был спокойнее, как бы работал вторым номером, меньше шумел, но говорил интереснее и шутил острее и ироничнее. Да и физически он как-то больше подходил тоненькой невысокой девочке.

Улик предложил пойти в кафе «Огни Москвы» и съесть там солянку и фирменный одноименный салат. Парни сразу сказали, что приглашают девочек и заплатят за ужин. Они, болтая, дошли до Пушкинской площади, спустились вниз по Тверской улице до гостиницы «Москва». В самом кафе мест, к сожалению, не было, но можно было сесть в кулинарии, где подавались те же блюда, но без ресторанной пятидесятипроцентной наценки и нельзя было заказать спиртное. Разговор лился. Парни фонтанировали пошловатым юмором, перемежая его какими-то глубокомысленными философскими изречениями, цитатами из книг, рассказами о загранице, историями про каких-то знаменитых людей, которых знали их родители и про которых у каждого из парней были смешные и даже унижительные истории. Кто-то тяжело пил, кто-то был гомосексуалом, кто-то торговал тряпками и антиквариатом, кто-то трахнул несовершеннолетнюю и, чтобы не сесть в тюрьму, женился на ней, хотя разница между ними была почти тридцать лет. Девчонки хмыкали, закатывали глаза, наигранно вздыхали. Они, конечно, предполагали, что это не просто трепачи, но, с другой стороны, и верить всему, что слышали, они не решались. Постоянно казалось, что это все хорошо отрепетированное представление, такое шоу по соблазнению. Темы менялись. Серьга рассказывал про рождение и детство в Праге, поездку в ГДР и обронил какую-то фразу на немецком, сделав серьезную ошибку. Марго автоматически его поправила. Серьга с большим интересом посмотрела на нее:

– Селянка, ты говоришь на немецком?

Марго ответила развернутой цветастой фразой, вспомнив Гете и Шиллера, и заметила, что она родилась в Москве, а с селом ее роднит только то, что сейчас она живет в Олимпийской деревне.

Ольгерд, зажав нос пальцами, голосом популярнейшего переводчика фильмов Леонида Володарского переводил за Марго. Серьга тут же перешел на английский, точнее, на утрированный американский:

– Вау, малышка говорит на языке лавочников и свинопасов, это возбуждает.

Затем он спародировал реплики из немецкого порнофильма:

– Да, да, массируй мои яйца.

Но Марго видела по его глазам, что он немного смущен и растерян. Он не ожидал от девочки в танковом комбинезоне и штурмовых ботинках, что она будет так классно говорить на иностранном языке.

И тут заговорил Улик. Он говорил на очень приличном немецком, правда, употребляя какие-то литовские вкрапления. Улик и Марго стали что-то жарко обсуждать. Подружка Марго просто хлопала глазами, а Серьга стал злиться:

– Блядь, что тут происходит? Собрались фашистские орды в ста метрах от Вечного огня? Зиги покидайте еще.

Серьга испытывал ревность к языковым талантам друга, а тут еще и эта девчонка обскакала его.

– Марго, а где ты так лихо научилась шпрехать и зидойчить? – спросил он.

– Я учусь в педагогическом училище на отделении преподавания немецкого языка в средней школе.

– Хорошо, какая достойная тема, а то я думал, что ты будущая портниха или продавец. Марго сделала вид, что не услышала сарказм. Зато оживилась Юлька:

– Не, чувак, это я будущий продавец, а она у нас будет учителькой. Мел будет воровать, а то что еще в школе взять.

Подруга глупенько захихикала. Марго придвинулась к Серьге ближе и положила ладонь на его плечо.

– Ты говоришь, что классно знаешь английский, свободно разговариваешь на чешском. Так? Английский и немецкий принадлежат к одной языковой группе – германских языков. Чешский похож на русский так же, как немецкий похож на английский, главное – захотеть учить. Вот будешь со мной дружить – я тебя научу.

Неожиданно Серьга повел плечом вверх так, чтобы ладонь Марго оказалась зажата между его плечом и щекой, потерялся о нее скулой и сказал:

– Я буду с тобой дружить.

Марго медленно убрала руку:

– Давай попробуем.

Улик поднял воображаемую рюмку и пробасил: «Горько!» Потом повернулся к подружке Марго:

– Ну что, Юлёк – кнулёк, а мы-то с тобой дружить будем?

Девушка кокетливо захихикала:

– Посмотрим-посмотрим, крепыш. Зависит от твоего поведения.

Улик сделал взгляд Казановы и низким бархатным голосом зашептал:

– Дитя мое, я буду вести себя идеально, я буду нежен и страстен. Поверь, мой язык лижет минимум триста раз в минуту, мои волшебные пальцы знают самые сокровенные точки страсти на твоём теле, а мой магический фаллос – между прочим, длиной 24 сантиметра – делает пароксизмы страсти незабываемыми.

Улик продемонстрировал движения языком. Юля не знала, что значат слова «фаллос» и «пароксизм», но инстинктивно чувствовала, что сегодня вечером ее хорошенечко отымеют. Она была ровесницей Марго, но уже спала с парнями, и секс с красавцем Уликом был бы хорошим продолжением этой пятницы.

Девушкой она была не по возрасту развитой, с большой красивой грудью, упругой округлой задницей и длинными стройными ногами. Одета она была по тем временам модно, броско и максимально безвкусно. Волосы были выбелены и завиты мелкими кудрями, лицо покрывал боевой грим амазонки, вышедшей на охоту на самцов. В Улике она видела богатенького мажора, с которого, если повезет, можно что-то получить, какой-нибудь подарок – может, парфюм или шмотку. Юлька догадывалась, что из всего, что у нее есть, самым ценным является ее влагалище, и она решила, что никакого смысла его беречь нет, ибо, как говорили старшие подружки, все равно из него ссать, а тут есть дурачки, которые могут за несколько минут его использования в какой-то степени улучшить ее жизнь – жизнь простой девочки из рабочей семьи.

Марго и Юля учились вместе в начальной школе, и, хотя жизнь после восьмого класса полностью развела их по разным мирам (одну в педагогическое училище, другую – в торговое), бывшие одноклассницы часто общались, вместе гуляли и развлекались.

Ужин закончился. Компания вышла на вечернюю улицу. Улик приобнял Юлю:

– Все, ребята, спасибо за компанию, у нас есть дела.

Он приблизился к краю тротуара и поднял руку. Через несколько секунд одно из такси, стоящих в ожидании выходящих из кафе «Огни Москвы» клиентов, сорвалось с места и показало к голосующему. Улик галантно распахнул заднюю дверцу «Волги» и усадил Юлю, которая от радости даже забыла попрощаться с Марго. Подбежал Сергей, парни обнялись, затем Улик бежал такси с другой стороны, хлопнула дверца, машина рванула вперед и покатила к Лубянке.

Марго, немного опешив, посмотрела вокруг:

– Серьга, прости, но я к тебе не поеду. Я не такая. Я не могу, как Юля, так встречаться с парнями.

Серьга улыбнулся:

– Марго, я тоже не такой. Точнее, не всегда такой. Так скажем, иногда бываю таким, когда Улик перепьет и девицу нужно как-то оттрахать, ну или дотрахать. Так что могу предложить погулять еще, а потом я провожу тебя до дома. Где ты живешь?

Марго назвала адрес и оказалось, что живут они в одном направлении. Марго и Серьга пошли гулять по Красной площади, Зарядью, перешли в Замоскворечье. Они болтали, рассказывали разные истории, веселые и грустные. Серьга оказался совершенно не таким циничным и надменным, каким казался при знакомстве. Нет, цинизм, саркастичность и снобизм в нем, бесспорно, были заметны, но очень часто он очень едко шутил о самом себе, принижал свои достоинства и даже унижал себя. Серьга называл это самоиронией, называл ее величайшим даром, но казалось, он просто не очень уверен в себе, у него много комплексов и страхов, которые приходится прятать за бравадой и сарказмом. Казалось, что Серьга стеснялся успеха своих родителей и очень боялся их разочаровать. У него не было свободы выбора – мама и папа все за него спланировали на годы вперед. Но Серьга не был бунтарем, хулиганом, он был разумным, вежливым и внешне уважительным – классическим конформистом, «золотым» ребенком, который всегда слушает старших. В его школе простых детей не было, все были дети партийной или управленческой элиты. Они жили двойной жизнью: в школе были примерными учениками и комсомольцами, а вечером в своих узких кружках глумились над советской властью, которая дала им все, о чем даже не могли мечтать простые, вполне к ней лояльные и патриотичные люди. Все мечтали под любым предлогом уехать на Запад, которым восхищались до дрожи. Одежда, музыка, кинофильмы, книги, западный образ жизни, политические и сек-

суальные свободы, свобода самовыражения – все это сплеталось в некий миф из правды, полуправды, пропаганды и рекламы. Удивительным образом он оказался одним из самых живучих мифов, с какими бы реальностями эти люди потом не сталкивались.

Марго тоже была в восторге от мифического Запада. Ее магнитом была Германия, и когда она встретила Серьгу – человека, который жил на Западе, был в Германии и во многих других странах, который даже родился за границей, ей было очень интересно с ним общаться, что-то узнавать, впитывать этот отраженный в нем свет западного мира. А Серьга видел в Марго красивую искреннюю девочку, которая тянулась к нему, с интересом слушала его и главное – понимала, о чем он говорил.

Вечер быстро катился в ночь. Они спустились в метро на Кропоткинской, доехали до Юго-Западной, там успели пересесть на последний автобус и почти в одиночестве доехали до Олимпийской деревни. Через несколько минут Серьга и Марго подошли к ее подъезду.

– Классный был вечер, мне очень понравилось с тобой гулять, – Марго сложила ручки в замок на груди, отвела их от себя, вывернув ладонями вперед, и приподнялась на носочках ботинок. Получился такой смешной кукольный реверанс. – Очень бы хотелось повторить.

Серьга закивал головой:

– Да, очень классный, спасибо тебе. Я же обещал дружить, значит будем встречаться часто. Но мне нужен твой телефон, а я думаю, что ручки у нас нет. Марго, ты можешь запоминать цифры? Я вот совсем не могу.

Марго, увы, тоже плохо запоминала цифры.

– Давай, я попробую, – неуверенно сказала она.

– Ладно, сейчас что-то придумаем, – Серьга огляделся в свете уличного фонаря. На бетонном столбе были смонтированы стальное обручи-бандажи. – Видишь этот обруч? Напиши свой телефон на бумажке и засунь за него. Я завтра за ней приду. Правда, не могу сказать, когда точно – мы с родителями завтра пойдем на какое-то мероприятие. Я заберу твою бумажку и вставлю свою. Будем действовать, как шпионы.

Марго показала большой палец:

– Классная идея! Наверное, тебя будут готовить в твоём МГИМО быть разведчиком. Станешь вот так получать от своих агентов американские секретки.

Серьга хмыкнул:

– Кто знает, кто знает. Может, так и будет.

Они еще некоторое время постояли молча.

– Ну ладно, механик-водитель танка Т-72, приказываю идти в казарму и спать. Мне еще нужно будет где-то поймать машину.

Марго показала рукой в сторону строения, с другой стороны которого был ресторан:

– Иди туда, там машины до двух ночи стоят. Точно уедешь.

– Спасибо, мой милый друг, это хорошая новость, а то бы спал у тебя перед дверью на коврик.

Марго улыбнулась:

– Да, ты очень породистая собака, точнее, кобель. Таковую не грех и в дом взять.

Теперь улыбнулся Серьга:

– Знаешь, когда породистый кобель срывается с поводка, его тянет к разным дворовым сучкам.

Марго наигранно уперла руки в боки:

– Значит, я дворовая сучка?! Ладно. Ты знаешь, обычно дворовые сучки здоровые и ласковые, а породистые кобели все больные и злые, все время тявкают и жрут какашки. И еще их кастрируют, чик-чик, – Марго показала пальцами ножницы. – Ты давай мотай отсюда, пока я ножницы не достала.

Они засмеялись. Серьга привлек Марго к себе, и они поцеловались. Серьга целовал ее в щеку, а Марго хотела увернуться, но получилось, что поцелуй пришелся частично в губы. Марго вспыхнула:

– Ну, ну, ковбой, еще лассо не накинул, а уже лезешь с поцелуями.

– Прости, танкист, очень быстро башней крутишь – вот и попал в смотровую щель. Точнее, в ротовую.

Марго оттолкнула Серьгу и пошла к дверям подъезда, произнеся.

– Пойду писать записку, а то вдруг ты в пять утра прибежишь.

Дверь лязгнула, но потом снова открылась.

– Серьга, скажи, а правда, что у Улика член 24 сантиметра? Это же, кажется, очень много.

– Марго, откуда ты знаешь, это много или мало?

– Я читала, спрашивала подруг, какие они, эти ваши фаллосы. Такие, – она примерно показала указательными пальцами размер, – бывают только в порно.

– Спи спокойно, танкист, Юльку ждет серьезное разочарование. Я, конечно, не измерял, но на вид там сантиметров четырнадцать, пятнадцать максимум. Обычный человеческий член.

– Ладно, успокоил, а то я переживала, что больше Юльку не увижу – затрахает до смерти бедолагу. Пока!

Дверь опять лязгнула.

Утром Марго вынесла записку, но под обручем уже был листок с номером телефона и рисунком уха с сережкой. На душе стало очень тепло. Днем она несколько раз звонила, но не дозвонилась. Вечером в трубке послышался женский голос:

– Добрый вечер, Элеонора Кабанова слушает.

– Добрый вечер, не могли бы вы позвать к телефону Сергея?

– Кто его спрашивает? – голос в трубке стал ледяным.

– Передайте ему, что это Маргарита, преподаватель немецкого языка. Мы вчера с Сергеем договорились о занятиях, он интересуется немецким языком.

Голос в трубке потеплел:

– Минуточку. Сергей, Сергей, к телефону! Учитель немецкого звонит, подойди быстрее, пожалуйста!

Раздались шаги и голос Серьги:

– У аппарата!

Марго тоном учительницы произнесла:

– Сергей, вы вчера печалились, что не знаете немецкий. Вот теперь мы будем с вами его учить. Запишите, пожалуйста, мой номер телефона, и мы будем заниматься два раза в неделю: во вторник и четверг в шесть часов вечера у вас дома. И запишите название учебника, который вам нужно купить в магазине научной книги на пересечении улиц Вавилова и Дмитрия Ульянова. Завтра вечером в семь жду вас у своего подъезда. Обсудим детали моего трудоустройства в разведку.

Так начиналась долгая история отношений Марго и Серьги. Марго действительно приходила к нему домой, они занимались немецким два академических часа, за что мама Серьги давала ей пять рублей. Они пили чай, Элеонора рассказывала о жизни за границей, показывала фотографии их семьи в разных странах, модные журналы и каталоги.

Марго и Серьга много общались, гуляли, ходили по разным музеям и выставкам, театрам и концертам. Они уже свободно целовались, обнимались, ласкались, но секса пока не случилось, хотя Серьга периодически на это намекал.

Лето летело к концу, когда Серьга предложил Марго сгонять на неделю в Крым. Марго в первый раз в жизни полетела на самолете.

Крым

Салон самолета Ту-154 был полон. Им достались два крайних места, и Серьга предложил Марго сесть к проходу на случай, если ее начнет тошнить – она быстрее сможет убежать в туалет. Перелет должен был занять примерно полтора часа. Может, чуть больше, если нужно будет покружиться над посадочной полосой. Стюардесса разнесла кисленькие леденцы, проверила, пристегнули ли пассажиры ремни и ушла в нос самолета, задернув за собой шторку. Марго сильно боялась. Она вспотела, руки тряслись мелкой дрожью.

Серьга сжал ее ладонь:

– Братка, не бойся, самолет – самый безопасный вид транспорта на земле. И в нем самая короткая смерть. Вжух – и ты плазма.

Слова Серьги заставили сердце Марго стучать еще сильнее. Она вцепилась в него. Наконец самолет закончил маневры на взлетной полосе, остановился, покачался на лапах шасси и начал разбег. Двигатели взвыли, корпус лайнера затрясся мелкой вибрацией, колеса начали все чаще и чаще бухать на стыках бетонных плит, тряска росла и вдруг вмиг прекратилась. Из всей какофонии звуков в салоне остался только надсадный вой турбин и скрип его пластиковой обивки. Звуки были где-то очень далеко. Марго инстинктивно сделала глотательное движение, и звуки приблизились. Вместе с ними пришла боль в ушах. Марго заверещала:

– Ухи мои, ухи!

Серьга зажал Марго нос пальцами:

– Выдувай воздух.

Марго выдула из носа воздух, и боль прекратилась.

– Ну вот, с первым полетом тебя Ты теперь не только танкист, но и пилот.

Он поцеловал Марго, и она ответила ему горячим поцелуем.

– Серьга-а, я лечу-у-у... Я птица!

– Не, ты сейчас похожа на суслика, которого несет орел. Мы тут все суслики. Представляешь, мы летели на Кубу почти сутки, через Ирландию. Вот это было тяжело. А тут немного пролетим и уже будем садиться.

В салоне были маленькие дети, которые периодически плакали. Некоторые пассажиры читали газеты, кто-то дремал. Серьга достал из кармана джинсовой куртки книжку в мягком переплете. Марго увидела черную обложку с двумя большими красными буквами «IT» и спросила, что это за книга.

– Это самый новый роман Стивена Кинга. Название я бы перевел как «Оно».

– А что это за писатель? Первый раз слышу.

– Это культовый американский писатель, пишет разные ужастики и психологические триллеры – это такие романы про всякую мистику, маньяков, людей со сверхспособностями. Он написал «Сияние», «Мертвую зону», «Кладбище домашних животных». По ним сняты шедевральные фильмы. Надо будет с тобой все это посмотреть, когда вернемся. У меня есть кассеты дома. Да, чтобы ты не скучала, хочешь послушать музыку?

Марго кивнула. Серьга снял с шеи наушники, надел их на голову Марго и передал ей плоскую серебристую коробочку с кнопками. Внутри под крышкой лежала кассета.

– Смотри, у меня есть последний альбом Элтона Джона Leather Jackets, а есть Майкл Джексон Thriller. Что будешь слушать?

Марго знала Майкла Джексона и, конечно, слушала Thriller десятки раз. А вот про Элтона Джона ничего не знала.

– Давай Джона этого, не слушала никогда.

– Ну тогда включай, это он сейчас стоит. Кассета закончится, перевернем, на второй стороне как-раз записан «Триллер».

Марго нажала кнопку Play, увеличила громкость и погрузилась музыку. Через некоторое время кассета кончилась, Серьга ловко ее перевернул, и Марго опять окунулась в чарующие звуки теперь уже знакомых песен.

Полтора часа прошли незаметно, а потом действие развернулось в обратную сторону. Сперва заложило уши, потом Марго вспотела и вцепилась в руку Серьги. Самолет гулко шлепнулся на бетонку, затрясся, стал сбрасывать скорость, медленно катиться и, наконец, остановился. Погасли табло с картинками ремней и сигарет. Они прилетели.

Элеонора догадывалась, что между сыном и его якобы учителем немецкого есть что-то большее, чем просто изучение языка. Перед ней стоял выбор: либо все это максимально жестко пресечь, либо взять под контроль. Она выбрала второе. За несколько дней до того, как Серьга пригласил Марго в Крым, они серьезно поговорили. Семья ехала на дачу в Звенигород. За рулем «Вольво» сидел отец, рядом с царственным видом восседала мать, а Серьга и его сестра-погодка Маша ехали сзади.

Мама строгим голосом начала:

– Сергей, мы видим твой интерес к Маргарите. Это нормально, в твоём возрасте все начинают влюбляться. Главное – чем это заканчивается. В твоём случае это не должно закончиться свадьбой, беременностью или венерической болезнью, хотя мне кажется, что последнее не о твоей Марго.

Сестра захрюкала:

– Семь уколов – и любая болезнь лечится, а беременность решается абортom. Главное, чтобы с дуру не женился на девице из пролетариата, – Маша, будущий врач, с огромным удовольствием уколола братца.

Тот зло ответил:

– В жопу пошла, сучка.

– Перестань, Сергей, не ругайся при родителях, не хами сестре и слушай меня, – продолжала мать. – Секс – только в презервативе. Тебе нужно учиться, потом мы уже посмотрим, на ком тебе жениться. Маргарита кажется приятной и неглупой девушкой, но нам, может быть, придется устраивать «правильный» брак, – она многозначительно покивала головой, – и куда ты тогда ее денешь? Ну, или обычная жизнь в СССР или какой-нибудь Болгарии с Монголией. Это того не стоит. Ты меня понял?

– Да мамочка, да, моя дорогая сестрица, нас, породистых кобелей, надо вязать с породистыми суками, а то в советской элите закончатся кадры, – Серьга толкнул сестру в плечо. – Тебе уже нашли правильного женишка. Ничего, что носом можно орехи колоть, зато двоюродный племянник Шеварднадзе.

Сестра сделала презрительное выражение лица:

– Лучше мой муж носом будет золотые орехи колоть, «ядра – чистый изумруд», чем твоя пролетарская жена будет в школе учить дебилов, которые русский-то не могут выучить (представляете?), немецкому языку. Это пародия.

Все замолчали. Семья подъезжала к их дачному поселку на Николиной горе.

Через несколько дней мать вручила Серьге путевку на двоих в санаторий «Горное солнце» в Алушке и большую коробку импортных презервативов. Их семейный договор был заключен.

Санаторий, построенный в 50-х годах в стиле сталинского ампира, был очень хорош. Входящее в стоимость путевки питание, буфет с огромным выбором крымских вин и коньяков удивляло даже выдавших виды партийных работников и сотрудников советских ведомств.

После прилета парочка побежала к Черному морю, которое Марго видела в первый раз, поели в столовой санатория и пошли гулять по городу. Перед тем как они вышли на прогулку, Серьга достал из чемодана стопку летних вещей, которые взял у сестры. Это были потрясающие фирменные майки с принтами рок-групп, джинсовые шорты Lee, потрясающие французские цветастые сарафаны на бретельках Naf-Naf, красивый раздельный купальник. Марго растерялась.

– Спокойствие, только спокойствие, у этой подлой сучки Машки столько барахла, что даже если забрать половину, она не заметит. Носи спокойно, сейчас это все твое. Дальше я вопросыки закрою.

Они опять пошли на пляж, купались, гуляли, потом ужинали, танцевали на дискотеке, гуляли по берегу и целовались, купались голыми. Когда они плавали в воде и прижимались друг к другу Марго почувствовала возбужденный член Серьги, сжала его рукой. Она почувствовала, как он начал пульсировать и что-то горячее вырвалось из него.

– Да, Марго, не думал, что наш первый раз будет таким, – Серьга поцеловал ее долгим соленым поцелуем. – До чего довела ты парня: кончил, не донес.

– Прости, мой хороший, я как-то сама растерялась. Чувствую что-то торчит, думала, что какую-то рыбу поймала, а это член твой попался.

Наконец они пришли в номер, разделись, приняли душ и легли в постель. Когда ласки возбудили их до состояния звенящих струн, Серьга начал пристраиваться. Неожиданно Марго отстранила его.

– Сергей! – она произнесла именно его имя, а не прозвище. – Сергей, я хочу сказать тебе очень важную вещь. У меня никогда не было секса, я девственница, и хранила девственность для своего единственного, любимого, своего прекрасного принца – для будущего мужа. Я люблю тебя, и возможно, мне иногда кажется, что и ты любишь меня. Сегодня я готова отдать себя тебе, если... – она сделала паузу, облизала пересохшие от волнения губы, – если ты женишься на мне. Если ты поклянешься, что после того, как нам исполнится по 18 лет, мы пойдем в ЗАГС и подадим заявление. Я буду любить только тебя всю свою жизнь, буду верна тебе, как собака, я буду рожать тебе детей, буду с тобой в минуты горя и радости. Но есть два условия. Ты никогда не будешь изменять мне со своими шлюхами, которые выются вокруг вас с Уликом, и не изменишь этой клятве. Если ты мне сейчас совершь, мы переспим, а ты на мне не женишься, я умру, я просто умру, я, наверное, убью себя, так как пропадет весь смысл моей жизни: найти любимого человека и подарить ему всю себя. Я прекрасно понимаю, что я тебя не пара, что твоя семья меня не примет, что у тебя большое и светлое будущее за бугром, а я буду учительницей в средней школе. Я лежу перед тобой. Я твоя. Делай свой выбор.

По щекам Марго текли слезы. Она пристально смотрела в глаза Серьги. Пауза тянулась вечно. Марго увидела, словно в замедленной съемке, как глаза Серьги наполняются слезами, как его губы приближаются к ее мокрой от слез щеке, как он медленно встает с кровати, натягивает джинсы, набрасывает на голое тело джинсовую куртку, вставляет в кроссовки ноги и пошатываясь идет к двери. Дверь тихо закрылась.

Серьги не было всю ночь. Марго несколько часов рыдала, свернувшись калачиком, потом заснула. Утром ее разбудил поцелуй. Она открыла глаза. Рядом с ее лицом лежал огромный букет цветов. В ногах на краю кровати сидел Серьга. Одежда на нем была в грязи и бурых пятнах засохшей крови. На лице синяки, и вокруг носа и левого уха запеклась кровь. Ухо разорвано, и серьги в нем не было. Кулаки тоже в крови. Серьга был сильно пьян, но улыбался довольной, почти счастливой улыбкой. Марго с ужасом смотрела на него.

Марго бросилась к нему, стала ощупывать, приговаривая:

– Что болит? Где болит?

– Ни-че-го. У меня ничего не болит, мне прекрасно и хорошо. Только надо поспать.

Он прилег на кровать, положил голову на колени Марго и заснул. Марго аккуратно подложила ему под голову подушку, стащила с ног кроссовки и джинсы, сняла куртку. Все тело Серьги было в ссадинах и синяках. Было понятно, что его пинали ногами. Вероятно, добивали после того, как сбили с ног. Марго так никогда и не узнала, где он провел ночь, с кем дрался. Она сидела рядом и смотрела, как он спит.

К обеду Серьга проснулся и долго лежал в ванне. Потом они ели, купались, гуляли. Пришлось сходить в местный травмпункт, где ему зашили ухо. Они ложились спать, целовались и

засыпали. Серьга больше не поднимал тему отношений, любви и секса, только один раз попросил его простить и не переставать с ним дружить. Марго понимала, какой выбор сделал Серьга. Но вместо обиды и злости она чувствовала к нему огромную благодарность, такую искреннюю человеческую любовь. Ей стало легче, сердце наполнилось каким-то теплым чувством покоя. Через пять дней они улетели в Москву.

Отто

Отто, или для близких друзей Удо Вильгельм Нейман, родился в Шверине в середине шестидесятых годов третьим ребенком в семье. У него было две сестры-близняшки, Бригитта и Моника, на четыре года его старше. Оба родителя служили на государственной службе в магистрате Шверина: отец – государственным инспектором в системе электроснабжения, а мама отвечала за состояние городских парков и прочих публичных мест. Оба деда Удо не пережили войну. Один погиб в 1943-м в Сталинградском котле, а второй утонул где-то в Атлантике вместе с подводной лодкой. Его родителей воспитывали матери. Они помнили войну, хотя и были тогда еще совсем маленькими. Помнили, как их бомбили, как они прятались в бомбоубежищах. Как грохотали зенитные пушки и как шли бои за город, когда на улице трещали пулеметные очереди. Помнили страх, который им внушали солдаты в зеленой форме; как ходили с мамами стоять к полевым кухням за кашей и хлебом; как русские вламывались в дома в поисках прятавшихся там партизан, бывших солдат СС, решивших продолжать сопротивление. Родители были навсегда травмированы войной, прокатившейся по их детству. Они очень боялись остаться одни, так что все члены семьи в трех поколениях жили в большом доме покойного деда Удо по отцовской линии. Было такое впечатление, что его родители всю жизнь ждали стука в дверь прикладов винтовок русских солдат. И еще они очень трепетно относились к еде, так как в детстве сильно голодали.

У Удо было очень обычное детство мальчика в ГДР. Его растило государство: сперва детский садик, потом школа, где к процессу присоединились сначала пионерская организация имени Эрнста Тельмана, потом Союз свободной немецкой молодежи, всевозможные спортивные и технические кружки. Полтора года он служил в Национальной народной армии ГДР, где освоил военную специальность связиста-телефониста. Служил он в той-же земле Мекленбург-Передняя Померания и служил добросовестно, был дисциплинированным и исполнительным, получал много поощрений, рос в званиях. Позже, когда они познакомились с Марго и Удо рассказал, где живет, первым ее вопросом было, а есть ли Задняя Померания? Оказалось, что такой земли нет, но Удо было смешно. Он слышал название своей родной земли всю жизнь и ни разу не задумался, почему она так называется и, действительно, почему, если есть, например, передняя ось, то тогда должна быть и задняя. Один раз он услышал шутку: передняя или задняя Померания, зависит от того, как ее к себе повернуть. Эту шутку он часто повторял.

Во время службы Удо часто пересекался с советскими солдатами. В Шверине располагался главный штаб 94-й Гвардейской мотострелковой дивизии Вооруженных сил СССР в группе советских войск в Германии западной группы войск. Так как телефонные линии соединяли все объекты армейской инфраструктуры, которая у двух армий часто была общей, связистам нужно было постоянно взаимодействовать.

Удо, как все дети, пытался учить русский язык в школе, но учил мало, говорить на нем не мог, знал только несколько слов, преимущественно матерных. Но с солдатами советской армии он общий язык находил быстро, а если ему нужно было чем-то поживиться, например, маскировочными сетками, сапогами и плащами от костюмов химической защиты, тушенкой и рыбными консервами, приторным сгущенным молоком, сигаретами и сахаром, то он просто приносил пиво или особенно востребованные эротические журналы «Дас Магазин» или «Нудизм» Немецкого союза натуризма ГДР(ДФК).

После армии бывший штаб-ефрейтор вернулся в Шверин, достаточно легко поступил в местный политехнический институт на отделение инженеров электросетей, окончил его и

в честь окончания получил от родителей подарок – поездку в СССР, включавшую перелет в Москву, экскурсии по городам Золотого кольца: Ростов Великий, Владимир, Суздаль, Ярославль, переезд на поезде в Ленинград, посещение дворцов в пригородах и далее плавание по морю на круизном лайнере через Таллин, Ригу, Клайпеду в Калининград и потом через Ростов домой в Шверин.

После приземления в московском аэропорту Шереметьево-2 их туристическую группу встретил представитель туристического агентства «Спутник». Их провезли по городу, высадили на Красной площади и отвели в Кремль, а потом на обед в огромную гостиницу «Россия». Выдали ключи, дали пару часов передохнуть и повели на прогулку по центру Москвы: в Александровский Сад, на Арбат, Новый Арбат, Тверскую, Лубянку и через Китай-город к реке и обратно в номера. После ужина немцам дали туристические карты и рассказали, где можно гулять. Разбившись на группки со старшим, назначенным из туристов, они прогулялись по Мясницкой на Чистопрудный бульвар, прошли по Маросейке и Покровке.

Удо был назначен старшим в группе из семи человек. Немцы гуляли по вечерней Москве, смотрели на местных жителей, которые тоже смотрели на них с явным интересом, покупали мороженое, зашли в пару магазинов, ничего интересного там не обнаружив. Все начали уставать от насыщенного дня. Решено было повернуть к гостинице и посидеть там в баре. Когда они пришли в холл, увидели два бара. В одном обстановка была простенькая, посетители, преимущественно местные, пили шампанское, вино, водку и коньяк. Был один сорт местного пива, совершенно гадкого на вкус. Можно было выпить кофе, сок, чай, съесть мороженое или купить шоколад.

Из другого бара доносились звуки западной музыки, туда заходили иностранцы. Прошли несколько немцев. Удо с компанией направились именно в этот бар. На входе к ним подошел небольшого роста человек в темном костюме, совершенно лысый и на нескольких языках спросил, откуда они. Удо сказал, что из Германии. Мужчина пристально оглядел немцев и на хорошем немецком спросил, из какой Германии они конкретно, хотя по выражению его лица было понятно, что он уже знает, из какой такой Германии они приехали. Удо произнес: «Германская Демократическая Республика». Мужчина спросил, есть ли у них доллары, марки ФРГ или финские марки. Удо сказал, что у них есть марки ГДР и рубли. Человек развел руками. В этом баре за напитки можно платить только в этих трех валютах. Если у вас рубли, то ваш бар находится с той стороны холла.

За время этой беседы мимо немцев в бар проходили редкой красоты молодые женщины в роскошных вечерних платьях. Некоторые потом выходили под ручку с иностранными господами и направлялись к лифтам. Удо понимал, чем занимаются эти дамы. Было удивительно смотреть, как в советской стране женщины продаются так откровенно и массово. Также он понимал, что говорящий на нескольких языках лысый мужчина не просто метрдотель. Скорее всего, он работает на КГБ, а проститутки тут находятся под опекой КГБ. Было обидно, что одни немцы были людьми первого сорта, а другие – второго.

Удо пошел в бар для советских людей, заказал сто граммов коньяку, который принесли с лимоном и шоколадкой. Выпив коньяк и хрустнув достаточно вкусным горьким шоколадом, Удо пошел в номер. В ожидании лифта немец средних лет с жаром целовал молодую длинноногую девушку в коротком красном платье в блестках. Он мямлил ее задницу и грудь и довольно похрюкивал. Лифт все не ехал. Наконец створки раскрылись, и они вошли в лифт. В первый раз лифт остановился на девятом этаже. Пара пошла на выход. Удо пожелал господину спокойной ночи.

Тот повернулся и, криво улыбнувшись, произнес:

– Сладких снов, Оси, пусть тебе приснится старина Хонекер.

Лифт закрылся и поехал на двенадцатый этаж.

– Швуль поганый, – выругался Удо. – Чтоб у тебя был сифак и триппер сразу.

День заканчивался, а завтра утром немцам предстояло ехать по Золотому кольцу.

Любовь

Утро. Зазвонил телефон, стоящий на журнальном столике в гостиничном номере. Удо открыл глаза. Самочувствие и настроение были отличными. Выпил он вчера мало, а спал, даже можно сказать, много, больше шести часов. Больше он спал только во время службы в армии – там отбой был в одиннадцать, а подъем в семь утра. Удо быстро высыпался. Даже после мощной попойки он обычно быстро приходил в себя, болел очень умеренно и сильным похмельем не страдал. Плюс утром помогало пиво. Как и подавляющее большинство немцев, Удо не мог жить без пенного. Он не был большим фанатом крепких напитков и вина, хотя с удовольствием пил и то и другое под настроение. Но для питья пива ловить особое настроение было не нужно. Выпить три кружки или шесть бокалов ему особого труда не составляло. Конечно, если это было пиво, а не то пойло, конская моча, которое он пробовал пить вчера в советском баре.

Удо встал, пересек комнату и поднял трубку. В трубке раздался гудок. Вчера всем туристам из его группы по просьбе сопровождающего были заказаны звонки на семь часов. Чтобы звонки автоматической АТС прекратились, нужно было поднять трубку. Еще можно было самому запрограммировать звонок в телефоне или позвонить администратору. Но решили не рисковать.

Удо знал, что до завтрака у них 20 минут, а потом они отъезжают. Он быстро побрился, умылся, принял душ и собрался. Удо умел быстро собираться, так как был организованным и расторопным человеком. А еще он был очень пунктуальным. Вообще, это немецкая черта характера, но в Удо она была гипертрофирована. Его бесило, когда люди опаздывали хотя бы на пару-тройку минут. Он всегда говорил: «Выйди на десять минут раньше, приди на пять минут раньше, и тебе не будет неудобно перед человеком, который тебя ждет». Перед выходом он еще раз зашел в ванную, чтобы причесаться и закрепить прическу лаком. В большем зеркале отражалось продолговатое веснушчатое лицо с большим носом и крепкими, крупными белыми зубами, обрамленными достаточно тонкими губами. Глаза были серо-голубыми, а волосы, усы, брови и ресницы – цвета спелой пшеницы. Густые, жесткие волосы немного кудрявились и сзади были собраны в хвост, который на шее раздваивался.

Удо вырос высоким (около 185 сантиметров) и хорошо сложенным парнем. Он всегда занимался разными видами спорта: легкой атлетикой, боксом, борьбой и даже греблей. Никаких достижений не имел, просто был гармонично развит физически. Удо не был каким-то знатным красавцем, но был очень симпатичным и располагающим к себе человеком, обаятельным, в меру скромным и воспитанным. И он умел смешно шутить. Одевался, как все восточные немцы, скромно, в одежду производства своей страны, часто носил сандалии с носками. Но в Москву Удо надел все лучшее: купленные у спекулянтов американские джинсы Wrangler, кроссовки Adidas с непременно для немцев из ГДР белыми носками, короткую кожаную куртку с подтянутыми до локтя рукавами и майку с глубоким вырезом. На шее висела золотая цепочка с именным кулоном, на одном запястье золотой браслет, на другом – японские электронные часы.

Ровно в семь двадцать он вошел в столовую и в семь пятьдесят уже сидел в ожидающем их автобусе. Выезд был назначен на восемь. Было солнечно и уже тепло. Туристы постепенно заполняли темно-вишневый «Икарус» с большой надписью «Intourist». Сопровождающий пересчитал пассажиров, что-то написал в листках, которые достал из черной дерматиновой папки на молнии, выглянул из двери и крикнул: «Марго, уезжаем!» Удо увидел, как от группы девушек в синих, похожих на униформу стюардесс костюмах, отделилась фигура и почти бегом направилась ко входу в автобус. Удо подметил, что девушка двигается грациозно и у нее отличная фигура. Она взмыла по ступенькам в салон и, встав рядом с водителем, заговорила очень приятным поставленным голосом:

– Уважаемые господа, доброе утро! Позвольте представиться, меня зовут товарищ Маргарита Семенова, я помощник сопровождающего и ваш переводчик. С этого дня и до посадки на круизный лайнер в Ленинграде я буду сопровождать вас во всех городах нашего маршрута. Для удобства прошу обращаться ко мне по имени: Марго. Сейчас мы едем по маршруту Ростов – Ярославль, где остановимся на ночь, а завтра посетим города Владимир и Суздаль и к вечеру вернемся в Москву.

Дверь закрылась, и автобус тронулся. Марго села на специальное место впереди, взяла в руки микрофон и приготовилась переводить. Рядом сел гид, пожилая грузная дама. Она начала рассказывать о видах за окном, а Марго переводила. Удо поразился, насколько чисто и грамотно говорит Марго. Да, это не было настоящим немецким произношением, многие буквы в ее речи звучали мягче и протяжнее, она не строила интонацию, как это делают в Германии, а говорила как бы чуть нараспев, да и не все ударения попадали в нужные места. Но грамматика была безупречной, она не ошибалась ни в родах, ни в падежах. Ее словарный запас был очень большим. Удо подумал, что в самой Германии встречал немцев, которые делали больше ошибок, чем эта девушка. И еще ему было приятно смотреть на ее лицо, мимику. Особенно большое удовольствие доставляло ему смотреть на ее губы – полные, сочные, за которыми скрывались очень ровные и белые зубы, и на щеки, украшенные очаровательными ямочками. Кожа лица была ровной и чистой, покрытой минимальным слоем косметики. Рыжие, вероятно, крашенные волосы забраны в строгий пучок на затылке. Серо-зеленые глаза искрились, тонкие и гармоничные черты лица были выразительными, нежными и чувственными, но в них не было ничего пошлого или неестественного. Милое, чуть наивное личико молодой славянской девушки. Удо привык к ним еще в детстве, когда проводил время в пионерских лагерях, куда приезжали дети из Польши и Чехословакии. Русские девушки были больше всего похожи на словачек, а те ему в отрочестве очень нравились. Понравилась ему и Марго. Рассматривая девушку, Удо погрузился в приятные мечты и совершенно перестал слушать рассказ о достопримечательностях Москвы, а лишь наслаждался переводчицей.

Перед выездом из центра автобус остановился перед каким-то метро, гид попрощалась с туристами, пожелала приятного путешествия и вышла из автобуса, который поехал по каким-то проспектам, улицам и шоссе в сторону пригородов. Потом Москва закончилась, и потянулось бесконечное пространство, бескрайние поля и леса, с редкими деревнями. Дома были преимущественно деревянными и достаточно бедными. Машин на шоссе было много, но половина из них были грузовиками и автобусами. Легковые машины были все советские, «Жигули» или «Москвичи», но иногда их вереницы разбавляли «Волги» и смешные двухдверные автомобильчики с задним расположением мотора, похожие на немецкие машины NSU Prinz.

Улучив момент, когда Марго просто смотрела в окно, Удо подсел к ней на освободившееся место вышедшего гида.

– Добрый день, прекрасная фроляйн Семенова, я Удо, живу в Шверине, это на севере ГДР рядом с морем. Я удивлен тому, как вы замечательно говорите на немецком языке. Вы жили в ГДР?

Марго заулыбалась, поблагодарила за комплимент.

– Нет, не жила, была две недели в Лейпциге и в Карл-Маркс-Штадте на языковой практике после окончания педагогического училища. Я преподаватель немецкого в средней школе. Мне очень понравилось. Совершенно другая архитектура, все другое, все очень компактно и аккуратно. И очень вкусная еда у вас там, конечно.

Потом о себе начал рассказывать Удо. Как учил русский язык в школе, как служил в армии и общался с советскими солдатами, как весело было в студенчестве. Потом разговор перешел на темы семьи. Удо узнал, что Марго живет вдвоем с матерью, инженером-строителем, и что ее отец умер несколько лет назад; что братьев и сестер у нее нет и близкого человека в настоящий момент тоже нет, хотя, конечно, хотелось бы найти достойного парня.

Удо к моменту начала этой поездки тоже был свободен, хотя без женского внимания никогда не оставался. У него были и временные отношения, и просто случайные знакомства, но серьезных, долгих отношений у него так никогда и не было. Он просто наслаждался своей молодостью и свободой.

Автобус ехал по живописной сельской местности. Мелькали березовые рощи, сосновые или еловые леса. Иногда на пути попадались поля с созревающей пшеницей, какие-то еще разноцветные культуры, на пригорках паслись коровы.

Первым пунктом был Ростов Великий – маленький городок с огромной и славной историей, начавшейся в 862 году, знаменитый своим кремлем, монастырями, соборами и огромным озером, на берегу которого он и стоял. Первым делом туристы направились в монастыри, которые были давно превращены в музеи, и церкви, в которых не велись службы. Гиды старательно рассказывали про историю Древней Руси: кто, когда и что строил. Молодым немцам было совершенно наплевать на все эти цифры и имена. Просто они видели странного вида, но вполне красивые старинные постройки, местами отремонтированные недавно, местами давно.

Марго переводила, отвечала на редкие вопросы, иногда что-то спрашивала у гида сама. После монастырей группа направилась в кремль, где по окончании экскурсии их ждал обед в местном ресторане. Часть маршрута пролегла по стенам. Они поднимались на смотровые площадки в нескольких башнях, слушали колокола, что-то типа специального концерта, и вот наконец дошли до столовой.

Два больших темных зала были обставлены тяжелой массивной мебелью, вырубленной из стволов деревьев. Обед был сытный: салат, суп и кусок запеченной свинины с картошкой, пожаренной с луком и грибами. На десерт пирог с какими-то фруктами, возможно, яблоками и грушами, и ягодным джемом. Можно было пить розовый напиток из ягод или чай. Кофе нужно было заказывать за отдельную плату, как и алкоголь. Естественно, немцы заказали водку, вино и портвейн. После обеда туристы переместились в бар, где продолжили пить. Настроение начало улучшаться, поездка становилась приятнее.

Удо подошел к Марго и предложил ей выпить. Она улыбнулась и, естественно, отказалась:

– Как я могу пить, я же на работе.

– Ну тогда выпейте со мной чашку кофе.

– Хорошо, но я заплачу сама – позволять угощать себя иностранцам строго запрещено правилами.

Марго купила кофе. Удо тоже заказал кофе, но с коньяком. Они сели за стол на открытой веранде и закурили.

– Отто, а вы сами решили поехать в эту поездку?

– Нет, родители устроили, подарили мне ее на окончание института.

– И как, вам нравится?

– Конечно, это познавательно, такая интересная архитектура, история, прекрасная культура и природа. Но я бы поехал в Болгарию или еще лучше в Югославию – там море. Я люблю плавать, много лет занимался в секции гребли на байдарках, а там как не поплавать, когда ты находишься у воды? А вы любите море?

– Да, я была два раза на Черном море в Крыму. Правда, один раз всего неделю, зато во второй раз целых три – в международном студенческом лагере. Море – это прекрасно. Я бы очень хотела поехать на море. А ведь там, где вы живете, тоже есть море? Шверин, можно сказать, портовый город.

– Нет, там есть большое Шверинское озеро, есть каналы, но с морем Шверин не связан. Рядом находится город Росток, но это же Балтика, она холодная даже летом. Конечно, гораздо приятнее купаться в Средиземном море, чем в Балтийском. Но у нас много климатических

курортов. Наверное, самый известный из них это остров Рюген. Но он не весь открыт для туризма – на большей части острова находится ваша армия. Вам бы у нас понравилось.

– Да, я уже говорила, что Германия мне очень нравится, она мне с детства нравилась. Я читала книги, смотрела какие-то фильмы по телевизору или молодежные программы, вроде «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!» А еще я слушала немецкую музыку, например, группу Puhdys. Я даже выучила несколько песен и пела их на школьных концертах.

Удо удивился.

– Puhdys я тоже люблю. Правда, не пою и не играю – нет ни способностей, ни слуха. А вы можете спеть мне что-то на немецком?

Петь Марго уговаривать нужды не было. Она тут-же спела «Ловцов жемчуга». Удо понравился ее голос. Даже без музыки у нее получилось спеть красиво и проникновенно.

В этот момент руководитель группы позвал всех в автобус. Далее они должны были ехать в Ярославль, где предполагалась ночевка в местной гостинице. В Ярославле все повторилось: сперва хождение по всяким достопримечательностям, потом обильный ужин с алкоголем, вечерняя прогулка по городу и по набережной Волги. Вернувшись в гостиницу, немцы обнаружили, что в том же здании есть дискотека, для постояльцев гостиницы совершенно бесплатная. Выпив еще в баре, немецкая компания почти в полном составе отправилась танцевать. На танцполе было достаточно много людей. Русские парни и девушки стояли кружками и лихо отплясывали под русские и иностранные шлягеры. Удо отметил, что в СССР молодежь слушала ту же западную музыку, что их сверстники в ГДР. На входе стояли два милиционера. На поясе у них висели длинные резиновые дубинки. Молодые парни в форме тоже немножко подтанцовывали в ритм музыке.

Неожиданно боковым зрением Удо увидел Марго, которая вошла в зал. В ее внешности произошли очень серьезные изменения. Прежде всего, волосы были распущены и переливались в лучах светомызыки, по ним бегали блики зеркальных шаров. Лицо было накрашено гораздо сильнее, чем днем. Марго была одета в узенькие голубые джинсы с укороченными штанинами и белую рубашку, полы которой завязывались под грудью большим узлом. Плоский голый живот Марго был очень привлекательным. Удо не мог оторвать от нее взгляд. Он подошел к девушке, встал рядом, и они начали лихо танцевать. Через несколько динамичных песен заиграла медленная. Часть танцующих разошлась по залу, а часть встала в пары и начала танцевать в обнимку. Удо попросил разрешения пригласить Марго на танец. Она согласилась. Он взял ее маленькую ладошку в свою большую руку, другой обнял ее за влажную горячую талию, а Марго положила руку ему на плечо. Они прижались друг к другу и начали раскачиваться в такт музыке. Удо чувствовал аромат ее волос, кожи, духов, его руки трогали ее упругое тело, ощущали, как движутся ее мышцы. Он чувствовал, как ее упругая грудь прижимается к его груди. В этот момент Удо понял, что начинает возбуждаться. Танец был долгий, скрыть возбуждение он не мог и понимал, что девушка это чувствует.

Наконец медленная песня закончилась и началась быстрая композиция. Удо отпустил Марго, та улыбалась, но ничего не говорила. Удо тоже улыбался. Неожиданно рядом начался какой-то шум, резкие движения, и Удо увидел, как в их сторону летит человек, молодой мужчина. Чтобы тот не сбил Марго, немец сгруппировался и встретил летящего плечом. Парень отлетел от плеча Удо, врезался в других танцующих и свалился. Потом он резко вскочил и с криком «Убью суку!» бросился на Удо. Сработала многолетняя боксерская подготовка. Удо нырнул в присед, удар парня вскользь задел его голову, и он правым хуком в челюсть отправил местного бойца в нокаут. Парень обмяк и сел на пол.

Марго взвизгнула. Два милиционера спокойно подошли, посмотрели на Удо, спросили, кто он, получили ответ, что немец, покивали головами и, подняв с земли упавшего парня, потащили его к выходу. Было видно, как милиционеры вышвыривают его на улицу, попутно дав пинка.

Марго повернулась к Удо.

– Какой у вас мощный удар. Действительно, вы спортсмен. Этот парень не быстро очухается.

– Надеюсь, я его не сильно ударил, просто точно. Это называется нокаут. Я часто в них бывал. Если бьет знающий человек, то обычно челюсть остается целой, но человек падает. Простите, что испугал, но он летел прямо на вас, он бы вас просто сбил с ног.

– Большое спасибо, Отто, что защитили. Наверное, я пойду, завтра рано вставать.

– Марго, давайте зайдем в бар и чего-нибудь выпьем, я бы очень хотел вас угостить. Вы же сейчас не на работе.

Марго мялась, потом согласилась. Удо взял себе коньяк, а Марго решила пить коктейль, в который входили шампанское и какой-то мятный ликер. Они сидели, болтали, периодически Удо уходил за новыми порциями. После четвертого бокала Марго поняла, что хмелеет.

– Все, Отто, мне пора идти.

– Маргарита, мне будет приятно, если мы перейдем на ты, и ты будешь называть меня Удо, как называют меня друзья. Договорились?

Марго кивнула головой.

– Спокойной ночи, Удо.

Она пошла в номер. Удо ее догнал.

– Марго, мне было очень приятно с тобой познакомиться, я не ожидал, что встречу такую замечательную девушку.

Удо взял Марго за руку. Она аккуратно вынула свою руку из его руки.

– Удо, закончится поездка, ты вернешься в Шверин и забудешь, как меня звали. Спокойной ночи.

Марго повернулась и пошла по длинному коридору в свой номер. Номер Удо был на другом этаже. Он проводил Марго взглядом, поднялся по лестнице и открыл ключом тяжелую дверь. Он разделся, сходил в туалет, расстелил постель, лег и выключил свет. Шторы были отдернуты и иногда, когда по улице приезжали машины, по потолку пробегали световые полосы их фар. Удо вспоминал прошедший день. Он думал о Марго и чувствовал, что где-то глубоко внутри его души начинается какой-то процесс, который раньше никогда в ней не происходил. Сон начал захватывать сознание Удо. Ему снилось море, медленные волны с белыми барашками, песчаные дюны, разлапистые сосны, тропинка в сосновом лесу, собака, женщина в бежевом плаще, идущая впереди. На голове у нее повязана цветастая косынка, из-под которой выбивались пряди рыжих волос. Удо не видел ее лица, но понимал, что перед ним шла Марго.

Признание

После Ярославля они ездили во Владимир. Там им показывали старинные фрески какого-то великого русского художника XIV века, который рисовал религиозные картины (в России они назывались иконы). Интересно, что фамилия его происходила от названия русских денег, рублей. Наверное, он дорого брал за свои картины.

Единственное, что понравилось Удо, так это маленький строгий белый храм XII века, одиноко стоящий на холмике в бескрайнем поле за городом. Вокруг холма текла речка, почти ручей. Голубое небо, изумрудная трава, беленые известью стены, темный медный купол и ослепительно блестящий на солнце золотой крест. Этот храм внесен в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, и это было совершенно правильно. Удо стоял рядом с Марго, смотрел на храм, смотрел, как пылают золотом крест и волосы Марго, вдыхал воздух этого бесконечного пространства и начинал ощущать что-то огромное, что вливалось в него из этой земли и из этого неба.

Понравился и Суздаль, такой милый, сказочный город-музей. На родной земле Удо было несколько таких крошечных городков, пряничных и игрушечных, где каждый домик был похож на рождественское елочное украшение – возьми рукой и повесь на ветку.

Группа стала замечать, что Удо как привязанный все время ходит за Марго, старается с ней заговорить, что-то спросить, дотронуться до ее руки. Немцы начали его подкалывать, говоря:

– Да господи, а наш дорогой Удо, кажется, поплыл, поедет обратно в Германию с русской красавицей...

Вернувшись в Москву, весь следующий день они таскались по музеям: знаменитая картинная галерея, Музей революции и музей Вооруженных сил. Удо осознал, как трагично переплетены история и судьбы Германии и России, которые во все времена дрались друг с другом и тянулись друг к другу. Как много немцев были великим патриотами России, даже царями и царицами; как много ученых, художников, врачей, политиков, военных – особенно военных – трудились на благо этой страны, умирали за нее. Миллионы немцев жили тут столетиями, перемешивались с русскими, создавали какую-то новую цивилизацию.

Особенно тяжелое впечатление оставил музей Советской Армии, где целый этаж был посвящен Второй мировой войне. В бесчисленных картинах, фотографиях, документах, предметах были видны боль и смерть, страдания, разрушение городов и судеб. Он вспомнил своих бабушек, своих родителей, которые, услышав слова «Россия», «СССР», «война», начинали говорить тише. Он понял, что русские после победы проявили максимальное великодушие, не перебили всех немцев, не вывезли их Сибирь, хотя имели такую возможность, а практически простили, разрешили восстанавливать свою страну, радоваться жизни, жить значительно богаче, чем живут победители. Да, была еще более богатая Западная Германия, богатая Америка, но американцы не пострадали так, не потеряли более двадцати миллионов своих людей.

После был цирк, с клоунами, медведями, львами и слонами. Удо терпеть его не мог – там пахло дерьмом и каким-то убожеством. Блестящие наряды, сделанные из обрезков, декорации из картона, тонны грима на лицах артистов, запуганные животные – и всему этому десятки лет, все одно и то же, два раза каждый божий день. Дети и внуки цирковых артистов вырастают в цирковых артистов, и эта рутина поменяется, только когда какой-нибудь акробат разобьется, упав на манеж из-под купола, или лев откусит голову дрессировщику.

Вечером того же дня они собрали вещи, спустились в метро, посмотрели несколько станций в центре, которые русский гид называл подземными дворцами, потеряли нос бронзовой пограничной собаке, а бронзовому матросу – пистолет и гранату, наконец приехали на Ленинградский вокзал, где их встретила голова Ленина. Сбегав в достаточно грязный туалет, они вышли на перрон и начали загружаться в ночной фирменный поезд «Красная Стрела». Поезд был действительно красного цвета. Как выяснилось, вагоны были сделаны в ГДР. Внутри отдельные комнатки – купе с четырьмя полками-кроватями, которые были застелены постельным бельем. У купе была распашная дверь с зеркалом внутри. На кровати верхнего яруса нужно было карабкаться по лестнице либо подтягиваться на руках. Удо первый раз ехал в таком спальном вагоне – в Германии были только сидячие поезда с купе на шесть человек, часто без двери. Марго сказала, что в голове поезда есть пара вагонов, в которых только два спальных места и есть собственный туалет и душ. Но ездят там исключительно самые важные люди страны.

В купе Удо ехали одни немцы. Сперва только мужчины, но, конечно, кто-то быстро поменялся местами, и в купе появилась девочка. Сразу из сумок достали еду. О том, что нужно купить еду, сказала Марго – в поезде еда дорогая, алкоголь тоже. Спиртное на стол ставить нельзя, надо пить его скрытно, чтобы проводница не видела. Ели, пили, обсуждали Россию, говорили, что интересно, конечно, но бедно все вокруг. Задавались вопросом, почему русские пытаются строить светлое коммунистическое будущее в ГДР, а сами не могут сделать жизнь богаче, хотя бы как в ГДР? Отмечали, что все советские сверстники, с кем они встречались, гуляли и пили, не верят в светлое коммунистическое будущее, не верят в социализм, тем более в непонятный мифический коммунизм, а хотят перемен, свободы, классной одежды, новой

музыки, денег, поездок по миру. Это было очень созвучно с тем, что чувствовали молодые немцы из ГДР. Все ощущали, что вот немного, и что-то начнет меняться.

Через час, когда первая пара бутылок опустела, один из парней сказал, что больше не может пить, устал, залез на верхнюю полку и заснул. Компания продолжала пить втроем. Через какое-то время пара начала целоваться, потом попросила Удо сходить покурить в тамбур. Думая о товарищах не очень хорошо, Удо взял сигареты и пошел в тамбур. Он стоял, смотрел в темное ночное окно, на тусклые фонари, разноцветные лампы семафоров, пускал дым на стекло и хмельно грустил. Он стал думать о Марго. Сзади щелкнул замок, и из туалета кто-то вышел. Он повернул голову. Это была она. Удо открыл дверь тамбура.

– Доброй ночи, прекрасная Марго! Как поездка? Как соседи?

– Доброй ночи, мой смелый тевтонский рыцарь! Поездка отличная, Питер я обожаю, сам завтра увидишь, – Марго назвала Ленинград Питером, но Удо уже знал оба названия. – Соседи: наш старший группы, он уже спит, и два офицера, полковники, они пьют коньяк и играют в шахматы. А у тебя что?

– Один выпил и спит, двое других трахаются.

Марго сделала удивленное лицо:

– Они же парни.

Удо рассмеялся.

– Нет, они поменялись местами, и теперь в моем купе наши молочные поросята, наши Тристан и Изольда.

– Отличная пара, очень подходят друг другу комплекцией, да и так. Любовь – это прекрасно.

Удо приблизился к лицу Марго.

– Марго, ты не спешишь? Можешь со мной немного постоять?

Марго кивнула головой:

– Конечно, могу. Если дашь сигарету, то и покурим.

Они закурили.

– Марго, прости, могу я задать тебе вопрос?

– Валяй.

– А у тебя была любовь? Ты вроде говорила, что сейчас твое сердце пусто?

Марго глубоко затянулась, выпустила дым и после паузы сказала:

– Да, я очень любила одного человека. Его звали Сергей. И зовут, он слава Богу жив и здоров. Мне кажется, что и он любил меня. Но я такой человек, так воспитана, что готова любить одного человека всю жизнь. Я не хочу его делить с кем-то, берегу себя для него одного. У Сергея был выбор: либо он соглашается стать единственным моим мужчиной и получает всю меня без остатка и навсегда, либо наша любовь умирает. И он сделал этот выбор. Как человек, как мужчина он повел себя очень достойно, я его за это всегда буду уважать, но как любимый человек он меня предал. Поэтому мы не вместе и не будем вместе никогда.

Удо тоже задумался.

– Марго, а почему он не решился? Ты же такой человек, за которого, кажется, можно отдать жизнь.

Марго грустно улыбнулась:

– Жизнь он, может, и готов был отдать, даже в тот вечер, когда отверг меня. Кажется, что-то подобное он сделать и пытался. А вот прожить со мной жизнь, жениться на мне был явно не готов. Он из крутой семьи, отец большой дипломат, метит в министры иностранных дел (ну, во всяком случае точно метит в заместители министра), но всем в семье управляет мать, которая четко сказала сыну и мне потом позвонила и повторила, что гуляйте как угодно, но ни о какой свадьбе или детях речи быть не может. У него большое будущее, карьера, возможно нужен будет карьерный брак. Как у его сестры. Ему надо было выбирать между мной и всем

этим, и он сделал выбор в пользу всего этого. А я осталась одна, но со своими принципами. Наверное, другая бы добилась результатов какой-то хитростью или полагалась на время, но я не такая. Ну а ты?

– Я никогда ни в кого не был влюблен. Точнее, влюблен был часто, но никого не любил серьезно. Вот, а теперь я не знаю, так как есть одна очень красивая, умная, добрая девушка, которая мне нравится. Но я не могу понять, это влюбленность или любовь.

– Интересно, как ее зовут, она из твоего города?

– Нет, она живет далеко, надо много дней ехать к ней по бескрайним просторам. И зовут ее, между прочим, точно, как тебя: Марго.

Они пристально посмотрели друг другу в глаза.

– Удо, не выдумывай. Ты, кажется, что-то вообразил себе такое фантастичное. Понятно, отдых, другая страна, много алкоголя. Ты спокойно живешь у себя в ГДР, там много прекрасных молочных свинок, одна из которых станет тебе прекрасной женой и нарожает тебе кучу Гансиков и Греток, и вы будете счастливы. Как я впишусь в эту историю?

Удо сжал кулаки до хруста.

– Марго, я скажу честно: пока не знаю. Но я буду думать над этим и решать эту задачу. Если я ее решу и ты в этот момент будешь свободной и согласишься стать моей единственной, то это будет смыслом моей жизни – наша любовь.

Марго улыбнулась:

– Все в наших руках. Кто знает, как оно будет? Мне тут снился сон, кажется, вчера, как я иду по Берлину (а может, и не Берлину, но во сне это был большой немецкий город) в свою квартиру, и люди мне улыбаются и здороваются. И я как бы их знаю, мы общаемся, дружим. И людей много, десятки, сотни. Вот такой странный сон.

– Марго, а мне тоже вчера снился сон, что я гуляю у нас там на Балтике по лесу, бегают собака, а впереди идешь ты в платке; я лица не вижу, но это ты, и ты уже взрослая женщина.

Дверь купе Удо открылась, и, пьяно хихикая, в одном полотенце и тапочках в туалет пробежала плотная, широкобедрая белесая девица.

– Мы все, можешь возвращаться, – пропищала она и скрылась в туалете.

Марго положила руку на плечо Удо и потом медленно провела ее до кисти.

– Спокойной ночи, герр Отто Нейман, пусть тебе приснится дивный сон.

Удо пошел в свое купе. Не снимая одежды, залез на свою верхнюю полку и повернулся к стенке. Он почувствовал, что из глаз выкатилось несколько слезинок, и понял, что влюбился.

Расставание

Дни летели, заполненные разными событиями и впечатлениями, но похожие по своей сути.

Ранний подъем, скорый завтрак, тряска в автобусе в какое-то новое место с непроизносимым названием, церкви, музеи, опять церкви, дворцы. Дворцы вообще не особо впечатляли – в родной ГДР их тоже очень много, и все они очень красивые. Потом был обед, потом опять дворцы, музеи и церкви. После ужина свободное время.

Немцы ждали вечера. Они поняли, как и с кем в СССР нужно пить, как находить правильные знакомства. Почти все парни из группы – те, которые не приехали со своими «самоварами», нашли «большую и чистую любовь», и не по одному разу. Интересно, что немки тоже не отставали ни с точки зрения выпивки, ни в «чистой любви». Была пара дней, когда утром в автобус садилось менее половины группы – остальные просто не могли встать либо, как случилось с двумя подружками, их увезли на какие-то дачи в Ленинградской области где-то на Финском заливе, где они люто пили и сношались с несколькими русскими парнями двое суток без остановки. Потом кто-то из их новых друзей привез подружек в гостиницу, и еще целые сутки, до самой посадки на круизный лайнер те не выходили из номера даже есть. Им носили только минеральную воду.

Наконец настал последний вечер перед посадкой на круизный лайнер. Там уже была другая компания-организатор, а значит, и другой персонал. До их расставания оставалось всего несколько часов. После ужина Удо и Марго пошли гулять по вечернему Ленинграду. Они подходили к зданиям, читали таблички, любовались величественными памятниками русским императорам.

Неожиданно Удо повернул к себе девушку, обнял и поцеловал ее в губы. Он думал, Марго оттолкнет его, закричит, но вместо этого почувствовал, как ее губы отвечают ему в глубоком нежном поцелуе. Они ходили по городу до развода мостов, целовались в арках и скверах, на набережной, лавочках. С каждым поцелуем Удо все больше растворялся в Марго, его сердце пронзала сладкая боль. Но время неумолимо шло, короткая ленинградская ночь пролетела, на рассвете они вернулись в гостиницу и разошлись по номерам. Надо было собраться и готовиться к отбытию.

Удо покидал вещи в сумку, переоделся и сел в кресло. Он не заметил, как заснул. Во сне он продолжал целоваться с Марго, и в момент, когда они должны были слиться воедино, в номер начали громко стучать. Надо было бежать и садиться в автобус.

Автобус остановился на стоянке пассажирского терминала Ленинградского морского порта. Все неспеша вышли, забрали из нижних багажных ниш свои вещи и пошли в сторону, которую указывал руководитель группы. Пройдя регистрацию, туристы прошли на причал и увидели круизные лайнеры. Их было несколько, преимущественно финские. На один из них шла посадка. К трапу тянулась толпа людей, больше похожих на зомби. Они качались из стороны в сторону, некоторые падали, некоторых волокли. Несколько человек, как мужчины, так и женщины справляли малую нужду прямо на причале. При этом они продолжали пить алкоголь.

Удо подбежал к Марго:

– Что это, кто это?

– Это «синие туры», или «водочные туры» из Финляндии. Финны на три дня могут приезжать в Ленинград без виз, если они приплыли на пароме или круизном лайнере. Алкоголь у них стоит примерно в пять-семь, а то и в десять раз дороже, чем в СССР. Вот они едут сюда и упиваются в хлам. Все дешево: водка, проститутки, гостиницы и еда. Главное, чтобы платили валютой. И не важно, как они себя ведут – за валюту все можно.

Группа подошла к трапу и начала подниматься. Удо стоял рядом с Марго, понимая, что он не может ее поцеловать.

– Марго, как только я приплыву в Таллин, сразу тебе позвоню. Ты же уже завтра будешь дома?

– Да, звони, где-то часиков с двух, я точно буду дома, – она протянула Удо руку. – Прощайте, герр Отто Нейман, счастливого пути!

– До встречи, Марго. Я люблю тебя.

Марго ощущала, как дрожит его рука. Наконец Удо отпустил ее ладонь и резкими шагами почти побежал к трапу. Они стояли и смотрели друг на друга. Старший что-то сказал Марго, они помахали руками немцам и скорым шагом пошли в здание терминала. Удо смотрел, как удаляются их фигурки. В горле стоял ком, в носу щекотало, хотелось плакать. Такое ощущение он испытывал, когда умерла его любимая кошка. Чувство, что ты не можешь вернуть утраченное. Первый раз Удо подумал, зачем он вообще поехал в этот СССР? Что ему теперь делать? Как встретиться с Марго снова?

Туристов развели по каютам. Они были двухместные, соседа еще не было. Удо лег на кровать, достал из кармана куртки плоскую бутылку с армянским коньяком и начал прихлебывать содержимое маленькими глоточками. Теперь в его жизни появилась задача, не решив которую, он нормально жить не сможет. Раздался пароходный гудок, лайнер начал отшвартовываться и уходить в море.

В это время Марго и старший группы ехали на Московский вокзал. Их поезд уходил через час. Марго думала об Отто. Что она к нему испытывает? Явный интерес – он очень милый, симпатичный мужчина, очевидно, надежный партнер; кажется, что он будет заботливым отцом. В этот момент Марго улыбнулась: угу, мужем, отцом – раскатала губу. Вот прямо он родился, чтобы на тебе, милая моя Марго, жениться, увезти в Германию, построить семью. Школьная учительница – это то, о чем весь мир мечтает. Надо не заниматься ерундой, выкинуть его из головы и забыть.

Марго уговаривала себя, но в глубине сердца что-то противилось этим рассуждениям. Она общалась с десятками, сотнями людей, но ничего подобного после расставания с Сергеем не чувствовала. Конечно, сравнить те и эти чувства она не могла. Но и Отто тоже глубоко запал ей в душу. Возвращаясь из Ленинграда, Марго думала о нем в поезде, думала вечером в Москве, думала, когда ложилась спать, когда встала, когда поехала в поликлинику за справкой (Марго получала водительские права, и справка ей нужна была для ГАИ).

В начале второго она пришла домой и начала готовить обед. Ровно в два часа зазвонил телефон.

– Здравствуй, Марго, – голос в телефоне звенел. – Я так рад тебя слышать. Как ты доехала?

Марго рассказала про поездку, справку, про то, что мечтает купить ВАЗ-2108 и даже вроде бы нашла неплохую и недорогую машину. Потом она расспросила про Таллин. Удо как-то совершенно безразлично сказал, что не нашел ничего особенного, у них, в их земле, каждый второй городок такой, как этот Таллин. Правда, алкоголь и еда в Таллине гораздо лучше, особенно пиво, которое можно пить. Потом он опять говорил, что не знает, как пережить расставание и что он будет искать варианты приехать и забрать ее в ГДР.

Пятнадцать минут междугороднего звонка заканчивались. Они договорились о времени звонка завтра и попрощались. На следующий день он звонил вечером, рассказывал про Ригу. Сказал, что город гораздо более немецкий, даже чем Таллин, и что он живет примерно в таком. Рассказал, что в Риге пиво восхитительное, почти как немецкое, что они ходили в шикарный пивной ресторан, где к пиву подавали великолепную копченую ставриду, малосольный лосось и копченых угрей. Все за рубли и без очередей.

И опять Удо говорил про любовь. Марго усомнилась в своих предположениях, луч веры начал светиться в ее душе. А может быть, действительно Удо и есть ее мужчина?

На следующий день Удо звонил из Клайпеды, которую назвал какой-то рыбацкой деревней. Пиво там было тоже хорошим, остальное выглядело почти Польшей, в которой он много раз был в школьные годы.

Последний день в СССР они провели в Калининграде. В вечернем разговоре Удо сказал, что он похож на немецкий город, в который ворвался великан, растоптал половину домов, сбегал в Москву, надергал там каких-то новостроек с окраин и поставил на место растоптанных домов. Стала и не Германия, и не Россия.

Марго смеялась. Удо сказал, что прощается с ней до воскресенья, когда постарается позвонить из ГДР. Новая группа туристов приезжала рано утром в понедельник – она сказала, что будет ждать его звонка.

– Марго, я люблю тебя, я хочу, чтобы ты была моей и только моей, и я умру, но добьюсь этого. Целую тебя тысячу раз.

Марго повесила трубку и вдруг заплакала. Это не были слезы счастья, но это был настоящий катарсис. Как будто какая-то застарелая болезнь покидала ее тело и душу. Она поняла, что Сергей больше не является преградой для ее счастья, что она отпускает его, освобождает себя от него, и если жизнь сложится так, что Удо приедет и предложит ей руку и сердце, она выйдет за него замуж и будет готова следовать за ним хоть на край света.

Звонки повторялись несколько раз в неделю. Ей звонили с телефонного узла, предупреждали о заказанном из ГДР разговоре, и потом в трубке появлялся голос Удо, который говорил о любви, о том, как тяжело жить без любимой. Они рассказывали друг другу о том, как живут, что на работе, что вокруг происходит, говорили про семью. Политические темы они не затрагивали, понимая, что разговор прослушивают как в ГДР, так и в СССР. Еще они писали друг другу письма, которые шли примерно месяц. Письма приходили повторно заклеенные со штампом проверки.

Так прошло около полугода. Наступала зима, отгуляли новый год. В начале февраля во время очередного разговора Удо сказал, что для того, чтобы приехать в СССР, теперь достаточно получить приглашение от частного лица. Марго тоже узнала эту новость, хотела об этом сказать Удо, но тот ее опередил.

– Я знаю, уже сходила в специальный отдел в паспортном столе и оформила это приглашение. Номер паспорта и все другие данные я взяла из бумаг, которые остались в нашей конторе после твоей туристической поездки. Я надеюсь, паспорт у тебя не поменялся.

Удо очень обрадовался:

– Какая ты молодец, обожаю! Паспорт тот-же. Как получу вызов, сразу куплю билет и поеду. Думаю, что дешевле поездом, но быстрее самолетом. Я экономить не буду. На работе договорился об отпуске. Я приеду, и мы поженимся.

Марго засмеялась:

– Нас никто не распишет. Мы сможем только подать заявление, а распишут только через месяц.

– Значит, через месяц я приеду еще.

Заказное письмо авиапочтой пришло на адрес Удо через неделю. Он побежал в офис компании Interflug и купил билет. Теперь он мог ехать в СССР на срок до 90 дней, да еще въезжать сколько угодно раз в течение года. Задача частично была решена.

Удо вечером позвонил и назвал дату прилета. Марго сказала, что возьмет отпуск на работе. Они договорились, что сейчас Удо приедет на неделю, они подадут заявление в ЗАГС, и, когда назначат день свадьбы, он приедет еще раз.

– Вот, любимая, я говорил, что получится – кажется, и началось получаться.

– Да, я очень рада. Я много думала. Мне кажется, ты самый лучший мужчина в моей жизни после отца. Я тебе полностью верю. И еще, будет небольшой сюрприз. Я тут наконец-то получила водительские права и купила машину, ВАЗ-2108 Спутник 1300, всего три года машине и пробег 18 тысяч километров. Красная-красная, как пожарная машина. Она почти все время стояла в теплом гараже, а потом ее хозяину срочно пришлось уезжать в Израиль. Он тут все продал и машину тоже, всего за 1,5 тысячи долларов. Я очень довольна. Приеду на ней тебя встречать.

– Как здорово! Надеюсь, ты хорошо училась, а то до первой брачной ночи я умирать не готов.

– Хорошо! Меня ездить учил отец, когда я еще подростком была. Все время сажал меня за руль в деревне, и мы ездили по дорожкам и местным шоссе. Мне езда дается достаточно легко, я хорошо чувствую машину, скорость, педали не путаю, коробку переключаю как ас. И кстати, в машине есть музыка, можешь взять любимые кассеты.

– Хорошо, Марго. А что тебе привезти? Может быть, что-то нужно из одежды, обуви? И еще. Какого размера у тебя кольцо?

– Привозить ничего не нужно, привози себя. Кольцо, думаю, 17-го размера. Если будет мало, можно будет растянуть на полразмера. Ты хочешь кольца купить в ГДР? Мне кажется, у нас будет дешевле.

– Марго, обручальные кольца я могу купить и в Москве, но я хочу привезти тебе и подарить кольцо на помолвку. Это кольцо старинное, его мне завещали именно для того, чтобы я

преподнес на помолвку своей будущей невесте. Оно имеет очень грустную историю: его подарил дедушка моей бабушке, а потом погиб на войне в Сталинграде. Он умер не сразу, в госпитале, так что его личные вещи отправили домой бабушке, в том числе и перстень с его пальца. Я ношу его, ты видела. Перстень и кольцо сделал один мастер из одного куска золота. Я отнесу кольцо в ювелирную мастерскую, чтобы мастер подогнал его под твой размер, хотя, возможно, этого делать не нужно, оно и так твоего размера.

– Трогательно и очень грустно, – сказала Марго печальным голосом.

– Поверь, Марго, это было ужасное время, страшная война. Я уверен, что мой дедушка не хотел воевать и убивать других людей, но он ничего не мог решать – он был солдатом. Его оторвали от семьи, жены, детей и отправили на смерть. Мне кажется, нам нужно окончательно помирить наши народы.

– Да, Удо, я полностью согласна с твоим важным заявлением и готова его поддержать. Миру – мир.

Подали сигнал о том, что время звонка заканчивается.

– Все, жди меня, моя прекрасная Марго. Перед отлетом позвоню.

Встреча

Наступил день отлета. Вещи были собраны заранее, такси заказано, документы проверены по пятому разу. Кольцо лежало в кошельке. Удо вез с собой около пятисот рублей и триста западногерманских марок. По всем его прикидкам и по словам Марго, таких денег должно было хватить с лихвой.

Удо приехал на вокзал, сел в поезд и поехал в Берлин. Вылет был днем. До Берлина езды около двух часов плюс минут сорок по городу. Удо нервничал: только бы все случилось, не опоздать, ничего не забыть. И вот наконец он вошел в здание аэропорта Берлин – Шенефельд, увидел на табло отлета свой рейс, зарегистрировался, прошел паспортный контроль и пошел к выходу на летное поле. В назначенное время подъехал автобус, пассажиров долго везли, петляя между самолетами, потом они поднялись по подъехавшему трапу на борт лайнера и расселись согласно посадочным талонам на свои места. Запустили турбины, самолет пробежал по взлетной полосе и растворился в сером берлинском небе.

Пролетели три с половиной часа полета, за которые Удо выкурил почти пачку сигарет. Самолет стал снижаться, шлепнулся на бетон, затрясся, гася скорость, и наконец остановился. Низкопольный прицеп для перевозки пассажиров, который волочил такой же низкий тягач с кабиной на уровне салона легкового автомобиля, паспортный контроль, лента с чемоданами, таможенный контроль, последние метры перед выходом в зал прилета – и вот Удо увидел Марго. Она стояла в толпе встречающих в серой вареной джинсовой куртке, серо-коричневом свитере в крупную вязку с высоким горлом, узких голубых джинсах и черных ботинках на шнуровке высотой по косточку. Ее прекрасные рыжие волосы длиной ниже лопаток были просто распущены. Она была одета, как обычная немецкая девчонка, так-как все вещи были куплены в ГДР. Удо видел такие на улице и в витринах. Марго увидела Удо, замахала руками и начала пробиваться к нему, а Удо бросился к ней. Бежать мешал чемодан. Наконец они слились в объятьях, в долгом страстном поцелуе.

– Моя! Моя! – повторял Удо взволнованным шепотом.

Марго, не прекращая целовать Удо, начала пятиться к выходу из толпы:

– Милый, дорогой, мы вместе, все хорошо, пойдем отсюда.

Они вышли из зала ожидания на пандус. Марго взяла лицо Удо в ладони и пристально посмотрела ему в глаза. В глазах Удо блеснули слезы.

– Тевтонские рыцари не плачут, особенно такие герои. Ты всех победил, всех драконов, принцесса твоя. Давай сядем в карету и поедem в наш замок.

– Марго, любимая, ты не понимаешь, как я ждал этой минуты, как я мечтал о ней.

– Отто Нейман, перестаньте, вы не должны показывать женщине, что вы ее сильно любите. Наш великий поэт Александр Пушкин написал: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Это, конечно, не про меня, но просто аэропорт в СССР не самое лучшее место для любовных сцен – могут оштрафовать за неприличное поведение в публичном месте.

– Пусть штрафуют, мне не жалко, а какой штраф?

– Три рубля.

– Любимая, скажи, кому отдать девять марок?

Они пошли по пандусу к месту стоянки машин встречающих.

– Да, момент, поставь чемодан.

Удо поставил чемодан. Марго достала из одного кармана бумажный сверток, а из другого – маленькую бутылочку водки, 250-граммовый «фуфырик». Потом развернула бумагу, в которой лежал кусок черного ароматного хлеба, посыпанный солью.

– Дорогой мой будущий немецкий муж! Хочу приветствовать тебя на нашей земле и по старинному русскому обычаю встретить хлебом, солью и, естественно, водкой. Стереотипы должны жить, а то потом спросят, жена твоя русская встречала тебя, как в книжках пишут и в кино показывают? А тебе и сказать будет нечего.

Удо оценил шутку. Он торжественно откусил от куска хлеба, свернул пробку на бутылке и залпом выпил треть.

– Ух, теплая водка хуже холодного супа.

Он доел хлеб и закрутил крышку на бутылке:

– Позже допью.

Он опять подхватил огромный чемодан и потащил его за Марго. Наконец они дошли до машины. Удо закивал головой.

– Какая классная машина! У нас в Германии за такой нужно три года в очереди стоять. И стоит она очень дорого: двадцать пять тысяч марок, а хочешь побыстрее – все тридцать. Ты у нас богачка.

– Да, мне очень повезло. Один знакомый еврей уезжал в Израиль, срочно все продавал, а у меня как раз собралось тысячи две западных марок – всякие там чаевые, подарки. Поменяла их на доллары, потом еще купила у наших валютчиков – всего полторы тысячи нужно было. И вот это сокровище мое. Садись, поедem домой отдыхать.

Уже почти стемнело, когда они выехали на узкое, грязное Ленинградское шоссе. Снег на обочинах еще лежал черными уродливыми кучами, фонари горели тускло и через один. Машин было много, ехали долго и шутили, курили. Удо допил водку. От выпивки на голодный желудок он немного поплыл или, лучше сказать, расслабился. Нервное напряжение спало, захотелось просто бессмысленно болтать, любоваться Марго, рассказывать ей всякую ерунду. Марго тоже успокоилась, дорога отвлекла ее.

– Удо, сейчас мы приедем домой, мама все приготовила. Посидим, поедим, познакомимся. Мама договорилась со своей подругой, что уедет к ней на пару дней, а затем мы отвезем их на дачу.

– Марго, как-то неудобно: человек уедет из своего дома.

– Нет, все наоборот: это будет самое удобное. Мама все понимает и очень рада за меня. Она у меня очень хорошая.

Проехав Москву практически от края до края, они наконец добрались до дома. Он был очень высокий, шестнадцать этажей. В ГДР, в его Шверине, таких домов не строили, максимум девять этажей, и то их было крайне мало, немцы их не любили и называли казармами или ульями.

Лифт долго полз вверх, и вот наконец Марго позвонила в дверной звонок, предупредив маму о приезде, и отрыла замок ключами. Они вошли в квартиру. В глубине коридора стояла миловидная женщина лет сорока пяти, одетая в красивое платье.

– Знакомьтесь: моя мама, Людмила Петровна, а это мой жених Отто Нейман.

Удо и Людмила Петровна пожали руки. Было заметно, как всем неловко.

– Марго, – сказала Людмила Петровна, переводя: очень рада, очень приятно познакомиться, дочь много рассказывала о вас. Рада, что все получилось и вы смогли приехать.

Марго перевела слова матери.

– Прошу вас, раздевайтесь. Вот тапочки. Проходите, мойте руки, сейчас сядем за стол.

Марго перевела и добавила: у нас в домах нельзя ходить в обуви, и все мамы заставляют мыть руки, когда пришел с улицы.

– У нас мамы тоже заставляют мыть руки, и в домах мы тоже ходим в домашней обуви,

– Удо повернулся к Людмиле Петровне, достал из кармана бумажку и начал читать по-русски.

– Уважаемая Людмила Петровна, я есть очень вижу тебя и говорить тебя рад и рука, и сердце твоей дочь просить, которую я люблю очень сильно. Прошу тебя моя мать быть.

Людмила Петровна расцвела, заулыбалась, всплеснула руками:

– Какая прекрасная речь! Какой ты молодец, даже по-русски все сказал! Жалко, что Маргаритин отец не дожил до этого дня. Я, конечно, от нас обоих желаю вам счастья, здоровья, долгой семейной жизни, деток и, конечно, благословляю ваш брак.

Людмила Петровна и Удо поцеловались.

– Ну что, дочка, благословение дано, идите мойте руки.

Далее был обильный и очень вкусный ужин: разные салаты, закуски мясные и рыбные, на горячее куски запеченного свиного мяса с помидорами, майонезом, луком и сыром. Пили настойку на клюкве. Марго не пила, ей нужно было отвезти маму к подруге.

Во время ужина Удо поднялся, подошел к Марго, достал из портмоне маленький бархатный мешочек, встал на одно колено и попросил Марго быть его невестой и принять от него в знак любви к ней это кольцо. Вместо того чтобы взять кольцо из рук Удо, Марго протянула ему ладонь с растопыренными пальцами. При этом она протягивала ему левую руку.

– Марго, прости, я же не пастор, да и рука, кажется, другая. Но не важно. Надеваю на этот палец, так?

– Удо, у нас обручальные кольца носят на правой руке, а колец на помолвку никто не дарит, нет такой традиции.

– А у нас есть.

Он надел кольцо на безымянный палец левой руки Марго. Кольцо было очень красивым, старинным, с большим гранатом в причудливой лапке. Марго кокетливо повертела ладонью.

– Удо, дорогой, любимый мой человек, я принимаю твое предложение, я соглашаюсь стать твоей невестой и женой и любить тебя всю жизнь.

После этого они еще немного посидели, выпили чаю с пирогом, собрались и поехали отвезти маму к подруге. Ехать было минут пятнадцать. Вернувшись, они разобрали стол, перемыли посуду, все убрали и сели в гостиной в кресла. Марго попросила Удо открыть бутылку вина и налить два бокала. Верхний свет был выключен, светили два бра и торшер. Марго и Удо пили вино, смотрели друг на друга и молчали.

Говорить начала Марго:

– Ты знаешь, я каждый день думала об этой минуте: какой она будет, что мы будем делать, будем ли срывать друг с друга одежду, устраивать тут какую-то африканскую любовь, делать это, как делают в фильмах? Но мне кажется, мы должны пойти в ванну, принять душ, почистить зубы, просто пойти в спальню и вести себя, как муж и жена. Что ты думаешь? Иначе я просто не понимаю, как мне сейчас со всем этим справиться.

Удо улыбнулся.

– Если бы мы были сейчас в той арке в Ленинграде, это было бы что-то сумасшедшее на каком-то мусорном баке или вообще на земле. Но сейчас мы дома, и я полностью согласен с тобой, мы фактически уже муж и жена. Так что, жена, пойдем в покои проводить нашу брачную ночь. Надо будет не забыть вывесить простыню.

– Про вывесить не знаю, но застирать ее будет нужно.

Марго встала, поцеловала Удо в губы и повела его в ванную комнату.

– Вот зубная паста, вот я купила тебе зубную щетку, вот мыло, шампунь, губка и твоё полотенце. Ты закончишь, потом я, и все начнется.

Удо заметил, как Марго от волнения мелко дрожит. Она уже хотела выйти из ванной, но вдруг почувствовала, как сильные мужские руки нежно и властно остановили ее, развернули, подняли и понесли в спальню; как она упала на кровать, а эти руки сняли с нее одежду, гладили и ласкали ее тело; как теплые губы целовали ее от лба до кончиков пальцев ног, как упругий язык лизал соски, промежность; как она начала задыхаться от восторга и трепета внутри, как наступил оргазм; как пальцы заполнили ее влагалище, как, наконец, в нее вошло что-то теплое, большое и твердое, как сладкая боль пронзила низ живота, как это теплое, большое и твердое сотни раз совершало возвратно-поступательные движения, приводя все ее существо в неописуемый восторг; как ее рот отвечал на бесконечный поцелуй, как она чувствовала, как на нее накатывал новый оргазм; как частота движений члена Удо в ней увеличивалась. Она слышала то ли стон, то ли какой-то рык, и что-то горячей струей излилось в нее, вызывая судороги и сокращения долгого и сладкого оргазма. Движения в ней перешли в какой-то галоп, потом замедлились, член стал мягче и покинул влагалище.

Удо перевалился на спину и издал протяжный стон:

– Вот теперь можно и в ванную, и зубы чистить.

Он опять подхватил Марго на руки и понес в ванную комнату. Зашумела вода. Удо посадил Марго в ванну, залез в нее сам, включил душ и начал поливать их обоих струями воды. Марго взяла мочалку и стала мыть тело Удо. Потом Удо ласково и аккуратно вымыл Марго. Они почистили зубы, вытерли друг друга полотенцами, и Удо опять понес Марго в спальню. Они лежали в постели, курили, стряхивали пепел в тяжелую пепельницу из матового разноцветного стекла, пили вино, целовались, ласкали друг друга, долго и нежно совокуплялись.

В этот раз Марго почувствовала близость гораздо глубже, как будто в первый раз она смотрела рекламу фильма, а сейчас смотрела сам фильм. Ей хотелось тоже что-то сделать приятное своему партнеру. Да, Марго многих вещей не пробовала, но инстинктивно о них догадывалась. Она целовала член Удо и как-то начала делать ему минет. У нее получалось все лучше и лучше. Удо тоже не отставал, используя свои губы и язык на все сто процентов. Марго только вступала на путь “большого секса” и ей было понятно, что Удо уже опытный в сексе мужчина, который знает разнообразные приемы удовлетворения женщины. Но Марго делала все, что знала, с огромной искренностью и желанием. Наконец оба кончили.

Середина ночи. Марго выключила свет, они обнялись, укутались одеялом и практически моментально заснули.

Утро, комната залита светом. Марго открыла глаза и первым, что она почувствовала, была головка члена Удо, ищущая вход в ее влагалище. Удо пристроился сзади. Марго какое-то время приходила в себя, затем процесс ее начал захватывать. Удо перевернулся, и Марго оказалась сверху. Она активно работала тазом, прямо скакала на Удо, потом они опять оба кончили, и Марго в изнеможении опустилась на спину.

– Удо, тебе не кажется, что мы не разговаривали со вчерашнего ужина? Мы взяли прямо чемпионский темп. Ты собираешься со мной так всю жизнь прожить? С такой интенсивностью в сексе.

Удо довольно хрюкнул.

– Следующие тридцать лет два раза в день, утро и вечер. Ну а потом посмотрим по состоянию нашего здоровья. Может, перейдем на три раза. Как тебе такой план?

– Дорогой, план – огонь. Принимается.

Марго посмотрела на часы на стене. Сейчас быстро мыться, завтракать и летим в ЗАГС подавать заявление.

Удо поцеловал Марго:

– Да, мой командир.

Восьмерка подъехала к зданию ЗАГСа на Ленинском проспекте. Они вошли и сели в очередь на регистрацию. Примерно через час их позвали. В комнате за массивным посменным столом восседала дородная женщина в фиолетовом костюме, увешенная золотом, как рождественская елка игрушками. Она внимательно рассматривала документы, расспрашивала, откуда жених, чем занимается, где живет, надолго ли приехал. Она несколько раз говорила, что после подачи заявления регистрацию нужно ждать целый месяц – значит, немцу придется приехать еще раз.

Марго соглашалась, говорила, что понимает, как это ужасно неудобно через месяц опять лететь. Неожиданно дама перешла на шепот:

– У вашего гэдээршника есть хотя бы сто западных марок? С «западников» я обычно беру триста, но что с этих демократов взять?

Марго перевела вопрос. Удо закивал головой:

– Да, сто марок у меня есть.

– Ну тогда пишите заявление, что просите расписать в экстренном порядке, так как жених уезжает за границу для постоянного проживания. Идите платите в сберкассу пошлину, и я вас распишу завтра в десять часов утра.

Удо с готовностью отдал деньги, они сбегали в сберкассу, заплатили пошлину и отдали квитанцию регистратору. Потом помчались в специализированный магазин «Гименей» на улице Димитрова, купили там кольца, показав справку о приеме заявления на регистрацию брака. Еще им продали заказ молодоженов: несколько бутылок шампанского, пару банок икры, сервелат, печень трески, шпроты, две венгерские мороженые курицы, банку зеленого горошка, кетчуп и коробку финских конфет из молочного шоколада. Это была большая удача. Они приехали домой, поужинали. Надо было решить, кого звать завтра на роспись. Это точно были мама, ее подруга, наверное, Юлька. И тут Марго подумала, не позвать ли ей на свадьбу Сергея и Ольгерда? С одной стороны, наверное, это выглядело странным и даже немного извращенным, но с другой, ей хотелось показать, что у нее все в порядке, что она нашла свое счастье.

Сергей уже год как работал референтом в МИДе и ждал через год ротацию на аналогичную должность в посольство СССР в ЧССР. Он уже почти два года встречался с уготованной ему родителями невестой – темноволосой еврейской красавицей Инессой Сорокиной, дочерью очень известного политического обозревателя, долгие годы работавшего спецкором газеты «Правда» в США.

– Удо, помнишь, я рассказывала тебе о том, что у меня был человек, которого я очень любила, но он отверг меня и мы расстались? Обратилась к своему жениху Марго. И говорила, что мы в принципе иногда видимся, общаемся как друзья. Он скоро женится и звал меня на свою свадьбу. Я согласилась. И вот сейчас думаю, а не позвать ли нам его с невестой и еще одним другом, Ольгердом, который, кстати сказать, хорошо знает Юлию, к нам на роспись? Это не какая-то месть, не бравада. Клянусь тебе, что я отпустила его, и что я теперь только твоя, но почему-то мне хочется, чтобы он там был и все видел. Если тебе неприятно, а это вполне может быть так, мы забываем этот разговор, и на росписи будут только мама с подругой, а свидетелями выступят кто-то из гостей другой пары – люди обычно с удовольствием соглашаются на такие вещи.

– Марго, любимая, я полностью тебе доверяю. Если ты считаешь, что так надо, значит так надо. Я могу понять, что тобою руководит, я не буду ревновать. Думаю, сейчас твоя жизнь меняется, и надо заплатить по всем старым долгам.

Марго обняла и расцеловала Удо.

– Мое сокровище, спасибо тебе за то, что ты такой тонкий и понимающий человек. Поверь мне, пообщавшись с ними, ты многое поймешь про всех нас.

Марго позвонила Сергею, рассказала о свадьбе в Гагаринском ЗАГСе и о том, что просит его стать свидетелем на росписи. Сергей изрядно удивился, как самой просьбе, так и времени бракосочетания. И второму, вероятно, даже больше. Но сказал, что точно будет, а про Инну и Улика не знает, но сейчас будет с ними договариваться.

Потом Марго позвонила Юльке, которая с радостью согласилась. Удо и Марго решили идти спать. Вставать нужно было в шесть, ехать за мамой, как-то нарядиться, накраситься и быть в ЗАГСе в девять утра. Тем не менее это не помешало Удо исполнить очередной танец любви.

Свадьба

Раннее утро, за окнами темно, адская спешка. Быстрый туалет, быстрый завтрак. Марго нужно мчаться за мамой по только начинающим оживать улицам. Удо залез на задний ряд трехдверного хетчбэка и сел, согнувшись.

Мама и ее подруга уже стояли у подъезда. Подруга при полном параде. Полночи женщины крутили прически. На голове Людмилы Петровны надет полиэтиленовый пакет. Кому-то нужно сесть на задний ряд. Она попыталась сделать это, не разрушив прическу, и все помчались к дому. Около метро Марго заметила открытый цветочный ларек, выбежала, купила букет белых цветов. Людмила Петровна стала совать ей деньги за цветы, но Марго отказалась их брать. Они немного поцапались.

Наконец все дома. Марго велела Удо достать из чемодана вещи, в которых он пойдет на свою свадьбу, дать их маме, сесть в кресло и сидеть не вставая, пока та не скажет, что делать. Марго побежала в ванную мыть голову, через пятнадцать минут выскочила с махровым тюрбаном на голове и начала краситься. Мама и подруга споро гладили вещи, развешивая их на вешалки. На голубой рубашке Удо не оказалось одной пуговицы. Подруга Людмилы Петровны споролла нижнюю пуговицу, отточенными движениями пришила ее на место оторвавшийся и, покопавшись в жестяной коробке с пуговицами всех цветов и размеров, нашла похожую и пришила ее вместо споротой.

Коробка была круглая, может быть, из-под печенья или конфет. На крышке реяли красные флаги, по голубому небу летел истребитель с красными звездами, а внизу седовласый человек в зеленом мундире с золотыми погонами и с трубкой в руке беседовал с детьми в красных галстуках. Удо вспомнил, что у его матери тоже есть такая же большая коробка с пуговицами. Маленьким он часто рассматривал эту коробку из-под сигар Mignon Panter – “Молодая Германия”, на картинке которой был изображен солдат в каске на фоне триумфальных Бранденбургских ворот. В руках у него развевался черно-бело-красный стяг. Солдат с флагом и ворота были выпуклыми, а все надписи нанесены красивой германской готической вязью на покрашенную белой перламутровой краской жезь.

Людмила Петровна, говоря что-то по-русски, протянула Удо банку с обувным кремом, щетку и выдавшую виды бархотку, указала пальцем на его ботинки и на тамбур при входе, и изобразила рукой чистку обуви:

– Отто, шнэль, шнэль!

Удо понял, что это, вероятно, одно из немногих немецких слов, которые знает Людмила Петровна. Он вышел в коридор. В углу недалеко от входной двери стояла табуретка, под ней толстым слоем кафельный пол застелен старыми газетами со следами черного и коричневого гуталина, рядом стояла литровая банка с крышкой, в которой было налито немного воды и

накидано множество окурков. Удо открыл эту нещадно воняющую табачным перегаром банку, закурил и начал тщательно чистить ботинки, а потом полировать их бархоткой до блеска.

Марго позвала его домой, пригласила идти в ванную. Удо быстро вымылся и высушил голову феном. Так как он не знал, что будет свадьба, естественно, не брал с собой в поездку костюм, белые рубашки и галстуки. Из строгого у него были черные джинсы, серый в крупную голубоватую клетку шерстяной пиджак спортивного покроя на одной большой бронзовой пуговице и та самая голубая рубашка, которая выглядела в этом наряде совершенно неуместной. Из чемодана быстро извлекли черную нейлоновую водолазку, и костюм сложился.

Марго выглядела более празднично. Она надела кремовый брючный костюм с белыми костяными пуговицами, кружевную белую блузу и красные лакированные туфли. В пару к туфлям через плечо была перекинута маленькая театральная сумочка, тоже красная и лакированная. Нужен был какой-то акцент. Людмила Петровна принесла серебряную брошку с большим красным цветком из хрусталя. Она очень оживила кремовый пиджак. Часы показывали пятнадцать минут девятого, пора выбегать из дома.

Машина Марго остановилась у ЗАГСа без нескольких минут в девять утра. Повторилась процедура выгрузки родни из тесного трехдверного салона, потом они зашли в ЗАГС, отдали паспорта, кольца, заполнили и подписали несколько бланков. Администратор пригласила все пары, которые пришли на роспись к десяти и одиннадцати часам утра, в церемониальный зал и рассказала о процедуре: где стоять, что говорить, как надевать кольца, как целоваться. Потом они пошли к фотографу, подписали с ним договор о фото- и видеосъемке и заплатили деньги. Тут же фотограф сделал несколько снимков в холле: отдельно невесту и жениха, отдельно их пару и вместе с мамой и ее подругой. Перед последним кадром в ЗАГС, цокая каблуками по мраморному полу, влетела Юлька. Она была одета в салатовое кашемировое двубортное пальто с мягким поясом и такую же салатовую широкополую шляпу с черными буклированными цветками. Пальто было распахнуто, под ним – малюсенькое черное с люрексом платье-майка, которое едва прикрывала промежность, черные колготки с узором и черные кожаные сапоги на шпильке. На руках черные лайковые перчатки, поверх которых надеты кольца. На ее лицо была нанесена шикарная боевая раскраска дорогой московской путаны.

Именно этим тернистым путем и пошла Юлька после окончания торгового техникума, в чем немалую помощь ей оказал Ольгерд, пользуясь ее услугами сам и предлагая их своим партнерам по бизнесу и друзьям. По столице Юлька рассекала на достаточно бодром изумрудном «Опеле Аскона» 1985 года выпуска, который Ольгерд ей и подарил.

Ее тут же взяли в кадр. Сперва с невестой, потом втроем с Удо.

Удо молчал, как будто был в сомнамбулическом сне. Марго тоже ничего не говорила, просто передвигала его руками в нужных направлениях.

Пришел приказ парам выстраиваться в очередь перед входом в церемониальный зал. Пар было десять, они были третьей. Ровно в десять утра заиграла музыка, и в зал пригласили первую пару. В тот момент, когда Марго подумала, что Сергей и компания не придут, в коридор почти вбежали два молодых человека и высокая стройная черноволосая девушка. Молодые люди держали в руках огромные букеты цветов. Ярче этой компании в ЗАГСе никого не было. Молодые люди были одеты просто роскошно, как будто с витрины любого гамбургского или лондонского универмага. На Сергее был темно-синий костюм-тройка, очень узкий, с укороченными брюками, жемчужно-белая рубашка с высоким французским двойным воротом, шикарный, переливающийся разными цветами галстук, завязанный виндзорским узлом, вишневые шелковые носки-гольфы и двухцветные сине-коричневые туфли-инспекторы.

Инесса была одета в алый брючный костюм с пиджаком – британским мундиром с белыми обшлагами и золотой фурнитурой. Черные лаковые остроносые туфли, черные прозрачные гипюровые перчатки. Под мундиром было только белье: шикарный кружевной черный лифчик с какими-то золотыми волокнами. Черные волосы стянуты в длинный тугой конский

хвост под красную атласную ленту. Макияж яркий, но простой: минимум акцентов, только на глаза и губы.

Тройку завершал, наверное, самый одиозный наряд Ольгерда. Это было что-то, похожее на образ Микки Рурка из фильма «Сердце ангела». Костюм был из дорогой смесовой ткани – шерсть с чем-то синтетическим насыщенного карамельного цвета в вишневую полоску, ткань была фактурной. Костюм очень широкий. Он ниспадал складками. Брюки имели отвороты. Под пиджак была надета белая майка-алкоголичка, правда, с золотой надписью «Hugo Boss». Ноги обуты в замшевые бежевые ботинки-оксфорды с перфорацией и бахромой. На его бычьей шее висела золотая цепь с огромным католическим крестом. Волосы были густо увлажнены воском для укладки и зачесаны назад.

Все присутствующие повернулись к пришедшим и глазели на них. Сергей и Инесса приехали к ЗАГСу на «Вольво» отца Сергея, а Ольгерд – на своей черной обкомовской «Волге». Он ее принципиально не хотел ни на что менять, хотя давно мог.

Улик вальяжно приобнял Юльку, по-хозяйски пошлепал ее по пятой точке и поцеловал в щеку:

– Не буду трогать твой свисток, а то весь буду в этом красном повидле

Потом он поздоровался с мамой Марго и ее подругой и помахал стоящей в очереди на вход Марго.

Удо был просто поражен увиденными персонажами.

– Марго, это и есть Сергей?

– Нет, это Ольгерд. Улик, его надо звать Улик. Сергей в синем костюме, а между ними стоит невеста Сергея Инесса.

– Боже мой правый, а кто же все они? Они выглядят, как дети английских лордов.

– Нет, не лордов, – Марго улыбнулась. – Они дети простых советских и партийных функционеров. Сергей – МИД, Инесса – газета «Правда», Улик – ЦК КПСС. Так вот у нас в стране выглядит развитой социализм.

Она помахала друзьям рукой.

– Ну, и я, учительница средних классов из неполной семьи с мамой инженером-строителем. Любовь может быть любая, но понятно даже ежику, что жениться на такой, как я пролетарке Кларе Цеткин и Розе Люксембург, никто не позволит.

– Марго, а почему даже ежику?

– Не знаю, у нас так говорят, просто фраза. Так что такой приз, как я, достается скромному инженеру-электрику из ГДР.

Удо обнял ее.

– Марго, любимая, я буду работать на трех работах, но ты будешь жить ни в чем себе не отказывая. В ГДР с деньгами тоже можно жить.

– Мое сокровище, я выхожу замуж за тебя не из-за денег. Я выхожу за тебя из-за того, что ты прекрасный человек, прекрасный любовник, чему я, кстати, тоже очень рада; ты человек, которого я полюбила. Деньги – это не главное, главное – счастье, и я верю, что оно у нас будет.

Марго потерялась ухом о его плечо. Двери распахнулась, громкий торжественный голос объявил:

– В зал приглашаются Маргарита и Отто с гостями, и свидетелями!

Заиграл свадебный марш. Регистратор, вчерашняя пышная дама, стояла под огромным советским гербом с красной папкой в руках. Она наигранно восторженным и чуть визгливым голосом читала текст поздравления молодой советской семье, ячейке коммунистического общества, желала совета и любви:

– Молодожены! Поздравляю вас с этим важным днем вашей жизни и спрашиваю, согласны ли вы, Отто Вильгельмович, взять в законные жены Маргариту Викторовну?

Удо четко произнес по-русски:

– Да, я согласен.

– Согласны ли вы, Маргарита Викторовна, взять в законные мужья Отто Вильгельмовича?

– Да, я согласна.

– Прошу молодоженов подойти к регистрационной книге и поставить свои подписи.

Удо и Марго подошли и расписались в графах, которые дама указывала им костяной указкой с серебряным наконечником.

– Прошу свидетелей жениха и невесты подойти к регистрационной книге и засвидетельствовать их брак.

Юля и Сергей подошли к столу регистратора и поставили подписи в соответствующих графах. Дама закрыла книгу.

– Властью, данной мне законами Российской Советской Социалистической Республики, объявляю вас мужем и женой. Прошу молодоженов обменяться кольцами.

Первым на палец надел кольцо Удо, оно наделось легко. Второй кольцо надевала Марго, но оно предательски не лезло. Марго нагнулась, лизнула палец Удо и насадила упрямое кольцо.

– Прошу молодоженов поцеловать друг друга.

Удо и Марго слились в долгом нежном поцелуе. Гости заплодировали.

– Прошу уважаемых гостей поздравить молодоженов и встать для памятной групповой фотографии. Церемония бракосочетания завершена, после фотографирования выходим через боковые двери.

Опять заиграла музыка. Фотограф и видеооператор, которые всю церемонию снимали пару и гостей, сделали общий снимок, и все пошли на выход. За их спинами закрылись высокие двери, и в зале опять заиграла музыка уже для другой пары.

Улик изобразил, что играет на воображаемой скрипке.

– Да, вечный конвейер оформления советского семейного счастья. Скоро и этих двух граждан провернут через эту мясорубку, – Улик сделал жест рукой в сторону Инессы и Сергея.

Они вышли к машинам, надели верхнюю одежду. Улик продолжал:

– Марго, дитя мое, ну уже води сюда своего прусака или кто он там у нас, переднего померанца, будем знакомиться.

Улик перешел на немецкий:

– Здравствуй, товарищ Отто! Поздравляю тебя с окончанием этого коммунистического венчания и желаю счастья. Эти двое на немецком не говорят, точнее, они думают, что говорят, но для немцев это не очевидно. Это Сергей, они с Марго мутили до тебя, но сейчас у них ничего нет, а это его будущая женушка. Конечно, тебе трудно на нее смотреть, но ты пойми, что в газовую камеру, а потом в печку ты ее, к великому сожалению, засунуть не сможешь. Эти грязные еврейки всегда ищут лучших арийцев, чтобы испортить чистую кровь сынов Одина и Перуна.

Инесса возмутилась:

– Заткни пасть, грязное животное. Из своих болот выползли, из своего полесья вылезли, даже поляки вас за людей не считали. Когда мои предки распяли Христа, вы, уроды, на деревьях сидели и друг друга жрали.

Инесса, как и Сергей, немецкий понимала отлично, но Сергей говорил достаточно плохо, в рамках курса обучения третьему языку, а Инесса владела им великолепно, на одном уровне с Марго. Оба они в совершенстве владели английским, а Инесса еще прекрасно знала идиш и иврит, учила арабский, но с ленцой, немного говорила по-испански и по-французски, хоть писать и не могла.

Марго синхронно переводила Удо сказанное Инессой. Та одним ухом слушала перевод.

– Марго, ты смягчаешь.

Инесса быстро пересказала ключевые точки речи в самых неприличных выражениях. Удо не мог поверить, что люди в советской стране могут говорить такое.

Сергей протянул руку Удо.

– Отто, – начал он на немецком. – Марго очень важный человек для меня. Я надеюсь, что ты будешь ее любить и беречь. Я вас поздравляю. Сегодня ты услышишь от нас очень много странных слов. Мы злые люди и так шутим.

Потом он повернулся к Марго, обнял за плечи, поцеловав в щеку, и почти прошептал:

– Я рад за тебя. Честно, рад. Этот парень сделал то, что не смог сделать я. Говорю искренно.

Инна надменно посмотрела на Сергея:

– Меня тогда не было, я не мешала тебе на ней жениться, ты сам испугался своих мамочек и папочек и теперь нехер тут лить слезы. У тебя есть я, нас с тобой приговорили, исполняем свой долг перед страной.

Она повернулась к Марго:

– Ты классная, ты смелая девочка. Живите и докажите нам, что у вас все будет даже лучше. А я с этим Ромео разберусь. Так, конечно, как сегодня я собиралась на свадьбу, нормальные люди не собираются, но все равно спасибо за приглашение. Я хотела бы понять, какой дальше будет план?

Марго улыбнулась:

– План таков: мы ждем вас к трем часам у нас, Сергей знает адрес. Будет обед, потом поедem в центр и пойдem в какой-нибудь бар. Закончим дискотекой. Мы приглашаем. Так что парадная форма отменяется, одеваемся в полевую.

Марго быстро перевела Удо суть разговора.

– И вопрос: кто сможет подбросить маму и ее подругу к подруге домой? Это в пятнадцати минутах от нас. А мы помчимся готовить праздничный стол.

Улик первым поднял руку:

– Я отвезу. Юлек, я прямо возбудился, на тебя глядя, и лезу из кожи вон. Сейчас завезем мам, заскочим к тебе, возьмем твои шмотки, потом быстро ко мне и подготовимся к званому обеду. Погнали.

Все расцеловались и разъехались. Удо ехал в машине и раскачивался в кресле, как человек, который находится в каком-то ступоре.

– В это невозможно поверить. У вас тут за два дня делается то, к чему у нас готовятся месяц, а то и два. У нас только одно платье подгоняют по фигуре две недели. А сколько разной мороки бюрократической! А эти твои друзья. Они, конечно, потрясающие, но ведь мы же в СССР, это дети элиты, а они все какие-то американцы, просто случайно говорят на русском и то не всегда.

– Удо, у нас всегда так было. В восемнадцатом веке элита была немецкой, в девятнадцатом – французской, в двадцатом стала американской. Ничего нового. Народ был и остается совершенно русским. Ой, боги-осьминоги, мы же забыли все бумаги в ЗАГСе!

Марго резко развернулась и поехала обратно в ЗАГС, благо отъехали они совсем недалеко.

– Завтра нужно будет отнести документы нотариусу, перевести на немецкий, заверить и поставить апостиль, а то меня не пустят в ГДР к тебе. С получением выездной визы все это займет, наверное, месяц. Так что примерно через месяц я и приеду. Будешь пока вить гнездо.

Забрав документы, они опять поехали домой, переоделись и начали готовить обед. Часть продуктов осталась с приезда Удо, деликатесы они купили вчера. Марго насадила две курицы на пивные бутылки, частично наполненные водой, густо обмазала птицу майонезом с добавленными приправами, посолила, поперчила и поставила в духовку на смазанный смесью сливочного и подсолнечного масел противень, на который выложила картошку, порезанную тон-

кими кружками. Курица начала запекаться. Потом Марго приготовила салат оливье, сварила вкрутую яйца и нафаршировала половинки белков смесью желтков с печенью трески и мелко резанного репчатого лука. Разложила по тарелкам бутербродики со шпротами, бутербродики с салом в горчице, выложила в икорницы красную и черную икру, порезала колбасу и сыр, выложила в салатницу оливье и поставила на стол большущее блюдо для курицы.

Время приближалось к трем. Все это время Удо сидел рядом и заморожено следил за работой супруги. Периодически она давала ему попробовать еду – достаточно ли соли. И каждый раз он говорил, что это божественно вкусно.

В три, естественно, никто не приехал. Первыми в дверь позвонили Сергей с Инной без пятнадцати четыре.

– А вот и мы, – в руках Сергея была увесистая сумка с бутылками и фруктами. – Мама Элеонора прислала фрукты и бухло. Говорит, все это время чувствовала себя неудобно перед тобой, а сейчас типа ее отпустило. Такая у меня золотая мама.

Инесса, как всегда, съязвила:

– У них в семье все в рефлексии и сантиментах. Только его сестра нормальный человек.

Сергей парировал:

– Да, кстати, лучшая ее подруга – моя любимая «систер», гореть ей в аду. Вдвоем меня поносят, сучки. Она тоже замужем, ну за этим грузином, племянником Шеварднадзе, скоро уже первого родит.

Пришли Улик с Юлей. Принесли бутылку виски и какой-то безумный торт «Прага».

– Да, господа, интересный факт: торт «Прага» – это советская копия венского торта «Захер», шоколада тебе на хер. Понятно, что так назвать его было в Союзе нельзя. “Помнят Вена, помнят Альпы и Дунай, Тот цветущий и поющий яркий май” – Улик повернулся к Удо и открыл бутылку. – Ну что, камрад, жаждем по маленькой?

Марго мягко вмешалась:

– Удо, дорогой, пожалуйста, не связывайся с этим парнем – он пьет, как слон. Сейчас он будет пытаться тебя напоить.

Улик выставил свою большую ладонь как знак «Стоп»:

– Эй, рыжая Соня, цурюк. Он же не мальчик, сам решит. Честный бой двух алкогольных школ – литовской и немецкой. Немцам капут. Кстати, этот мальчик, – Улик показал в сторону Сергея, – не пьет: пробку понюхает и болеет, так что только мы тут мужчины.

Удо усмехнулся:

– Герр Ольгерд, не надо объявлять себя чемпионом до боя. Мы еще не начали.

Улик протянул ему руку для рукопожатия:

– Вот это речь не мальчика, но мужа, вот это мне нравится. Дети, живо за стол. Обед начался.

Компания ела вкусную простую еду, пила качественный алкоголь, ерничала, пошлалила, обсуждала какие-то возвышенные темы – культурные, исторические, религиозные, опять скачивалась до грязных шуток.

Удо тоже очень часто говорил пошлости и грязно шутил в разговоре со своими немецкими друзьями, особенно когда встреча сопровождалось употреблением значительного количества пенного хмельного напитка. Но немецкие шутки были достаточно простые: секс, туалет, женская глупость, недостатки жизни в социализме, машины, сделанные в ГДР, такие как Warburg или Trabant. Но такого сарказма в их разговорах не было. Удо даже просил Марго объяснять их смысл, так как не понимал, например, почему умерший от удара тока слепой ребенок вызывает смех. Если бы он так пошутил со своими друзьями, они бы набили ему морду и больше не дружили с ним.

Улик, опрокинув в себя очередную рюмку водки и приняв позу Мыслителя скульптора Родена, произнес:

– Понимаешь, немец, в этой стране всегда живет небольшая часть населения, которая, с одной стороны, ее презирает, глумится над ней, ругает, унижает, но в тоже время жить без нее не может и готова за нее умереть, если кто-то на эту страну нападет. Эта часть населения – ее элита, правящий класс, господа. Это сложно понять. У вас обычно слова не расходятся с делами, хотя, мне кажется, жители ГДР переняли у нас эту манеру не любить власть, которая вас кормит.

– Нет, Ольгерд, мы тоже много жалуемся, постоянно жалуемся, – Удо пожал плечами, а Улик продолжал:

– Пойми, дорогой сын Рейна, одно дело жаловаться, другое дело глумиться. Жаловаться – это избавляться от чего-то, а глумиться – это избавляться от себя. Мы, наверное, просто зажрались в этом маленьком насквозь прогнившем мирке, где все друг другу лицемерят, врут и притворяются. Даже самые высокие руководители этой страны. И еще ненавидят друг друга, а еще больше боятся и ненавидят тех, кто не в этом закрытом мирке... Так, ладно, короче, чтобы далеко не ездить, предлагаю ехать в «Молочку», тут рядом и потом ночью я поеду домой на машине.

Марго объяснила, что они идут в очень модный музыкальный клуб-дискотеку «У Фонтана», которую в народе называли «Молоко» или «Молочка». Клуб молодежный, пускают с 14 лет, там не продают алкоголь, но всем при входе дают стакан молочного коктейля. Поэтому и называли его «Молоко».

– Поедем на Volvo Сергея – туда все влезут, а во время танцев будем выходить на улицу, садиться в машину и там пить.

Сказано – сделано. Компания поехала в клуб. Да, действительно, место было культовое. Перед входом в кафе, у фейс-контроля, толпилось, наверное, человек сто подростков. Улик шел, как ледокол, своей мощной фигурой расталкивая очередь, а подойдя к охране, поманил старшего пальцем и что-то шепнул на ухо. Тот заулыбался и сразу пропустил всех шестерых внутрь.

Музыка орала, лампы мигали, люди плясали. Особенное место занимали те, кто танцевал breakdance. Плясали как верхний, так и нижний. Никто из их компании танцевать breakdance не умел. Удо попытался изобразить «волну» – она вышла у него достаточно посредственно. Остальные просто плясали как бог на душу положит какое-то диско или твист в рапиде. Конечно, самой активной танцовщицей была Юлька. Похоже, она немного перепутала молодежное безалкогольное кафе с баром в гостинице «Интурист». Юнцы вокруг просто потирали дар речи от этого эротического безумия. Юлька крутила задницей, мяла свою роскошную грудь, задирала ноги и изображала всякие непристойности языком. Улик танцевал в стиле люберецкой братвы: такая открытая боксерская стойка, вялые круговые движения руками, совершенно не в такт музыке. Сергей и Инесса со скучающими выражениями лиц просто подергивались, делая вид, что им все совершенно безразлично, а люди вокруг – челядь. Марго и Удо танцевали обнявшись, совершенно не следуя музыке.

Марго очень сильно захотелось домой:

– Пойдем домой, как раз прогуляемся, тут минут пятнадцать идти.

Она позвала Сергея.

– Сереж, мы пойдем. Устали, да и вы из-за нас встали ни свет ни заря.

– Марго, спасибо, что пригласила. Очень надеюсь, ты быстро уедешь к нему. Будь, пожалуйста, счастлива.

– И ты, Сережа, тоже будь счастлив.

– Я с Инессой? Как ты себе видишь мое счастье с ней? Я терпеть ее не могу, еще больше, чем сестру. Это классический морганатический брак: связи к связям, деньги к деньгам, папаши решили упрочить свои позиции через браки детей. Моего папу теперь никто не тронет – у него

в родственниках сам Шеварднадзе и второй человек в газете «Правда». А, соответственно, и папу Инки.

– Сережа, ты ее совсем не любишь?

– Нет, я ее не люблю. Точнее, не совсем так. Я испытываю к ней некоторые чувства, но это не любовь, это как чувство к напарнику перед тем, как вас забросят в тыл врага или отправят в космос. И еще она очень любит трахаться. Говорят, все еврейки слабы на передок. Но она очень много от меня хочет, я прямо стараюсь.

Увидев, что Сергей говорит с Марго, к ним подошла Инесса:

– Ну чего, какие планы?

– Ребята хотят валить с этого пионерского костра. Мне кажется, что и нам нужно последовать их примеру.

– Я давно бы уже ушла, – Инесса повернулась к Марго. – Еще раз скажу, что ты молодец, играла самой слабой картой и выиграла. Это мы родились с серебряными ложечками в жопах, а ты, в принципе, должна была бы торговать вареником, как твоя эта подружка, шалава Юлька. Или учить сопливых дегенератов. А ты перевернула карточный стол. Счастья тебе, Марго, с твоим Удо. Может быть, как-нибудь в дырку, DDR, к вам заскочим на сосиски. И спасибо за приглашение на свадьбу. У нас своя такая будет через месяц – хотелось посмотреть на это убожество вблизи.

Они начали пробиваться к выходу. Сергей потряс за плечо Улика:

– Лесной брат, мы поехали. Пойдем, куртки заберешь из машины.

– А какого хера так рано? Я еще тут никому зубы не выбил.

– На это я еще в своей жизни посмотрю.

Они вышли на холодную улицу, подошли к Volvo 240 GL, надели куртки. Улик позвал Удо:

– Господин интурист, извольте выпить, как у нас говорится, на ход ноги.

Улик взял початую бутылку Black Label и, сделав мощный глоток, передал ее Удо. Тот совершенно не смутился и отхлебнул столько-же.

– Ладно, ну тогда стременную. Повтори: «стре-мен-ну-ю», это когда тевтонский рыцарь засовывает свой саботон в стремя. – Улик опять сделал хороший глоток.

– У нас в ГДР такой алкоголь могут позволить немногие, так что я не откажусь, – Удо тоже знатно хлебнул из бутылки.

Улик оценил оставшееся:

– Ну что. камрад, тут осталось только на посошок. По-со-шок. Это когда уже миннезингер взял посох и отваливает, – Улик выпил половину оставшегося в бутылке и передал ее Удо. – Все, достань свой кинжал милосердия и вставь его в щель. Жить ей незачем.

Удо в очередной раз удивился, до какой степени образованы эти ребята. Он допил виски. Улик взял у него бутылку, закрутил пробку и поставил ее на тротуар:

– Через пять минут ее заберут, потом нальют в нее какой-нибудь вонючий болгарский бренди «Солнечный берег» и будут всем рассказывать, что это им привезли из заграницы.

Улик развернулся к Юльке и сгреб ее в объятия:

– Ну что, Мария Магдалена, сестра Лазаря из Вифании, до раскаянья поехали ко мне, будем множить твои грехи.

– Что? Какая Мария Магдалена? Это Сандра поет.

– Да, дочь советского пролетариата, именно так. – «I'll never be Maria Magdalena (You're a creature of the night) Maria Magdalena (You're a victim of the fight) You need love; Promised me delight; You need love». Пум-пум-пум-трррр...

Ольгерд спел припев песни шикарным баритоном на безукоризненном английском. Юлька прижалась к Улику:

– Какой же ты крутой!

На дороге показался зеленый огонек свободного такси. Улик вложил два пальца в рот, очень громко и пронзительно свистнул, да так, что таксист в едущей машине услышал этот свист.

– Все, бойнос ночас, амигос.

Юлька и Улик плюхнулись на заднее сиденье 24-й «Волги», и таксомотор умчался в ночь. Сергей и Инесса тоже сели в машину. Отец отдал Сергею свою старую «Вольво», когда ему привезли новый Mercedes E-класса в W124-м кузове. По сравнению с этим величайшим произведением немецкого технического гения Volvo 240GL выглядела убогим скотовозом. Во-первых, это был универсал: квадратный, с тонкими стойками и огромной губой переднего бампера. У машины был задний неразрезной мост, прямо как у советской «Волги». Машина была валкая, тряская и очень бедно декорированная внутри. Со своими шикарными бархатными диванами, инкрустированной натуральным деревом передней панелью «Волга» была сильно комфортнее на ходу. Плюс она была мощнее: 138 лошадиных сил вместо 115. Коробки в машинах были механические, по четыре передачи. Единственное, чем могла похвастаться шведка, так это воющим кондиционером, электрическими стеклоподъемниками и замками дверей. Но, в любом случае, это была иномарка – большая и роскошная по советским меркам машина.

«Вольво» укатила. Марго и Удо побрели к дому.

– Марго, объясни мне, я не понимаю, почему такие потрясающие, талантливые, образованные, молодые, красивые – очень красивые! – богатые люди так несчастны? Почему они так ненавидят жизнь, которая к ним благосклонна? Прости, твоя подруга Юля: мне кажется, она самая натуральная, веселая и счастливая из них всех. А ведь, мне показалось, она проститутка, так?

Марго прижалась к мужу:

– Я много думала об этом. Наверное, мне отчасти повезло, что я узнала их мир изнутри, а то бы так и жила в фантазиях о его красоте. Там очень страшно и душно. Как в бочке на огне. И ты прав, Юля валютная проститутка. Мы дружили с первого класса. И обе после восьмого пошли в техникумы. Я в педагогический, она – в торговый. И мы в один день познакомились с Сергеем и Ольгердом. И вот я твоя жена, а она проститутка, которую Ольгерд подкладывает разным шишкам.

– Хорошо, с ней все понятно, а вот Сергей и Инесса – люди просто как с обложки журнала мод из ФРГ. Они почему так не любят друг друга, но женятся?

– Сергей сказал мне сегодня примерно следующее, когда я пожелала ему счастья с Инной. Он не любит ее, но испытывает к ней некоторые чувства, которые не являются любовью, а это чувства, как к напарнику перед тем, как их забросят в тыл врага или отправят в космос.

– Да, очень все это печально, но с ними тоже вроде все понятно. А вот кто это Ольгерд? Он ведет себя так, как будто для него законов нет.

– А так оно и есть, для него законов нет. И мне кажется, дело не только в его папе. За такие дела, что он творит, другой бы уже сидел и папа бы не спас. Я ничего не знаю, но говорят, что он работает на КГБ – Комитет государственной безопасности. Или даже на СВР, это внешняя разведка. Во всяком случае после института он так нигде и не работает, а деньги у него всегда есть. Я, возможно, слишком много читаю шпионских романов (очень их люблю, честно) и у меня уже паранойя, но мне кажется, его могли завербовать, и он агент под прикрытием. Но он все время с иностранцами, меняет валюту, общается с какими-то бандитами, спекулянтами. Он проходит во все самые злачные места, вот как сегодня. Что-то шепнет на ухо, и его сразу пускают. Эта история чем-то пахнет.

Удо хмыкнул:

– Ничего параноидального тут нет. Когда я заканчивал службу в армии, нас собеседовали люди из Staatssicherheit, это как ваше КГБ, сокращенно Штази. И они этого совершенно не скрывали. И пару парней они завербовали. Я подписал бумагу, что пока не завербован, но в

любой момент мне могут дать задание. Так что и Ольгерда тоже могли завербовать. Может быть, у него что-то нашли, наркотики например; может быть, он с мужчиной спал. Хотя это вряд ли. Кажется, он самец.

Марго и Удо дошли до дома.

– Удо, ты можешь поверить, что мы сегодня поженились? Что я твоя жена, а ты мой муж? Я не могу. Это как сон.

– Да, Марго, я ночами мечтал об этом дне, но никогда бы не мог представить, что все произойдет так. Если бы это не было правдой, я подумал, что это какой-то дешевый вымысел какого-то писака, который пишет любовные романчики.

Они поднялись в квартиру, подготовились ко сну и легли в постель.

– Ну что, моя прекрасная супруга, с первой брачной ночью тебя.

– И тебя, мой мужественный и гордый супруг. И хотя я отдала тебе свою девственность до свадьбы, представим, что я опять непорочное и чистое существо. Так возьми меня, я вся твоя.

Марго хотела обратить все в шутку, но Удо очень серьезно сказал:

– Ты самая чистая и невинная девушка на земле. А я самый счастливый человек на ней, который смог получить такую девушку в жены. Благодарю Всевышнего за этот великий дар.

Удо принялся целовать Марго, та отвечала ему. Началась очередная ночь, полная страсти и нежности. Марго с каждым днем влюблялась в Удо все сильнее, а еще она влюблялась в секс. Секс по любви – это очень и очень крутая штука.

Назавтра им предстояло решать вопросы с переводом документов и начинать оформлять выезд Марго. Проснулись рано, Удо хотел по накатанной заняться утренним сексом, но Марго строго спросила, готов ли он прямо сейчас становиться папой, а если нет, то нужно потерпеть до ночи, а перед этим они сходят в аптеку, купят «красные шапочки» и до его отъезда будут погружаться на дно океана в скафандрах.

Первым адресом их сегодняшних перемещений было бюро переводов на Арбате. Марго много раз там была по работе, хорошо знала сотрудников. На Арбате они зашли в гастроном «Арбатский» и купили дорогую коробку конфет и бутылку советского шампанского. Еще она попросила Удо прихватить с собой коробочку немецкого печенья, которое он привез вместе с прочими гостинцами.

В бюро переводов была достаточно большая очередь. Увидев Марго, секретарь сделала вид, что копается в бумагах, потом громко крикнула:

– Кто из «Спутника»? Есть тут Маргарита Семенова?

Марго подняла руку.

– Да, я, мы, – она подхватила Удо под руку и стала толкать его через толпу.

В очереди начали роптать. Секретарь строго пресекала возмущения:

– Товарищи, нам звонили из «Спутника». Срочное дело. Иностранца ограбили, наша доблестная советская милиция уже поймала преступников, нужно срочно перевести и засвидетельствовать его показания. Ожидаем, товарищи, все сегодня пройдете.

Секретарь провела их в кабинет переводчиков.

– Ну что, Марго, вот и есть твой заморский жених?

– Да уже муж. Надо перевести и поставить апостиль на свидетельство о браке.

– Ой, дел-то. Давайте документы, подписывайтесь вот тут и тут и идите платить в сберкассу пошлину.

Секретарь выдала ей квитанцию на 5 рублей 63 копейки. Марго достала из сумки бутылку, конфеты и печенье:

– Девочки, спасибо вам. Это по случаю моей свадьбы. Вечерком вспомните меня и пожелайте мне счастья с Отто в его стране.

Секретарь и переводчицы обняли и поцеловали Марго, пожали руку Удо.

– Лучших людей отдаем.

Одна из вертких переводчиц спросила Удо, откуда он родом.

– Я из ГДР, из города Шверин.

– А у вас там все такие красивые парни, в Шверине?

– Конечно. Я там самый страшненький, – ровным голосом ответил Удо, как бы не понимая подколки.

– А друзей там у вас нет для меня?

– Буду всем рассказывать о вас. У Марго есть ваш телефон? Не удивляйтесь, если вам начнут звонить мои друзья.

Переводчица не понимала, шутит Удо или нет, быстро написала телефон и сунула Марго:

– Вот, теперь есть.

Марго убрала листочек в картонную папку с бумагами. Секретарь строгим голосом командовала:

– Хватит смущать людей, работа сама себя не сделает. А вы, ребята, приходите через минут сорок.

Получив перевод свидетельства, Марго и Удо опять сели на метро и поехали на станцию «Новые Черемушки», откуда на автобусе доехали до посольства ГДР на Ленинском проспекте. Им нужно было попасть в консульский отдел, ну или хотя бы записаться туда на завтра. Марго и Удо опять очень повезло: консул был на месте и к нему не было посетителей. Консульский работник, совсем молодой, но уже сильно лысеющий парень, принял их, взял документы и отнес к консулу. Через двадцать минут их пригласили в просторный светлый кабинет, где за массивным, темного дерева столом восседал небольшого роста полноватый мужчина лет сорока пяти. Консул встал, пожал паре руки и пригласил сесть на стулья вокруг большого журнального стола.

– Господин Нейман, госпожа Семенова, от имени правительства моей страны, центрального комитета единой социалистической партии Германии, от имени народа ГДР и от себя лично хочу от всей души поздравить вас с заключением интернационального брака! Хочу пожелать вам крепкого здоровья и долгой семейной жизни. Позвольте сообщить, что ваш брак зарегистрирован в соответствии с законами Германской Демократической Республики.

Он торжественно передал Отто свидетельство о регистрации и паспорта, где рядом с советским штампом о регистрации брака стояли штампы ГДР.

– Маргарита, вам нужно будет обратиться в ОВИР вашего района за получением выездной визы для постоянного проживания в ГДР. Прошу вас подождать в холле, помощник вынесет бумаги совсем скоро. Еще раз сердечно поздравляю, всего наилучшего.

Он опять пожал им руки, а Удо и Марго поблагодарили его за теплые поздравления и оказанную помощь. Минут через десять – пятнадцать они получили все нужные справки и вышли из посольства.

– Удо, давай до метро пройдемся через парк. Мы очень быстро все успели сделать, я очень рада, – она поцеловала Удо в губы. – Я очень рада.

– И я, Марго, тоже очень рад. Я тоже не ожидал, что так быстро все получится сделать.

Они шли по Воронцовскому парку: по тропинкам вдоль разрушенных зданий бывшей усадьбы, по длинной аллее, через лесок. Снег сошел весь, но местами на земле блестели лужи талой воды. Слева показались развалины церкви: блеклые стены, провалившийся купол. Марго стояла перед руинами. Удо спросил, почему все в таком запустении. Марго не знала, что ответить.

– Наверное, вся усадьба погибла до тех пор, как тут появилась Москва. Знаешь, сколько вокруг Москвы таких умерших усадеб. Отреставрированы только самые известные: Кусково, Останкино, Архангельское. В Царицыно тоже руины, а могло бы быть, как в Версале. Правда, я там не была, но у нас есть такое выражение, когда хочешь сравнить с чем-то роскошным.

Скоро они дошли до метро «Калужская», сели на автобус и поехали домой в Олимпийскую деревню. Купили что-то съестное в гастрономии, зашли в аптеку.

Марго обратилась к мужу.

— Давай поедим, отдохнем и вечером на машине съездим, например, в парк Горького. Или просто поедим в центр. До отлета осталось три дня вместе с этим.

Удо обнял ее и прижал к себе.

— Любимая, я не знаю, как переживу этот месяц.

— А я вот точно знаю, что ты проживешь его в заботах. Мне нужно решить все проблемы с властями, уволиться, купить билет. Кстати, я хотела попросить тебя купить мне билет, а то я уже все деньги потратила.

Удо закивал головой:

— Я специально и привез рубли сюда, давай быстрее купим.

— Зайдем завтра в транспортное агентство, узнаем стоимость и, может, забронируем. Все равно мне их продадут только по выездной визе.

Поев, они час лежали обнявшись, смотрели альбомы с детскими фотографиями Марго. Она позвонила маме спросить, собираются ли они на дачу завтра. Мама сказала, что они с подругой немного приболели, да еще очень холодно, так что они решили ехать через неделю, а может и две. Марго понимала, что мама ее обманывает, что просто она не хочет сейчас отвлекать их друг от друга, понимая, что Удо совсем скоро уедет. Марго не стала спорить. Сделала вид, что поверила.

В начале пятого молодожены сели в машину Марго и поехали смотреть билеты. Билет до Берлина и обратно в Москву стоил 74, а если в один конец, то 91 рубль. Далее они съездили на Ленинские горы, прокатились по Кутузовскому проспекту, проехали весь центр, выехали на набережные, на улицу Димитрова, на Ленинский и опять приехали в Олимпийскую деревню.

— Кстати, как думаешь, мне машину продать?

Удо подумал.

— Давай, я все узнаю. Может быть, ее можно будет перевезти в ГДР. У нас автомобили, ты знаешь, очень дорогие и их трудно купить, а у тебя такая отличная машина.

Марго улыбнулась:

— Я была бы очень рада сохранить ее. Я свою машинку очень люблю.

Они вернулись домой, приготовили легкий ужин, открыли бутылку сухого немецкого вина, включили медленную романтическую музыку, зажгли свечи, разбросали одеяла и подушки на ковре и, раздевшись, начали медленно танцевать в сумраке, любясь тенями на стенах и потолке. Потом был нежный и долгий секс, ласки, какой-то разговор без особой темы и плавное погружение в сон. Они хотели спланировать завтрашний день, но решили действовать по наитию. В этот момент они, конечно, не знали, сколько волнений суждено пережить им уже завтра.

Авария

Было чуть больше девяти часов утра, когда начал звонить телефон. Марго не хотела брать трубку — ну, позвонит и смолкнет, а маме она сама наберет через полчаса или час. Но телефон не прекращал звонить. Прерывался и снова начинал трезвонить.

Удо проснулся:

— Давай, я возьму.

Он встал, пересек комнату и снял трубку с рычагов:

— Алло.

В динамике Удо услышал то ли плач, то ли вой, который издавала молодая женщина. Ему показалась, что Юлька. В трубку кричали:

— Ольгерд разбился, Ольгерд умер, его нет! Улика нет!

Удо отдернул трубку от уха:

– Марго, там, кажется, Юля. Она кричит и плачет. Я не понимаю, о чем она говорит, но она произносит имя Ольгерда: Ольгерд нет, Ольгерд нет, Улик нет! Что-то случилось?

В этот момент Марго одним прыжком перелетела комнату и выхватила трубку из рук Удо:

– Да. Марго. Кто это? Что, что случилось? Юля, это ты?

В трубке надрывалась Юлька:

– Марго, Марго, Улика больше нет, Улик разбился, ночью на машине! Мне Сергей звонил, сказал, что ему позвонили и сказали, что ночью Улик разбился где-то на Преображенской площади. Он сейчас что-то выясняет.

Юлька рыдала в голос. Завывая, причитала, как это делали русские бабы в деревнях.

– Юля, я еду. Положи трубку и жди звонка Сергея. Буду через полчаса.

Марго начала быстро одеваться. Удо, даже не спрашивая, что случилось, тоже стал напяливать вещи. Он понимал, что произошло что-то плохое. Может быть, и совсем ужасное. Марго схватила сумочку, ключи от дома, ключи от машины, куртку и выбежала в коридор. Удо шнуровал ботинки.

Марго крикнула:

– Возьми алкоголь. Бутылку водки или чего есть.

Удо метнулся в комнату, схватил со стола пару бутылок и выбежал из квартиры, на ходу прихватив куртку. У лифта Марго сказала, что случилось:

– Ночью Ольгерд разбился на машине. Юле сказали, что насмерть. Я боюсь, что она что-то с собой сделает. Сейчас едем к ней.

Они сели в машину и поехали к Юлькиному дому, до которого было минут семь-восемь езды. Через десять минут они уже звонили в ее дверь. Юлька в халате на голое тело, вся в слезах и соплях, босиком открыла им дверь, бросилась на шею Марго, потом как-то неуклюже села на ковер и поползла к стене. Халат полностью развязался, ее груди болтались, а зад и промежность нелепо оголились. Доползши до стены, она прислонилась к ней спиной и начала стучаться затылком. Марго подлетела к подруге, схватила ее голову одной рукой, пытаясь засунуть ее между затылком и стеной, а второй укрывая Юлины прелести халатом. Удо стоял опешив, не зная, что ему делать. Юлька орала, что без Ольгерда она жить не будет.

В этот момент зазвонил телефон. Марго побежала к аппарату, на другом конце был Сергей:

– Юля, он жив. Он в больнице.

– Это Марго, мы у Юльки. Где он? Что с ним?

– Да пиздец с ним. Перелом обеих ног с раздроблением, смещением и осколками. Точно будет на одной ноге аппарат Елизарова. А может быть, и на двух. Сломана правая рука, вывих левой с растяжением в запястье, сильное сотрясение, перелом пяти или шести ребер и самое страшное – почти оторван нос, от чего была большая кровопотеря.

Все это Марго повторяла за Сергеем, а Юля стояла на четвереньках, как собака, и жадно слушала ее слова.

– Он в «Склифе». В сознании. Пока просто зафиксировали все кости шинами, будут потихоньку разрабатывать план операций. Будут спицы вставлять, как-то собирать раздробленную кость на винты. Сказали, что можно приехать где-то после одиннадцати утра, но только на очень короткое время. И нужно ему привезти что-то из домашней одежды, мыльно-рыльные и прочее. Встретимся у него в квартире.

Марго повесила трубку.

– Юля, ведь у тебя же есть ключи от квартиры Улика?

– Да, есть, есть.

– Дорогая моя, малышка моя, главное – он жив. Главное – жив. Кости срастутся, он здоровый кабан, он все это победит. Сейчас поедem к нему домой, возьмем вещи и поедem в больницу. Давай собирайся.

Юлька пошла собираться. Что-то на себя натянула и так некрашенная и нечесанная вышла за дверь. За долгие годы Марго видела свою подругу в таком виде впервые. Юльку кололо так, что она не могла попасть пальцем в кнопку вызова лифта.

Сергей уже ждал у дома Ольгерда. Он обнял Юльку, поцеловал ее, поцеловал Марго и пожал руку Удо. На нем не было лица.

– Идиот, я сколько раз его просил, умолял не ездить пьяным и не гонять. Ехал на «Щелчок», за Сокольниками поравнялся с «Мерином», погнались, пролетели через Преображенку и на Большой Черкизовской он не вписался в сужение и на скорости километров за сто влетел в подземный переход. Сперва сбил защитную ограду, потом пролетел по ступенькам, снес двери и остановился только у противоположенных дверей. Машина стала треугольной, она колесами не касается земли. Мотор влетел в салон и лег ему на ноги. О руль сломал руку и нос оторвал. И ребра все сломал. Естественно, он был не пристегнут ремнем безопасности, хотя, может, и лучше, что без ремня – еще бы ребра легкие проткнули. Его не могли два часа вытащить. Слава богу, кто-то видел момент удара, вызвал милицию, та – скорую и пожарных, а те резали крышу и стойки, чтобы его достать. Кроссовки остались в машине, их невозможно достать – так зажал металл. Недавно машину краном выдергивали, там ремонт перехода на десять тысяч рублей потянет, не меньше.

Марго перевела Удо рассказ Сергея и мило улыбнувшись добавила.

– Вот так, дорогой, женился на русской и сразу попал в историю.

– Поверь мне, и у нас тоже люди бьются. Умудряются на «Трабантах» разбиваться со смертельным исходом.

Юля сбегала в квартиру Улика, взяла необходимые вещи, бутылку виски, деньги и сигареты. Далее они все вместе на двух машинах поехали в «Склиф» на проспекте Мира.

Их переписали, дали халаты, и они поднялись на лифте в «травму». Прошли по коридору, пахнущему хлоркой, больничной едой, лекарствами, туалетом и человеческой болью, и постучались в палату.

– Заходите, – они услышали голос Улика.

Все вошли. На больничной ортопедической койке сидел Улик в одних трусах. На лице горизонтальная марлевая повязка, местами пропитанная кровью. В обе ноздри через прорезы в бинте вставлены трубки, которые спускались в банку под кроватью. Одна рука была уже в белом гипсе, вторая замотана эластичным бинтом. Ноги пока в шинах, так как планировалась операция по вживлению спиц. Улика трясло то ли от похмельного синдрома, то ли от болевого шока:

– Молодцы, молодцы, что приехали.

Юлька бросилась к нему, и, не понимая, что можно трогать, стала целовать плечи, спину.

– Что, подруга, обосралась мало-мало? Рановато, я еще не готов уйти в Валгаллу. Бухло, дайте бухла.

Юлька достала из-под юбки спрятанную в трусах плоскую пластиковую бутылку Red Label. Улик, преодолевая боль в вывихнутой руке, взял бутылку и в несколько глотков выпил треть содержимого.

– Юль, молодец, люблю и ценю. Закрути и положи под подушку.

Тремор Улика начал успокаиваться. Он тихо попросил:

– Ребята, положите меня ровно и накройте одеялом. Холодно мне. Я посплю немного. Пока всем, а тебе, немец, хорошо долететь до дома.

Последнюю часть фразы он закончил на немецком. Отто ответил:

– Выздоровливай, товарищ.

Юлька сказала, что останется, легла рядом с Ольгердом, свернувшись калачиком. Она смотрела на него полными слез глазами:

– Боженька, спасибо, спасибо, что он жив.

Сергей, Марго и Удо вышли из палаты. Ольгерду предстояло около года сложных восстановительных операций, но все равно он больше никогда не смог двигаться так, как это было до аварии. Он на всю жизнь приобрел хромоту, его мучили боли, особенно когда менялась погода. Он начал все больше пить, дела пошли с горы, многие партнеры от него отвернулись, в том числе и его бывший основной спонсор, организация из трех букв. Потихоньку все больше и больше стало возникать проблем с деньгами. Однажды из его жизни исчезло самое преданное и любящее его существо – его непутевая Юлька.

Отъезд

После больницы они вернулись домой, позавтракали, приняли душ, позанимались любовью, еще раз приняли душ, неспеша собрали вещи Удо. Оставалось поехать в центр, купить всякие подарки родне.

В день свадьбы Удо звонил родителям, рассказал о церемонии, а те тепло поздравили Марго и сына с браком. Марго в первый раз общалась со свекром и свекровью, в очередной раз блеснула своим немецким, а родственники, естественно, этим восхитились и сказали, что с огромным нетерпением будут ждать невестку в их прекрасном городе Шверине. Что они уже начали готовить их комнату в доме, чтобы на первых порах им было максимально комфортно жить.

Еще позвонил Сергей, опять ругался на Улика, потом рассказал Марго, как можно вывезти машину из СССР. Оказалось, что это очень просто: при подаче документов в ОВИР на выездную визу необходимо будет указать способ пересечения границы – личный автотранспорт, приложить копию техпаспорта, квитанцию об оплате небольшой пошлины и все, можно вывозить машину в другую страну СЭВ.

После разговора с Сергеем Марго описала ситуацию мужу.

– Удо, я считаю, нет смысла мне покупать дорогой билет и лететь на самолете. Ну, смогу я взять с собой два чемодана, двадцать килограммов. А потом еще нам возвращаться за машиной. Я сразу поеду сама. До Бреста доберусь, там по прямой ехать день, тем более дни становятся длиннее. А в Польше ты меня встретишь на границе.

Марго достала школьный атлас, открыла карту Восточной Европы и карандашом обвела название населенного пункта – Бяла-Подляска.

– Вот, кажется, очень близко к границе, 40-50 километров. Приедешь, переночуем где-то в этом городке и поедem в Шверин. Или, чтобы не убиваться, первую ночь переночую в Минске, а на следующий день уже доеду до Польши. Зато перевезу все свои вещи сразу: и какую-то посуду, и книги любимые. Где мы там все это будем искать?

– Марго, конечно, далековато для не очень опытного водителя, но это очень хорошая идея, с точки зрения экономии. Да и денег лишних, увы, нет лететь вдвоем в Москву. Лучше в ГДР их на что-то полезное потратим: на одежду тебе, например, или попутешествуем.

Марго приготовила ужин, съездила за мамой, и они начали проводы Удо. Рейс был ранним, вставать нужно было в пять, а лучше в половину пятого. Мама рассказывала про детство и школьные годы Марго, про умершего супруга, Вьетнам, музыкальную школу и немецкий язык:

– Я не знаю, как она так полюбила ваш язык, мы же с мужем ни на каких иностранных языках не говорили, муж только во Вьетнаме несколько фраз выучил, и то, простите, преимущественно матерные, с местными рабочими общаться. А Марго с детства: Германия, Германия, какие-то сказки, рыцари, короли, золушки. В журналах картинки смотрела. А еще очень просила нас поехать в универмаг «Лейпциг», его как раз тогда перевезли в новое здание с Ленинского проспекта на Академика Варги, за метро Юго-Западная, к кольцевой дороге. Там продавались прекрасные куклы, как живые пупсы, из мягкой резины, с закрывающимися глазками, в нарядных платьях. Мы Маргоше таких кукол покупали, дорогие были очень. Но она бежала к макету железной дороги – там прямо маленькая Германия стояла под стеклом – и могла хоть часами смотреть, как поезда ездят по горам и городам.

– Да, фрау Людмила, я понимаю, о чем вы говорите. У нас в Шверине тоже большой универмаг, и там на четвертом этаже есть огромный детский отдел, там все продают и игрушки тоже. И там тоже стоит такой огромный макет. И я туда все время ездил после школы на него любоваться. Это наша национальная гордость, фирма РИКО. Лучшая в мире. Ее покупают в США, Японии, по всей западной Европе, включая ФРГ. Мне на день рождения родители подали маленький набор: метровый круг с одной стрелкой и тупиком, паровоз и три вагончика – пассажирский, грузовой и цистерна. Так они до сих пор у меня хранятся и стоят на полке за стеклом. Такая красота.

Потом Удо рассказывал про своих родителей, про войну, кто где был и где погиб. И Людмила тоже рассказывала о ее погибшем отце и родственниках, о погибшем отце мужа, рано умерших от непосильного труда и горя мамах. Показывала фотографии. Марго было приятно наблюдать, как между ее мамой и мужем возникает химия привязанности, как они перестают стесняться друг друга. Да, они общаются через Марго, не понимают языка друг друга, но явно их спаивает любовь к Марго. Потом мама упростила Марго поиграть на фортепиано и спеть. Сперва та отнекивалась, говорила, что все уже забыла, но потом прекрасно играла и пела. В том числе и «Ловцов жемчуга». Мама, когда Марго пела советские или русские песни, с большим удовольствием подпевала, демонстрируя и красивый голос, и прекрасный слух. Удо сказал, что петь он не может совсем – ни слуха, ни голоса нет от рождения, но его заставили попытаться что-то спеть, правда после первых трех фраз Марго как-то быстро постаралась прекратить это издевательство, что очень понравилось Удо.

Мама улыбнулась:

– Не переживай, дорогой зять, даст Бог, детишки унаследуют слух от мамы. Да и без слуха можно жить.

Пора была ложиться спать. Мама сказала, что все помоем и уберет, чтобы они шли отдыхать. В этот момент позвонила Юлька. Она была уже дома. Завтра Отто будут делать пластику носа, а на следующей неделе оперировать ноги. В руку тоже решили вставлять стержень, она так не сростется. Будут сразу делать все, в один присест. Юля опять плакала, потом извинилась за то, как вела себя утром в квартире.

– Наверное твой Отто испугался меня такую.

– Да нет, чего там бояться, люди большие деньги платят, чтобы все это увидеть, а ему ты показала все бесплатно.

– Да пошла ты в жопу, подруга. Думаешь, в тот момент я хотела соблазнить твоего фрица? Я вообще не помню, что там было, даже не знаю, как я из окна не прыгнула.

Юлька пожелала Удо хорошей дороги и попрощалась. Удо и Марго попрощались с мамой до утра, закрылись в комнате и начали прощаться сами. Прощались они часа два во всех известных Удо позах и в процессе открыли еще несколько новых. В моменты их близости Марго поняла, что секс ей очень нравится и она не хочет жить без него и без Удо.

– Удо, как ты меня оставишь одну? Я же только вошла во вкус. А ты уже меня бросаешь. Придется идти искать замену тебе. Куда посоветуешь обратиться?

– Я думаю, в казарму, тюрьму или порт. Там тебя точно удовлетворят. Понимаешь, с тобой смогут справиться только толпой, человек пять минимум.

– Услышала, я буду брать десятками.

Было уже поздно. Они выключили свет и попытались заснуть.

– Марго, у тебя такая горячая попка, я опять возбуждаюсь.

Марго в темноте поцеловала мужа:

– Ладно, если возбуждаешься, так давай, иди в штыковую атаку, поспишь в самолете.

Два раза предлагать Удо было не нужно. Он опять вошел в нее сзади, мощно, как будто двух часов секса до этого не было.

– Ты без «мешка» на голове? Это опасно.

– Не бойся, сейчас случайности не будет, я все контролирую.

Через некоторое время Удо прервался, зашуршала упаковка презервативов.

– Добью я тебя в головном уборе, а то тебе еще до Польши ехать за рулем.

Наконец и этот половой акт закончился. Они обессиленные, но глубоко счастливые и удовлетворенные, заснули в объятиях друг друга, но, увы, оставшаяся пара часов пролетела моментально, и бесчувственный будильник погнал их в новый день.

Умылись, позавтракали, собрались. Удо тепло попрощался с тещей, и, прихватив чемодан, они пошли к лифту.

Ехать по пустой утренней Москве – одно удовольствие. Была еще почти ночь, рассвет только начинался. В Шереметьево-2 Удо, вспомнив, что не купил никаких подарков родителям, втридорога купил шоколадные конфеты, водку, коньяк и еще большую матрешку. Потом они долго препирались, когда Удо пытался отдать все свои рубли. В результате Марго взяла 173 рубля, а двести Удо должен был поменять обратно на марки. Потом они долго целовались. Сначала расплакалась Марго, потом к ней присоединился Удо, и вот уже после долгих поцелуев муж понуро побрел на паспортный контроль. Последний взмах рукой, и она осталась одна.

Марго бесцельно походила по аэропорту, дождалась, когда объявят окончание посадки, и посмотрела, как его самолет взлетел в небо. Было грустно. Марго сразу из аэропорта поехала в ОВИР, записалась в очередь на выездную визу на ПМЖ, сделала в прикормленной ОВИРом конторке ксерокопии всех документов, поехала на работу, написала заявление об увольнении. По ее расчетам, самолет уже сел в Берлине и Удо добирается до вокзала, чтобы ехать на поезде в Шверин. Потом она поехала в магазин за отложенными ей знакомой продавщицей мясом и курицей и наконец приехала домой. Впереди были выходные, на которых впервые в жизни она не знала, что будет делать. На работе Марго договорилась, что придет в понедельник во второй половине, а две недели, которые она должна будет отработать, проведет в офисе, с группами уже не поедет.

В первую ночь после отъезда Удо она положила себе его подушку, вдыхала его запах и плакала. В выходные отвезла маму с подругой на дачу, помогла им убраться в домике после зимы, принесла дров и воды. Остальное время она провела с Юлькой. Наверное, в первый раз в жизни они говорили о сексе не как комсомолка с проституткой, а как две женщины, для которых секс – это часть их жизни. Марго рассказала о своих впечатлениях, о том, что сперва в этом не было совершенно ничего особенного, но потом, после нескольких раз она поняла, что это совершенно великолепная штука.

– Юль, вот сколько лет ты этим занимаешься? Что это для тебя?

– Марго, у меня были сотни – да, сотни – мужиков: богатых и очень богатых, страшных и красивых, дохляков и накачанных, бандюг и ученых интеллигентов, русских и импортных всех, сука, цветов; были старики и пятнадцатилетние сопляки – папаши приводили их терять девственность, обучаться науке любви; девки были, много девок со мной трахались, и многие из этих людей трахались божественно, семь раз кончишь. Но люблю одного человека, одного морального уроды, этого придурка, который сейчас еле живой валяется без носа и с переломанными граблями. Он, тварь, сделал меня шлюхой, грязной блядью, путаной. Я знаю на сто процентов, что он на мне никогда не женится, я не рожу ему деточек, скоро он меня просто бросит, как старые рваные трусы, но я люблю его больше жизни, больше всего на Земле, больше себя в тысячу раз. Он прикажет – я сдохну или убью, кого скажет. А если он скажет убить тебя, я убью себя, так как, кроме тебя, у меня на этой планете никого родного больше нет. Вот такая жизнь, подруга. Я понимаю, что ты только начинаешь любить своего Ганса, что, возможно, ты его никогда не полюбишь так, как я люблю Улика, даже не полюбишь, как ты любила этого Пьеро, своего Сергея, вечно недовольного, вечно в страданиях, в философии. Вот ему эту жидовку в самый раз крутить ему яйца и трахать мозг. Но уверена, что ты его будешь если не любить, то уважать, слушать, понимать, доверять и тем самым любить, потому что он тебя любит, он

тебя уважает, он тебе доверят. Потому что он хороший человек. А не презерватив с манной кашей и не Пьеро в слезах. Если бы я встретила нормального парня, такого, как твой Ганс – встретила до всех этих упырей – какой бы роскошной я была ему женой!

Они обе плакали, обнимались, гладили друг друга по голове, как две маленькие девочки, которые нашли котят, а родители запретили их взять домой. Потом Марго ушла, говорила по телефону с Удо, который благополучно доехал до дома и теперь страдает без нее, спала, все воскресенье смотрела телевизор и слушала музыку. В понедельник она отнесла документы в ОВИР, где ей сказали, что все будет готово через три недели. Работала в офисе, говорила с Удо, в следующие выходные опять ездила на дачу, спала там ночь, гуляла по товариществу, ходила на озеро. В понедельник зашла к знакомому автослесарю, договорилась, что оставит машину и тот проверит все, что можно, поменяет масло, фильтры, свечи, проверит тормоза, сцепление, если нужно, заменит ремни, проверит зажигание, карбюратор, аккумулятор и генератор – короче, подготовит ее к долгой дороге. Парень был очень толковый, симпатичный и физически крепкий. Чинил машины всей их компании, за что Юлька иногда благодарила его собой.

Наконец документы были получены, даже на несколько дней раньше срока. Пора собираться в путь. Они договорились с Удо о дне, когда встретятся в Бяло-Подляске в гостинице на улице Артиллерийская, дом 1. Марго забронировала гостиницу в Минске. Прошли последние дни, она устроила проводы в конторе, накормила всех тортами и напоила вином и шампанским.

И вот настал последний вечер перед отъездом. Сергей приехал один, днем, они долго сидели, сперва молчали, пили чай, потом говорили.

– Марго, прости меня. Я рад, что ты нашла человека, рад, что ты счастлива. Я не вижу всех твоих чувств, но мне кажется, ты его любишь. Я жалкий надменный карлик, я убил твою любовь, убил свое счастье, я проклят и обречен жить с этой сукой. И поделом мне, таких людей, как я, надо в детстве топить.

Он обнял ее и поцеловал в щеку:

– Надеюсь, еще увидимся.

Марго прижала ладони к его щекам, пристально посмотрела в серые глаза:

– Мальчик мой, любимый мальчик мой. Прости себя сам. Не из-за меня – за себя прости, за родителей своих, за эту страну. Ты не виноват. Это твоя судьба. Ты сильный. Ты не слабый. Просто ты продукт этой системы, ты ее солдат, может быть, в будущем генерал, но ты честный. Ты сделал все так, как был должен своим, но ты не испачкался. Я за это тебя ценю, прощаю и буду любить до конца жизни.

Она расцеловала его лицо. Губы Сергея задрожали, трудные слезы навернулись на глаза, и он, как бы съездившись, ушел.

Позже приехала Юлька, рассказала, как дела у Улика, что он начал ходить по коридору на костылях. Они выпили вина, попрощались и расстались. Вечер она провела с приехавшей на поезде с дачи мамой. Много вспоминали детство, плакали, смеялись. Потом Марго пошла спать.

Утром поле душа и завтрака они потихоньку снесли вниз все вещи, чемоданы, сумки и коробки. Разложив задний диван, загрузили машину, проверили документы и деньги, посидели минутку на лавочке, поцеловались. Марго села за руль, завела мотор, включила фары и пристегнулась. Несколько секунд, как будто она прыгает с парашютом в бездну, ждала затаив дыхание. Вот выжато сцепление, включена первая скорость, плавно отпускается педаль сцепления и добавляется газ. Машина сделала первый оборот колес, ускорила и устремилась в будущее. В зеркале заднего вида была видна удаляющаяся фигурка машущей рукой матери.

Что рассказывать о дорогах? Асфальтовая лента, перекрестки, иногда развороты и посты ГАИ. Вдоль тянутся деревни с причудливыми названиями: Мушковичи, Заборье, Вышегор; поля, леса, рощи, холмы. Снега давно уже не было, но трава еще не проявилась. Голая коричневая земля, кое-где с ростками озимых.

Первую остановку Марго сделала в Вязьме – примерно треть пути. Перед отъездом Юлька помогла ей купить талонов на бензин на всю дорогу до границы. Плюс в багажнике лежала двадцатилитровая канистра 93-го бензина на экстренный случай. По шоссе на скорости 90-100 км/час машина Марго «кушала» примерно 7,5-8 литров на сто километров. Это означало, что для преодоления расстояния в 1110 километров ей потребуется 90 литров бензина. На него ушло почти 80 рублей – без 20 рублей месячная зарплата Марго. Ни она, ни кто-то из ее друзей не могли понять, почему в стране, которая добывает нефти больше всего в мире, бензин стоит таких баснословных денег, да еще его нельзя просто так купить – надо достать эти талоны, но и с талонами стоять на заправке час. К великой радости и бензин на заправке имелся, и очередь была всего машин пять. Залили топлива под крышку.

Марго съела бутерброды, выпила кофе из термоса, сходила в туалет в лесок и поехала дальше. Следующую остановку она сделала на административной границе с БССР, где тоже была большая заправка. Машин там было больше, но и колонок тоже. Там даже был какой-то туалет. Марго опять перекусила: съела кусок курицы и картошку. Мама положила их в стеклянную банку, закрыла полиэтиленовой крышкой и засунула в вещи. Когда Марго открыла банку, еда была еще теплая.

На этой остановке Марго поняла, что устала. Прежде всего, роскошное водительское кресло «Спутника», которое в городе казалось верхом комфорта, в дальней поездке оказалось не столь комфортным. Начали затекать руки и ноги, болеть спина, ломить в шее. Марго побегала, отжалась, поприседала, сделала несколько физических упражнений. Скоро начнет темнеть, а ехать ночью по неосвещенной трассе – так себе радость. Марго покурила, села в машину и поехала в Минск. Наступил вечер, стемнело, пошел мелкий дождь, и пришлось сбавить скорость. Марго слушала кассеты, пила чай, периодически останавливалась курить и писать. Силы ее сосем оставляли. Наконец она увидела освещение и табличку о том, что тут поворот на Минск. Еще минут сорок, и она наконец добралась до гостиницы «Спутник» на Брилевской улице. Марго несколько раз была в Минске с группами туристов, и они всегда селились в этой гостинице. Не так далеко от центра, но молодежная и не очень дорогая. Коллеги по работе помогли воспользоваться бронью московского «Спутника». Марго взяла из машины пакет с ночными принадлежностями, сумку с деньгами и документами, закрыла машину и пошла в гостиницу. От усталости ее покачивало и мутило. Она провела за рулем 16 часов. После оформления она первым делом позвонила маме, потом приняла горячую ванну, посушила голову и вырубилась. В шесть утра ее разбудил будильник. Марго открыла глаза, поняла, что вставать сейчас не вариант, и переставила будильник на 7 часов. В семь она уже могла как-то двигаться. Умывшись, Марго собрала вещи в пакет, спустилась в буфет, съела большой завтрак, купила пару бутылок минеральной воды и одну бутылку лимонада, сдала ключи от комнаты и пошла к машине.

Начался второй день ее поездки. На выезде из Минска она спокойно заправилась бензином. Было удивительно, что на заправке, кроме талонов, можно было купить бензин за наличные. Говорили, что в Прибалтике талонов вообще нет, даже никто не знает о них, а узнают, только когда, как они говорят, едут в Союз.

До Бреста необходимо было проехать 350 километров. Погода улучшалась, потеплело, выглянуло солнце. Это расстояние Марго преодолела где-то за пять часов, чуть меньше. При въезде в Брест она опять заправилась под крышку (два талона по 5 литров). На пограничном переходе была примерно в час. Только что закончился обед, и автомобили опять начали пропускать. Машины в массе своей были с польскими номерами, советских совсем мало. Таможенники переворачивали автомобили – искали контрабанду. Часто между таможенниками и поляками начиналась ругань, но до драк не доходило. Наконец подошла очередь Марго. Сперва долго смотрели ее бумаги, потом попросили достать вещи, открыть сумки и чемоданы. Осмот-

рели машину, сравнили номера кузова и мотора с документами. Все заняло почти час. Наконец ей вернули документы и открыли шлагбаум.

– Маргарита Викторовна, счастливого пути.

Марго начала волноваться – в Польше она никогда не была. Как, впрочем, и в других странах, кроме ГДР. Марго медленно двигалась по мосту, пока не доехала до светофора, который горел красным. Она стояла и ждала, пока тот не зажегся зеленым и можно было медленно ехать дальше. В конце моста был шлагбаум, красно-белый плакат с надписью «Польская Народная Республика» и белым орлом без короны. Рядом на флагштоке укреплен бело-красный флаг. Перед шлагбаумом стоял военный в полевой камуфлированной форме, высоких шнурованных ботинках и в конфедератке на голове – кепке с четырехугольным верхом, где углы расположены вперед, назад и вбок. Поляк взял документы Марго, посмотрел документы и открыл шлагбаум. Дойдя до навеса, он передал бумаги в окошко, а сам велел ей вытаскивать вещи, открывать сумки и чемоданы. Пришел таможенник уже не в полевой форме, а в серо-зеленой рубашке с галстуком, мундире цвета хаки и тоже в конфедератке с большим серебристым орлом на тулье. Таможенник покопался в вещах. В одном из чемоданов увидел бутылку дорогой водки «Золотое Кольцо». Ни слова не сказав, взял ее и засунул в карман брюк. Забирайте вещи, досмотр окончен. Через минуту солдат, а может, он был и офицером, вынес бумаги Марго, сфотографировал ее и машину висящим на груди фотоаппаратом и велел ехать. Шлагбаум открылся, Марго осторожно проехала территорию пограничного пункта и въехала на дорогу.

До гостиницы оставалось километров сорок. Сразу бросилось в глаза, что дорога больше похожа на городскую улицу. По обеим сторонам тянутся дома, есть тротуар, и все развязки сделаны в виде кругов без светофоров: всех пропускаешь и въезжаешь сам, а потом пропускают тебя. Населенные пункты чередовались один за другим: Тересполь, Кобыляны, Вулька, Хорбув, еще несколько с трудными названиями, и наконец Марго въехала в Бялу-Подляску. Вот еще несколько улиц, несколько поворотов, и она подъехала к нужному адресу, к гостинице. Ей не верилось, что она это смогла: одна проехала свыше тысячи километров, пересекла границу. Марго не успела припарковаться, как увидела, как к ней бежит знакомая фигура. Она вышла из машины и почти упала в объятия мужа. Тот подхватил ее на руки и начал кружить. Время около половины пятого. Марго очень хотела в туалет и есть. Удо забрал из машины вещи, на которые ему указала жена, и отнес их в номер. Марго пошла в туалет, потом приняла душ, надела чистую одежду и вышла в лобби гостиницы. У них целый вечер, целая жизнь.

Они гуляли по городку, Марго любовалась домами, витринами. Пахло весной. В горшках на окнах начинали расти цветы. Удо и Марго дошли до уютного пивного ресторана, долго ели, пили пиво, опять гуляли. В номере Удо делал Марго массаж, потом был долгий, нежный, заслуженный и долгожданный секс. После они разговаривали о делах друзей, особенно об Ольгерде, маме; о поездке, о том, как вела себя машина. Опять секс и сладкий крепкий сон в объятиях мужа. Марго заснула и проснулась счастливой.

Дальше машину вел Удо. Еще до армии он окончил специальные шоферские курсы при обществе спорта и техники GST и получил права с категориями от мопеда до автобуса. Утром они неспеша встали, позавтракали и поехали в Варшаву, куда должны были приехать к обеду. Дорога до Варшавы была такой же узкой и загруженной, как от границы до Бяло-Подляски. Сперва они ехали на Мендзыжец-Подляский, потом Седльце, Калужин, Минск-Мазовецкий, долго ехали по восточному берегу Вислы, по улице Мендзешинский Вал, оставили Прагу справа, по мосту переехали на западный берег и, проехав по Маршалковской улице, остановились около центрального железнодорожного вокзала.

Где-то в районе Сенной улицы Удо нашел студенческий хостел, где обычно они останавливались с друзьями. Надо сказать, Удо бывал в Варшаве достаточно часто. Нравилось то, что в Варшаве было гораздо дешевле отрываться. Это касалось как алкоголя и продуктов, так и обретения новых знакомств. Несмотря на то, что многие польские девушки были практикующими

католичками, что на удивление в Польской Народной Республике совершенно не запрещалось и даже не ограничивалось, найти подругу на ночь в Варшаве труда не составляло, особенно иностранцу. Поезд шел от Шверина до Берлина, потом получасовое ожидание, пересадка и следующий поезд вез уже до Варшавы. Визы были не нужны, достаточно показать на границе паспорт пограничникам, а сумку – таможенникам. Хостел находился недалеко от фрагмента стены, которая когда-то окружала Варшавское гетто. Страшно подумать, что немцы творили за этой стеной. Правда, Удо старался об этом и не думать.

Удо и Марго подъехали на машине к хостелу, забрали нужные вещи из салона и заселились. Так как по сравнению со вчерашней поездкой из Минска или позавчерашней из Москвы дорога до Варшавы была просто краткой прогулкой, Марго и Удо совершенно не устали и были полны сил пройти в Старый город.

Удо очень понравился автомобиль. Всю дорогу он восхищался его динамикой, легкой управляемостью, комфортом и тишиной в салоне. Очень понравилась и как звучит магнитола. Он говорил, что машина совершенно не хуже «Гольф-2» или «Опеля Кадет», «Рено» или «Фиат» и однозначно лучше «Полонеза» и «Варбурга». Единственная машина, которая могла бы дать ей фору, была новейшая Skoda Favorit, которая только появилась в продаже и была очень дорогой. Правда, она была на десять сантиметров длиннее, чем ВАЗ 2108, но слабее на десять лошадей: пятьдесят четыре против шестидесяти четырех лошадиных сил. При очень похожем дизайне было видно, что чешская машина сделана гораздо аккуратнее, панели подогнаны почти идеально, как на самых лучших европейских автомобилях этого класса. И это было неудивительно, так как машина целиком разработана в Италии, в ателье Бертоне из Турина. Гены «Фиата» или «Альфа-Ромео» было не спрятать. В этом отношении «Лада» уступала. Зато на ней стоял прекрасный современный мотор разработки Volkswagen, а Skoda довольствовалась старым чешским двигателем с нижним расположением коленвала.

Марго и Удо пошли в Старый город, на Рыночную площадь, к мемориалу Варшавского восстания. Во время войны от довоенной застройки остались только груды битого кирпича. Сперва дома горели и взрывались во время восстания, затем началось форсирование Вислы и взятие Варшавы советскими войсками. Немцы бились за каждый дом, за каждую грудку камней. Уже после войны этот район был восстановлен максимально правдоподобно, хотя в очень сокращенном варианте.

Марго сильно поразил мемориал восставшим. Десятки бронзовых фигур были разбросаны по улицам, кто-то стрелял из автомата, кто-то вылезал из канализационного люка, кто-то карабкался по развалинам. Но самая пронзительная фигура – это мальчик лет семи в огромной для его головы каске, огромных сапогах, из которых торчат тоненькие голые ножки, а в руках мальчишки огромный автомат. У Марго навернулись слезы. Удо нахмурился.

– Очень тяжело на это смотреть. Вспоминаются дети и у нас в СССР, и в Германии, которые шли воевать. У нас тоже были солдаты по 12-14 лет, специальный призыва Гитлера. Дети погибли, Германии и Гитлеру это не помогло.

Они гуляли по вечерней Варшаве, заходили в величественные костелы и соборы. Нашли очень уютный ресторан и поужинали там с пивом. Марго очень понравилось блюдо, название которого она не запомнила. Кочан капусты разрезан на круги примерно три сантиметра толщиной. На них положен свиной фарш с приправами таким гнездышком и запечен в духовке. За пять-десять минут до готовности в гнездо разбивается яйцо и сверху все посыпается тертым сыром. Марго показалось это очень вкусным.

После возвращения в хостел они опять долго и сладостно любили друг друга, потом заснули, встали и поехали в Берлин. Ехали не больше четырех часов. Дорога стала гораздо лучше: появилась вторая полоса в каждом направлении, а скорость поднялась до 90 км/час. Границу с польской стороны прошли за пять минут, а вот при въезде в ГДР пришлось задержаться – нужно было заполнить таможенные бумаги на ввоз в ГДР автомобиля с целью даль-

нейшей его регистрации в стране. Оформили и пошлину, которую их обязали заплатить до получения новых номеров. Наконец они выехали из пункта пограничного пропуска и уже через час с небольшим въехали в Нойенхаген.

Берлин ждал их. Марго много читала про столицу ГДР, в том числе не только в советской периодике, но и в периодике из ГДР. Сергей помогал доставать ей журналы и газеты из ФРГ и Австрии, где картина местной действительности представлялась совершенно не такой, как в советской прессе. Там были статьи про побеги из коммунистического немецкого рая, про погибших беглецов, их было около ста человек, про автоматические пулеметы, которые начинают стрелять, когда человек пересекает оптический луч. И всегда авторами таких статей поднимался простой вопрос: почему западная сторона не стреляет в тех, кто хочет уйти на восток из капиталистической тирании в социалистический рай равенства и справедливости? Хотя надо заметить, что в первые годы существования двух немецких государств в ГДР из ФРГ переселилось около полумиллиона человек – преимущественно те, кто воссоединялся с семьями или сочувствовал коммунистической идее. Был и обратный поток: примерно миллион немцев ушли на запад. Тем не менее, начиная с 1949 года, перешедших в ГДР западных немцев никогда не было менее 1300 человек в год. Но восточные немцы бежали из ГДР чаще и в больших количествах. Даже ввод в строй в 1961-м году Берлинской стены не смог полностью остановить перемещение немцев из Восточного Берлина в Западный. Люди прорывались через канализацию, тоннели метро, пикировали с крыш на самодельных дельтапланах, скатывались на тросовых переправах, просто пытались прыгать через колючую проволоку или таранить КПП на машинах. Марго читала, что Берлинская стена – это вовсе и не стена, а просто условное название сложнейшего комплекса пограничных сооружений, в которых было что-то похожее на двойную стену, заборы из колючей проволоки под напряжением, валы и рвы.

После того, как они устроились в гостинице, Удо повел Марго на экскурсию. Они посмотрели Бранденбургские ворота, дойдя до них по совершенно советской, эпической улице Унтер-ден-Линден, вернулись обратно, перешли канал Шпрее по Шлосбрюкке, он же Дворцовый мост, потом неспешно гуляли по улице Карла Либкнехта, по уже зеленеющему Люстгартену, покружили вокруг потрясающей красоты Берлинского собора, опять перешли канал Шпрее, но уже второй его рукав, обошли церковь Святой Марии, вышли на Александерплац, забрались на телевизионную башню, со смотровой площадки которой открывался потрясающий вид на оба Берлина. И было видно, насколько Восточный Берлин больше и современнее Западного. Удо показал Рейхстаг, находящийся с западной стороны Бранденбургских ворот.

У Удо в руках был фотоаппарат «Зенит», очень дорогая вещь, на которую он беспрестанно фотографировал Марго. Он уже отснял несколько цветных и черно-белых пленок. Марго позировала, принимала разные образы, дурачилась. Она тоже фотографировала Удо, а еще они просили мужчин посолиднее делать фотографии их двоих. Спустя многие годы Марго обожала листать эти старые альбомы с выцветшими цветными снимками – первые ее фотографии в ее новой стране.

Потом они повернули на Александерштрассе, Грунерштрассе, которая потом перетекла в Гертрауденштрассе, а та, в свою очередь, в Лейпцигерштрассе. Попутно они опять дважды пересекли канал. Где-то тут они впервые увидели стену и КПП – Чекпойнт Чарли. С одной стороны стояли советские и немецкие солдаты, с другой – американцы в белых касках с черными буквами МР и белых гетрах поверх ботинок, а заодно с ними стояли германские полицейские. На этом КПП пропускали людей, которые шли из Западного Берлина в Восточный. Чтобы попасть обратно в Западный Берлин, нужно было пользоваться другим КПП – Чекпойнт Браво. Марго узнала, что Западный Берлин не является частью ФРГ, у него отдельный статус; что четыре страны-победительницы не признают его землей Западной Германии, хотя та и провозгласила его своей частью. Что он со всех сторон окружен землями ГДР, но к нему проложена железная дорога, автомобильное шоссе и в нем есть аэропорт, и правительство ГДР разрешает

снабжение Западного Берлина тремя этими способами, а еще баржами по реке. Что Западные немцы могут ездить в Западный Берлин без виз, но съезжать с шоссе им запрещено. Что все это контролирует армия и пограничная стража ГДР. При этом население Западного Берлина составляло примерно два миллиона человек, которые где-то работали, получали зарплату в западных немецких марках, ели, пили, лечились, покупали товары, читали свои газеты, смотрели свое телевидение и слушали радио. В общем, существование Западного Берлина выглядело как абсурд, как результат демонстрации великими державами своих стальных и урановых яиц.

Марго и Удо несколько раз останавливались в пивных, ели сосиски с булочками и нежнейшей горчицей, вечером сходили в кафе и поужинали. Марго почувствовала, что накопленная за последние дни усталость начала проявляться все сильнее и сильнее. Она обняла мужа, поцеловала его и шепнула на ухо:

– Дорогой, я устала. Мы не последний раз в Берлине, сейчас я бы пошла в гостиницу, полежала в горячей воде с пеной, занялась бы с тобой любовью и заснула в твоих нежных и сильных руках.

Удо расцвел:

– Любовь моя, мое сокровище, меня просить об этом два раза не нужно, за это я всегда всеми тремя членами.

Он поднял руку, чтобы привлечь внимание таксистов. Через какое-то время подъехал окрашенный в цвет слоновой кости ВАЗ 2107 с шашечками на борту и желтой пластиковой светящейся инсталляцией на крыше. Машина была совсем новой, пахла заводом. Таксист включил счетчик. Минут через пятнадцать такси остановилась перед отелем, Удо отдал таксисту шесть марок, и молодожены, обнявшись, вошли в здание.

Утром после завтрака молодожены сели в машину. Удо изучил карту, проложил кратчайший маршрут и начал выбираться из города. На выезде он заправил машину, купил на АЗС кофе в бумажных стаканах и какие-то вафли в красивых обертках, облегчился, предложил сделать то же и супруге, предварительно отдав ей горсть алюминиевой мелочи для оплаты туалета, и после ее возвращения направил машину в сторону их дома.

До Шверина было двести километров, примерно три часа пути. Местами они проезжали живописные населенные пункты со стройными кирхами, увенчанными бронзовыми в патине куполами. Марго немного удивилась тому, что форма куполов напоминала луковки православных церквей. Везде господствовали черно-красный кирпич и черепица. Если в городках основным цветом стен был мышиный, грязно-серый, то в деревнях преобладал благородный старинный выщербленный кирпич.

Наконец они проехали Шверин практически насквозь и, уже почти выезжая из города с противоположенной от трассы стороны, Удо свернул в проулок, потом проехал по гравийной дорожке мимо маленького пруда со старыми плакучими ивами по берегу, запрудой и мостком и остановился около старинного дома с амбаром и конюшней, который в свою очередь тоже был перестроен в жилой дом.

– Ну вот мы и дома, родная. Я уверен, что ты полюбишь это место.

Они поцеловались. В доме заметили, что подъехала машина. Из дверей вышли родители, обе сестры с мужьями и тремя племянниками Удо. Удо и Марго вылезли из автомобиля и пошли знакомиться. Здоровались рукопожатиями – никаких поцелуев и объятий. Все произнесли необходимые и уместные в данной ситуации слова, мужья сестер и отец помогли быстро разгрузить машину и отнести вещи в амбар. Именно в нем предстояло жить Марго и Удо. Дом был небольшим, все в нем не помещались. Тогда отец Удо взял кредит и перестроил амбар, сделав из него полноценный и очень стильный жилой дом. Там было четыре комнаты, кухня-столовая и туалет с ванной. Конструкция амбара определила, что в комнатах будут очень высокие и покатые потолки, комнаты по углам, кухня-столовая в центре. С одной стороны был

выход из амбара, на другой стороне – вход в туалет и ванную комнату, размером примерно со спальню. На кухне стоял стол с восьмью стульями – простая кухонная мебель явно довоенного изготовления, правда, отремонтированная и заново покрашенная. Окон в кухне-столовой не было, только два окошка верхнего света в крыше. Двери в комнаты были расположены в центре кухни-столовой симметрично, друг напротив друга. Под крышей лежали мощные балки, на которых были смонтированы подвесные осветительные приборы.

Мама Отто открыла их комнату. Это был настоящий кукольный домик с огромной высокой кроватью, перинами, горками подушек, старинными стульями вразнобой, шкафом с венецианскими зеркалами, столиком на тонкой ножке, трюмо с зеркалом и сафьяновым пуфом. На окнах многослойные шторы с тюлем, ламбрекенами, какими-то причудливыми витым веревками из золотистой шелковой нити. Обои в цветочек, на стенах пейзажи, в горке разноцветное стекло, фарфор и мельхиор. В амбаре неуловимо пахло зерном и навозом, хотя животных и хлеб в нем не держали лет пятьдесят. Было очень мило все это видеть.

Показав комнату, мама Удо попросила не задерживаться, переодеться, помыть руки и приходить обедать. Удо и Марго надели домашнюю одежду, сходили в туалет и пошли в соседний дом. В доме было три спальни на двух этажах, кухня со столовой, два туалета, одна ванная, несколько кладовых и встроенных шкафов. Все выглядело очень прочным, старинным и совершенно аутентичным, немецким. Большой стол был накрыт на восемь человек. Детей за стол не позвали, они сидели на диване и во что-то играли. На столе стояли тарелки горками, разные бокалы, лежали столовые приборы, завернутые в салфетки. Ни закусок, ни каких-либо продуктов не было. Мама Удо пригласила всех садиться. Она пошла в кухонную зону и вернулась с подносом с тарелками, в которых в виде плотно спрессованных шайб лежал картофельный салат. Каждой порции полагалась еще пшеничная булочка. Все начали есть салат. Он был сытный – с вареной говядиной, домашним майонезом, обильно приправленный черным перцем, семенами укропа и тмина.

После салата фрау Нейман собрала тарелки, вместо них поставила глубокие суповые чаши, принесла супницу и наполнила их супом с клецками и тефтелями. Все молча ели суп. Когда тот был съеден, герр Нейман-старший предложил сделать перерыв и выйти в сад, выпить вина или пива и покурить. Все налили вино или пиво – кто что хотел и пошли в сад. Там стояли плетеные кресла и пара деревянных лавочек. Родители Удо начали расспрашивать про дорогу, удивляться огромным расстояниям, хвалить немецкий Марго, хвалить машину. Через некоторое время вопросы стали более личными. Родители просили рассказать о ее родителях, бабушках и дедушках, о том, где Марго училась, что она любит есть и вообще делать. Марго рассказывала максимально подробно, была мила и дружелюбна. Родителей расстроила история о смерти ее отца. Они долго ей соболезновали. Потом Марго рассказала про обоих погибших на войне дедушках: о том, как один сгорел в танке в бою на Курской дуге, а второй погиб в Польше, буквально уже на границе с Германией – во время налета его убило осколком бомбы. Нейманы рассказали о своих отцах – как они умерли во время войны. Было понятно, что эта тема вызывает, с одной стороны, жгучий интерес, а с другой, очень расстраивает.

Они вернулись в столовую, где на столе уже стояли тарелки с копчеными свиными щеками с картофельным пюре, тушеной маринованной капустой, белой и красной. Марго сказала, что обед просто великолепный, она благодарна за такой прием. Фрау Нейман улыбнулась и обещала, что еще будет очень вкусный десерт. После еще одного перекура и бокала вина был подан кофе и яблочный штрудель с мороженым и соленой карамелью. Десерт был просто великолепный. Есть его к ним присоединились дети. Им тоже было интересно поговорить с новым членом семьи. Марго рассказала, что она учитель немецкого языка и с большим удовольствием будет им помогать с изучением русского в школе.

После десерта отец Удо предложил поговорить о том, чем Марго может заняться. Он уже навел справки и даже выписал возможные вакансии. Прежде всего, Марго надо было начать

процедуру натурализации и смены гражданства и поменять автомобильные права. Она могла получить немецкое гражданство в течение трех лет, но уже сейчас ей должны были выдать вид на жительство и разрешение на работу. Еще он договорился со своим товарищем, что решит вопросы с бумагами Марго в самое короткое время. Она могла пойти переводчиком для обеспечения взаимодействия с советскими военными, устроиться учителем русского языка в школу или другое учебное заведение, где была вакансия. Правда, работать она могла бы только с первого сентября, а это почти через полгода. А еще она могла пойти в отдел фрау Нейман и работать в службе благоустройства. Деньги там были совсем небольшие, но это было бы хорошим стартом для ее трудовой деятельности в новой стране. Так что первый семейный совет в ее немецкой семье постановил, что Марго идет озеленять Шверин.

Родственники еще выпили, еще поболтали с родственниками и решили пройтись по городу. С ними пошли сестры Удо с мужьями. Правда, вся прогулка длилась ровно до первого пивного ресторана, где молодежь расслабилась и хорошенечко жажнула вкуснейшего, свежайшего пивка. Пришли домой, распевая народные песни. Сестры пошли спать в дом, а Удо и Марго ушли в амбар. В комнате было романтично и очень уютно. Матрас мягкий, тела утопали в перинах. В комнате было прохладно и немного сыро, так что перины отлично их согревали. После секса, когда Удо уже засопел, Марго, укутавшись в одеяло, подумала о том, что этой ночью закончился огромный этап ее жизни, закончился потрясающим приключением, знакомством с Удо, свадьбой и этой фантастической поездкой. Но с завтрашнего дня ей придется с самого нуля, с первого шага выстраивать свою жизнь в новой, чужой стране, в чужой семье, без друзей и без мамы. Она боялась этого и задыхалась от восторга от своей смелости. Наверное, в первый раз в жизни Марго поняла, что сейчас, кроме Бога, у нее никого нет. Она совершенно не умела молиться и по этой причине максимально простыми словами, но от всего трепещущего сердца попросила у Него помощи и защиты. Марго тихо заплакала, закрыла глаза, несколько раз зевнула и не заметила, как заснула.

Чужая

Пока Марго ждала документы, а длилось это примерно три недели, она была предоставлена практически сама себе. Все члены семьи рано утром уходили по своим делам: на работу, на службу и в школу. Возвращались вечером, зачастую очень уставшими. Один из мужей сестер Удо служил полицейским, второй работал машинистом электровоза. У обоих был ненормированный график, и оба сильно перерабатывали. Иногда кто-то из них днем был дома, но отсыпался после рейса или дежурства – особо не общаешься. Марго очень старалась помочь как могла: убиралась по дому, что-то пыталась готовить, хотя свекровь почти сразу предупредила, что в ее доме члены семьи едят только то, что приготовила она. Марго сконцентрировалась на племянниках Удо. Она встречала их из школы, гуляла с ними, кормила обедом, делала с ними уроки. Она устроила такой маленький класс в доме: все сидели в гостиной и по очереди отвечали свои задания. В дневниках у племянников моментально появились двойки и единицы не только по физкультуре. Марго занималась с ними и русским языком, так как у двоих детей он уже начался, а младшему только предстояло в следующем году. Уровень преподавания был очень низкий. Старший ребенок занимался уже два года, но совершенно ничего не мог сказать, очень плохо читал и знал совсем мало слов. Марго это напоминало, как учили немецкий язык в ее школе другие дети. Как-то вечером за столом мама двух старших школьников сердечно начала благодарить Марго, так как на родительском собрании ей сказали, что детей как будто подменили и если они не сбросят обороты, то легко станут лучшими в классе.

Еще через пару дней вторая сестра, жена машиниста, объявила, что беременна вторым. И это тоже была прекрасная новость, все радовались. Открыли бутылку вина. Сестра изобразила печаль, сказав, что теперь опять на год нужно бросить пить и курить. На это свекор заметил, что курить вообще женщинам не идет, что все курят только из-за войны, а вот бокал пива в день для плода очень полезен – и успокаивает, и питает. После войны пиво давали даже грудным

детям, а ему мама налиwała стакан, солила и разбивала туда сырое яйцо. Получалась такая энергетическая зарядка, когда есть в доме было нечего.

По выходным Удо и Марго уезжали на машине кататься по окрестностям. Удо складывал заднее сиденье, максимально придвигал к торпедо передние и укладывал туда матрац, одеяла и подушки, так что они кое-как, но могли спать. Это было очень романтично, тем более что с каждым днем становилось все теплее, поля и холмы были в разноцветных цветах. Марго отметила, что несмотря на то, что Шверин находится на севере Германии, погода тут гораздо мягче чем в центральной России, весна приходит на месяц, а то и полтора раньше, а лето, как ей сказали, длится до начала октября. Снег бывает, но ничего не заваливает, его даже не чистят – сам тает.

Очень нравились маленькие городки, в каждом было что-то особенное, какие-то старинные постройки, зажиточные крестьянские усадьбы и фермы, ратуши, красивые кирхи. Конечно, очень много домов сильно обветшали и даже были в аварийном состоянии, ожидая сноса или ремонта.

Городки побольше были застроены новыми домами гораздо в большей степени. Сказывались бомбовые удары при налетах союзной авиации, которая особенно под конец войны бомбила эти территории просто люто, делая так, чтобы в советскую зону оккупации попало как можно меньше целого и ценного. Удо понимал, что Марго очень тяжело привыкать к новому месту. Он понимал, что она уехала из мегаполиса в маленькую деревню, и никакие красоты сельских пейзажей не заменят городской суеты, если ты к ней привык с рождения. Марго не могла часто и долго разговаривать с Москвой – это было дорого. Она раз в неделю звонила маме и Юльке. Разговаривали где-то по полчаса. Получасовой разговор стоил около двадцати марок. Вроде не очень дорого, но в месяц это вылетало почти в двести марок, а зарплата, например, у свекрови была 750 марок в месяц. У сестер Удо – около тысячи, у Удо – 1200, у его свекра 1350, а больше всего получали полицейский (1700 марок) и машинист (1910 марок). Но великого достатка в доме не было, хотя нуждой это было назвать нельзя. Выручало то, что продукты покупались в складчину: все отдавали маме деньги пропорционально едокам, а та полностью ведала всеми вопросами питания семьи.

Причина напряженности с деньгами была в том, что все дети строили свои дома. Дальше по их улице было распродано заброшенное поле, и Удо с его зятями купили там участки и, как могли, строились. Выходило медленно, особенно у Удо. Если у зятьев уже были выведены стены, то у Удо был только фундамент и пара-тройка рядов известняковых блоков. Строиться из кирпича было очень дорого, решили сэкономить: строить из местного известняка под штукатурку и покраску. Мужчины помогали друг другу, переходя от дома к дому. Иногда нанимали рабочих, что без контракта сложно. Удо отстал, потому что занимался свадьбой, ездил в СССР и Польшу и вообще тратил в последнее время больше, чем обычно. Если бы Марго смогла зарабатывать хотя бы марок 600, то стройка бы пошла быстрее. Конечно, из родительского дома их не гнали, но жить по строгому уставу матери ни Удо, ни его сестры с мужьями уже просто не могли – в глазах знакомых это становилось уже неприличным, а совместное проживание четырех семейств страшно бесило многими ограничениями. Они часто ходили на стройку, иногда что-то делали сами, что-то с рабочими.

Удо думал о льготном кредите, но его давали только семейным. Вот теперь он мог за ним обратиться. План был в том, чтобы быстро построить все, что он не может сделать сам, силами нанятой артели, а потом все оборудование в доме устанавливать самостоятельно: проводить электричество, воду и отопление. Удо это умел и планировал хорошо экономить на сложных технических работах. Плюс зятья обещали заплатить ему за аналогичные работы в их домах.

Наконец свекор сказал Марго, что все ее документы готовы и их можно забрать в управе. Марго теперь могла сама ездить на машине и устроиться на работу. На следующий день она получила вид на жительство, немецкие права и пошла к свекрови, контора которой находилась

в соседнем здании. Они вместе зашли в отдел кадров, написали заявление, Марго подписала какие-то финансовые документы, сходила в Sparkasse (сберегательный банк ГДР) открыла там счет, положила на него 20 марок и вернулась с номером счета в отдел кадров. Утром следующего дня она могла приступить к работе, знакомиться с отделом, осваивать свои обязанности.

Работа начиналась в семь утра и заканчивалась в четыре часа вечера. Полчаса на обед и два пятнадцатиминутных перерыва на кофе. За опоздание на работу и с обеда могли сделать выговор и лишить премии или даже оштрафовать на десять процентов от зарплаты. За систематические нарушения сотрудников увольняли. Но немцам было привычно рано вставать, у них подняться в половине шестого утра не вызывало особого дискомфорта. Но ложились спать они строго до десяти часов.

Отдел благоустройства размещался в большой квадратной комнате с девятью письменными столами. Девятый стол был развернут к остальным, и за ним восседал начальник – господин лет сорока пяти, низкорослый, крепкого телосложения, со значительных размеров пивным животом и большой лысиной. Редкие волосы были аккуратно разложены по блестящей, желтоватого оттенка коже головы. Начальник был одет в полушерстяной костюм серо-бежевого цвета в крохотную коричневую крапинку. На пиджаке спортивного покроя были нашиты два накладных кармана без клапанов. Образ завершала бежевая рубашка и тонкий вязанный коричневый галстук.

Из восьми столов заняты были три. За одним сидела свекровь Марго – крупная пятидесятилетняя женщина в очках, одетая в строгий серый костюм, с пучком седеющих русых волос, персикового цвета блузе с отложным воротником. Марго обратила внимание, что дома свекровь была совершенно другим человеком: спокойным, отстраненным и холодным. Но в офисе она была очень улыбчивой, располагающей к себе дамой.

За соседними столами сидели еще две женщины бальзаковского возраста. Одна высокая и худая с узким вытянутым лицом, на котором красовался крупный с горбинкой нос, тонкие губы и достаточно большого размера серые глаза. Осветленные волосы были подстрижены очень коротко. Вторая женщина была ниже ростом, но тоже худая, можно сказать, очень худая, темноволосая и кареглазая. Острые черты лица напоминали куницу, стрижка Видал Сессон, как у Мерей Матье (ее еще называли стрижка маленького пажа), делала ее похожей на мальчика подростка.

Марго поздоровалась с начальником и коллегами. Свекровь поднялась из-за стола и обратилась к коллегам:

– Коллеги, это Маргарита, жена моего сына Отто, она русская, из Москвы. Сын недавно женился, и Марго переехала в нашу страну вместе с ним строить семью. Вы знаете, что у нас огромный дефицит кадров, уже сколько времени мы не можем найти людей. А вот Маргарита как раз тот самый человек, который готов у нас работать. Коллеги, она очень просит называть ее Марго. Я думаю, это не будет для нас сложным. Марго станет заниматься обработкой отчетов, организовывать и вести планерки с руководителями досуговых учреждений, иногда выезжать вместе с нами на проверки.

Марго поблагодарила свекровь за представление.

– Уважаемые коллеги я очень рада работать в вашем дружном коллективе и рада, что смогу помочь прекрасному городу Шверину становится еще зеленее и прекраснее.

Коллеги закивали. Слово взял начальник:

– Маргарита, Марго, я рад, что вы пришли нам на помощь. Работы много, а нас очень мало. Вам придется очень быстро погрузиться в специфику деятельности нашего отдела. И еще я очень рад, что у вас такой замечательный немецкий язык. Я ни разу не встречал тут иностранцев, которые бы так чисто и грамотно говорили. Я считаю, это совершенно замечательно. Еще у нас много общения с советскими военными, так как их техника, как бы это сказать так-

тичнее, часто наносит урон нашим зеленым насаждениям. Я думаю, то, что русский для вас родной язык, поможет нам укрепить с ними контакты и решать проблемы быстрее и проще.

Затем он подвел Марго к большей карте города, на которой были отмечены все их объекты, помеченные номерами. Рядом стоял шкаф, в котором были папки с документами тоже с номерами.

– Вам нужно будет взять папки и внимательно изучить все вопросы, которые мы ведем по нашим объектам. Там же вы прочитаете о самих объектах, парках, площадках, местах проведения общественных мероприятий, памятниках, мемориалах, фонтанах, галереях, музеях, концертных площадках и подобном.

Марго поблагодарила начальника, попросила коллег ей помогать и начала изучать документы.

Так начался ее первый рабочий день в ГДР, первый из череды рутинных рабочих дней. Работа не была сложной, Марго прекрасно с ней справлялась. И она уже начала ощущать себя вполне способной подниматься по карьерной лестнице.

Началось лето – жаркое, цветущее и благоухающее. Марго втягивалась в новую жизнь, хотя, конечно, очень скучала по дому и оставшимся в Москве близким. Общаясь с новыми родственниками и коллегами, играя с детьми, знакомясь с друзьями мужа, гуляя с ним по окрестностям города, катаясь на старинных велосипедах по местным фермам, совершая вылазки к морю на машине, Марго не могла знать, что очень скоро в их жизни произойдет потрясение огромной силы. Что в течение нескольких недель привычная налаженная жизнь полностью разламается, разлетится в брызги разбившегося стекла; все, чем десятилетия жили окружающие ее люди, исчезнет или переродится в свою противоположность; что они в одночасье потеряют все, что сберегали, зарабатывали, считали базисом своей жизни, фундаментом их будущего.

Москва на проводе

В то время, пока Марго с большим желанием, но и с большими трудностями пыталась встроиться в новую жизнь, в Москве дела шли своим чередом. Сергей и Инесса готовились к свадьбе, а Юлька выхаживала покалеченного Улика. Свадьба была назначена на конец июня, потом отдых в Болгарии на Золотых Песках, потом поездка за границу в качестве секретаря - референта посольства. Круг вопросов понятен: выдача виз, работа с бумагами, изучение прессы, составление отчетов, выполнение некоторых поручений разведчиков, например, закладка тайников для агентов либо слежка. При такой работе ты становишься первым кандидатом на высылку. В странах, не являющихся сателлитами Москвы, могут и арестовать. Вражеские спецслужбы будут склонять к измене, вербовать. При таком раскладе можно попасть в контригру, темную или светлую. Короче, дипломаты ехали не просто гулять по заграничным улицам, покупать фирменные шмотки и вообще дышать запахом свободы и демократии. Этот запах мог легко превратиться в запах параши в камере.

Но сейчас все мысли были о церемонии. Уже было пошито платье, куплены туфли, заказан ресторан. Роспись должна была состояться в Грибоедовском ЗАГСе, а празднование – в ресторане «Центральный» (когда-то знаменитая «Астория» на Тверской). Все гости, человек тридцать-сорок, были нужными людьми. Списками занимались матери брачующихся. Преимущественно это были люди из МИДа и газеты «Правда», кое-кто из горкома и исполкома, генерал КГБ – куда же без генерала, еще несколько молчаливых мужчин в строгих костюмах, о работе которых говорить было не принято. По линии невесты на свадьбе планировалась еще парочка очень известных московских евреев, друзей отца: выдающийся хирург и очень известный певец – тот, который пел патриотические песни и носил парик. Из друзей самих молодоженов никого не пригласили – не для этого тратятся тысячи рублей. Конечно, Ольгерда это не касалось, Андрей и Элеонора относились к нему, как к собственному сыну, а значит, позвали и Юльку, которую считали его постоянной «спутницей».

Когда Марго и Юлька появились в жизни Сергея и Ольгерда, Элеонора провела с Уликом долгую беседу, чтобы убедиться, что между ним и Юлькой серьезных отношений нет. От его концепции отношений с Юлькой, которая заключалась в фразе «только секс, без обязательств и последствий», Элеонора осталась в полном восторге.

Ольгерд в это время пытался начать полноценно ходить. Он сильно хромал, одна нога стала немного короче другой, двигаться было очень больно. Улик уже оставил костыли и теперь ходил с тростью, но к ботинку пришлось приклеивать резиновые набойки, чтобы выровнять таз. Боли были такими сильными, особенно когда менялась погода, что Улик заглушал их анальгетиками, запивая крепким алкоголем. Его доходы резко сократились, он потерял мобильность, машина ушла под пресс, а новую он еще не купил. Иногда его возила Юлька, иногда он брал ее Opel. Наконец Ольгерду достался Nissan Maxima 1983 года выпуска с «автоматом», велюровым салоном, кондиционером, магнитолой и полным электропакетом, включая проекцию скорости на лобовое стекло. Машина была серо-голубого цвета, в американском угловатом стиле с прямыми стойками крыши, высоким, коротко обрубленным багажником, массивной решеткой радиатора и четырьмя квадратными фарами в хромированных окантовках. Ее купили через ГлавУпДК у уезжающего сотрудника какого-то арабского посольства. Машина пробежала не более пятидесяти тысяч километров, считай обкатка. Наличие «автомата» было просто необходимо – сломанные руки и ноги не давали Улику спокойно пользоваться механикой. На машину часть денег дали его родители, часть он доложил сам из заначки, которую хранил на черный день.

Надо сказать, что за время лечения Ольгерд сильно похудел, стальные мышцы ослабли, он начал сутулиться. Юлька все время заставляла его гулять, ходить на лечебную физкультуру, реабилитацию и физиотерапию. Периодами становилось лучше, но стать бывшим Ольгердом он уже не мог. Вероятно, изменились отношения с его кураторами из «конторы», а значит, и поток денег. Это хорошо чувствовала на себе Юлька, так как количество работы у нее сильно сократилось.

В стране бушевала перестройка. В Москву приезжало все больше иностранцев, туристов и бизнесменов, а значит, увеличивалась и клиентская база. Проблема была в том, что Юлька вообще не говорила ни на одном иностранном языке. Она решила учить английский. Пошла на языковые курсы, наняла преподавателя, при каждой возможности пыталась учить слова на карточках, делала какие-то домашние задания. Язык давался ей очень тяжело. Юлька не имела никаких способностей к языкам, у нее не было музыкального слуха, который очень способствует изучению иностранного языка, у Юльки была посредственная память и ленивый до обучения ум. С другой стороны, ситуация заставляла стараться, грызть этот гранит науки. Почти каждый день она плакала над учебниками, ругалась с репетитором, все время порывалась бросить курсы, страдала, но стойко продолжала учить этот ненавистный ей язык.

Все поменялось в день, когда в баре в «Интуристе» к ней подсел небольшого роста американец лет тридцати. Он не выглядел как те богатые иностранцы, которые обычно сидели в таких барах. Это был обычный молодой мужчина из рабочего класса, одетый в неоновые потертые джинсы, мятую клетчатую рубашку, застиранную футболку, разношенные кроссовки с развязанными и заправленными внутрь шнурками, обутые на босу ногу. Светлые, торчащие ежиком волосы, усыпанное веснушками лицо, квадратная челюсть, белозубая приклеенная улыбка, колкие светло-голубые глаза, хитрый прищур. Мужчина показал на стул рядом:

– Привет! Можно сесть?

Юлька кивнула. Все равно других клиентов у нее не было.

– Джонатан, – американец коснулся пальцами груди.

– Джулия, – без особой эмоции ответила Юля.

Американец начал что-то быстро говорить. Юлька сделала жест рукой:

– Я не понимаю, я не говорю на английском языке.

Обычно в такие моменты в разговор вступал Улик, шутил, угощал иностранца выпивкой, иногда представлялся югославом, иногда финном, переходил с языка на язык. Литовский он выдавал за финский или шведский, который у него получался лучше всего посредством вкрапления немецких слов. Говорил, что работает в Москве в торговом представительстве, что немного выучил русский язык, так, на бытовом уровне. Англоговорящие искренне верили ему – слишком непохож на советского человека был этот парень. Потом он говорил, что познакомился тут с этой шлюхой, которая не знает языка. Он, когда ему самому не нужно, а они случайно встречаются в баре, помогает ей общаться с «белыми людьми». Конечно, это тупая советская телка, но зато она божественно сосет и трахается, куда попросишь. Потом он начал расспрашивать, чем иностранец занимается, что делает в России. Если иностранец начал интересоваться Юлькой на предмет конкретных услуг, то Улик разыгрывал переговоры с девушкой о цене, иногда даже уговаривал ее немного уступить. Потом иностранец с Юлькой уходили в номер. Улик всегда просил ее ставить сумочку рядом с кроватью, максимально близко. Юлька догадывалась, что в сумке есть записывающее устройство. Бывали случаи, когда после таких вечеров Улик без объяснений давал Юльке солидные суммы денег, иногда в валюте. Еще он требовал, чтобы Юлька постоянно ходила к врачам, гинекологу и венерологу, проверяла здоровье, сдавала анализы. Но сейчас Улика рядом не было.

– Джулия, но хоть немного ты говоришь? – Джонатан сказал по-русски. – Мало, мало.

– Да, мало, очень мало. Я есть учу, но говорить нет, мочь нет.

Джонатан показал большой палец: очень хорошо, главное, что ты пытаешься.

– А что ты тут делаешь?

Так как американец не показался Юльке платежеспособным пассажиром, она решила от него отделаться:

– 150 долларов час. Я делаю секс. Если денег нет, не тратить время будем.

Американец улыбнулся, достал из кармана джинсов толстую, перетянутую красной резинкой пачку зеленых купюр.

– Деньги не проблема.

Юлька с удивлением еще раз с ног до головы оглядела Джонатана.

– Ты не смотришь как богатый. Большое удивление. Что делаешь в Москве?

Джонатан спросил Юльку:

– Виски-кола или джин-тоник? Что будешь пить?

– Ром-кола со льдом и лаймом, – без раздумий ответила она.

– Уф, хороший выбор.

Джонатан позвал официанта и сделал заказ.

– Я тут приехал по работе. Слышала о такой сети отелей, как Radisson? Вот мы, наверное, начнем строить свой отель в Москве.

Юлька поняла только общий смысл.

– Ты строить гостиница в Москва, так? Ты инженер? – Юлька изобразила рукой движение подъемного крана.

– Нет, я менеджер. Буду работать боссом.

– Босс – это очень хорошо. Ок, ты будешь делать секс? – Юлька постучала длинным красным ногтем по циферблату его часов. – Бизнес, мой друг, время есть деньги.

Джонатан опять заулыбался.

– Ок, я готов.

Он подозвал официанта и расплатился. Они пошли к выходу. Юлька остановила его:

– Куда? Ты жить не тут?

– Нет, я живу напротив, – Джонатан показал жестом дугу через Тверскую улицу. – У меня квартира, понимаешь? Квартира в этом доме. Мне снимают квартиру. Ты понимаешь?

Юлька закивала головой.

– Да, квартира, дом, идти.

Они перешли на другую сторону Тверской, прошли в подворотню, подошли к подъезду. Джонатан нажал кнопку вызова домофона и сказал по-русски:

– Джонатан, Америка, квартира 53.

Дверь щелкнула. Джонатан быстро прошел в дверь и встал спиной к окошку консьержа. Юлька нырнула за ним, тоже отвернувшись от окошка.

– Там старая леди из КГБ сидит. Сказал Джонатан понизив голос.

– Я ее знать, тут я был. Все Ок. С безразличной улыбкой ответила Юлька.

Они сели в старый скрипучий лифт с механической сетчатой дверью. Дверь отвратительно лязгнула.

– Фу, прямо как в Нью Йорке, там много таких лифтов.

Юлька опять была не уверена, что поняла Джонатана.

– Элеватор старый, дверь бух громко. Плохо.

– Ну вот, Джулия, все ты хорошо понимаешь. Молодец, хорошая девочка.

Они вошли в квартиру. Джонатан показал на вереницу бутылок в баре: что хочешь? Юлька показала на бутылку «Бейлиса».

– Лед есть?

– Конечно. Как у американца не будет льда?

Джонатан открыл крышку термоса для льда, блестящим совочком подцепил кубики и наполнил ими стаканы. Затем налил в один стакан «Бейлис», в другой виски.

– Салют, за нас.

Они выпили.

– Так, прости, где есть ванна?

Джонатан подошел к шкафу, достал полиэтиленовой запечатанный пакет, в котором лежали халат, два полотенца, тапочки, гель для душа, шампунь и зубная щетка с маленьким тюбиком зубной пасты. На пакете красивыми синими буквами было написано Radisson.

– Вот, бери в ванную.

Юлька взяла пакет. Она три раза показала открытую ладонь – ждать пятнадцать минут. Она ушла в ванную, разделась, встала в ванну, включила воду. В зеркале отражалось ее потрясающее тело: роскошная упругая грудь с темными, хорошо выраженными сосками, стройные ноги, плоский живот, выбритая интимная зона с маленьким игривым треугольником волос на лобке. Кожа была матовая, чистая – ни родинок, ни прыщей. Юлька думала: «Да, красивая же я баба, сама себя хочу, а сейчас этот техасский хореk будет меня трахать за вонючие 150 баксов». «Хотя, что ее беречь – из нее же ссать, – мысленно процитировала саму себя Юлька. – Он не самый противный из тех, кто меня имел. Можно сказать, даже милый, правда, маленький, не дал Бог роста». Она домылась, вытерлась, накинула халат и вышла из ванны. Джонатан стоял в трусах рядом с огромным магнитофоном, настраивал звук. Трусы были ему почти по колено, на широкой резинке. На красном фоне напечатаны Mickey Mouse и Minnie Mouse в разных позах.

Юлька улыбнулась.

– Смешно, – она показала на трусы.

– Джулия, я тоже на минутку в ванную. Бери свой стакан, ложись, отдыхай.

Джонатан скрылся в ванной. Юлька легла на кровать и стала медленно смаковать напиток. Играл Майкл Джексон, кажется, «Билли Джин». К концу песни Джонатан уже стоял перед ней совершенно голый. Юлька обвела его взглядом. При маленьком росте Джонатан был обладателем прекрасной фигуры, очень пропорциональной, хорошо развитой занятиями в тренажерном зале. Но больше всего ее поразил его член. Особенно в сравнении с ростом, он был просто огромным. Возможно, Юлька имела дела с такими размерами, но то были огромные мужики под два метра ростом.

– Я тут, малышка Джулия.

Он по-кошачьи мягко прыгнул в кровать. Юлькин халат улетел на пол. Начался долгий и жесткий секс. Юлька несколько раз меняла презервативы. Джонатан был стойким бойцом. Она уже забыла про время. Ее заводил процесс, как давно этого не было в ее жизни. Наконец и Джонатан выдохся.

– Ну вот, наверное, это все, – он со стоном лег на спину.

Взмокшая Юлька, не говоря ни слова, встала и пошла в ванную. После душа она вернулась, достала сигареты, взяла пепельницу и с удовольствием затянулась. Джонатан жестом попросил тоже прикурить ему сигарету. Они лежали, курили и молчали. Потом Юлька поцеловала его несколько раз по всему телу, чмокнула в член и потом в губы.

– Это было очень супер. Ты делаешь очень хороший секс. Хороший мальчик.

– Ну а ты плохая, грязная девочка, – Джонатан тоже покрыл ее тело поцелуями.

– Я не грязный, я чистый, – Юлька погрозила ему пальцем. – Время, я иди.

Она начала одеваться. Джонатан поднялся, вытащил из пачки три бумажки, потом подумал и вытащил еще две. Взял со стола визитку.

– Вот деньги и моя визитка. Я буду рад, если ты позвонишь. Мне иногда бывает очень одиноко в этом городе. А ты можешь дать мне свой телефон.

Джонатан с видом просящего еду кота протянул ей блокнот и ручку. Юлька написала номер и свое имя. Они поцеловались.

– Я буду звонить.

Юлька вышла из квартиры. Через некоторое время она уже была дома у Улика, рассказывала про прошедший день, про удивительного пиндоса, который дал ей пятьсот баксов. Она достала деньги и увидела визитку.

– Вот, зовут его Джонатан.

Она протянула Улику визитку. Тот посмотрел на картонку, и его лицо изменилось.

– Стоп. Что он сказал? Что он сказал?

– Я же не понимаю всего. Вроде бы, что они строят тут гостиницу, он не строитель, а босс.

– Юль, ты понимаешь, что это значит?

– Нет, – искренне ответила Юлька.

– Юля, это значит, что Ольгерд возвращается, что он опять в деле.

Улик взял с тумбочки трубку, набрал номер и стал ждать. В трубке ответили. Юлька слушала разговор Улика и Джонатана, не понимая даже минимальной сути разговора, только разбирала часто повторяющиеся слова «деньги», «помощь», «отель», «Москва», «Джулия». Улик что-то записывал на листах бумаги на тумбочке: цифры, слова, что-то рисовал. Минут через сорок он попрощался и нажал на трубке отбой.

– Мы завтра едем к твоему Джонатану. Я буду строить первый американский сетевой отель в Москве. Юлька, у тебя волшебная дырка, из нее валятся деньги.

Улик сгреб Юльку в охапку и расцеловал.

Утром следующего дня «Максимка» Улика остановилась у Совинцентра на Краснопресненской набережной. Из нее вылез сам Улик, одетый в строгий деловой костюм-тройку и прижимающий к боку кожаную папку, и Юлька, тоже одетая в строгий деловой костюм: узкая юбка чуть выше колена, пиджак и белоснежная блуза простого покроя. Туфли-лодочки, черные колготки, минимум косметики, волосы собраны в тугий пучок. Улик опирался на черную трость, совершенно обычную, купленную в магазине медицинской техники на улице Вавилова. Свою повседневную трость с орлами, черепами и прочей красотой он предусмотрительно оставил дома.

Пара прошла в фойе, подошла к окну бюро пропусков, показала паспорта. Им выдали пропуск, и они пошли через охрану к лифтам. Лифт поднял их на 12-й этаж, где в одной-единственной комнатке располагался офис компании Radisson в СССР. Улик постучался. Дверь открыл Джонатан. На нем были серые брюки, синий двубортный блейзер с золо-

тыми пуговицами с причудливыми гербами, рубашка в толстые полосы красного и белого цветов. Джонатан широким жестом пригласил посетителей войти в кабинет. Они прошли в комнату и пожали руки.

Ольгерд начал беседу на своем безукоризненном английском.

– Джонатан, сэр, я хочу быть максимально конкретным и точным. Вчера вечером мы обсудили ваши планы и задачи. Сейчас я пришел рассказать, что надо делать, чтобы они были исполнены. Джулию вы уже знаете. Надеюсь, вы продолжите общение.

Джонатан смотрел на Юльку и не мог поверить, что перед ним стоит вчерашняя путана, которую он несколько часов трахал у себя в квартире и дал ей 500 долларов.

Он протянул ей руку:

– Очень рад видеть вас опять, Джулия.

Юлька пожала его руку и ответила фразой из учебника:

– Мне тоже, как вы, как у вас дела?

– У меня все просто отлично.

Джонатан пригласил их сесть за стол и предложил лимонады.

– Мне Coca-Cola, если можно, со льдом. И ей тоже.

Юлька кивнула.

– Итак, Джонатан. Честно говоря, совершенно не важно, сколько мне лет, важно кто мой отец и какие связи у него есть. Вы тут уже полгода и так ни одной серьезной встречи не провели. Какие-то референты, какие-то секретари. Бутылка «Амаретто» или блок сигарет секретарше – этого очень мало, это так, увы, не работает. Вас будут мариновать месяцы, пока вы сами не найдете нужных людей. Если я не ошибаюсь, у вас в стране это называется лоббизм. Ну так вот, я лоббист ваших интересов, если, конечно, мы договоримся. Вам нужны прямые контакты, вам нужно общаться с первым секретарем московского городского комитета КПСС. Это по-вашему – губернатор. Наш президент, его превосходительство Михаил Горбачев, снял и отправил на пенсию прежнего первого секретаря, а вместо него назначили Юрия Скрябина. Человек он тут далеко не новый и, говорят, очень понимающий и разумный. Я думаю, и на него мы быстро выйдем. Но нужны некоторые предварительные действия. У меня есть пошаговый план, который может осуществиться уже в эти выходные. Но для этого все-таки нужно, чтобы мы начали партнерство.

Джонатан своим хитрым прищуром внимательно смотрел на Ольгерд.

– Ольгерд, мне очень интересно то, что ты говоришь, но я бы хотел быстрее понять, как ты это себе видишь.

– Я вижу это так. Ты нанимаешь меня на работу в представительство на должность своего заместителя, директора по развитию и работе с органами власти страны пребывания, или как там это у вас называется. Эту девушку ты тоже нанимаешь на должность референта и советника по вопросам, ну скажем, интеграции. Мы получаем достойную оплату. Плюс Джулия будет решать деликатные вопросы, которые она решает лучше всех. И еще положительная сторона в том, что она всегда будет рядом с нами, а точнее с вами. Мне кажется, вчера вы этого хотели. Так, чтобы это все не выглядело, как бычье дерьмо, я хочу показать кое-какие фотографии.

Ольгерд растегнул молнию на папке и достал пачку фотографий. Вот это моя семья, я тут, конечно, помладше, но узнать меня можно. А вот мой отец с интересными людьми: сам Горбачев, члены ЦК КПСС, прошлый мэр Москвы, министр иностранных дел, премьер-министр СССР, а это руководитель Госплана. Так что, кажется, я реально могу быть полезен. Можете проверить эту информацию у ребят из ЦРУ в вашем посольстве. Думаю, они все это подтвердят очень быстро.

Джонатан сильно изменился в лице. Он перестал хитро улыбаться и стал смотреть прямо в глаза Ольгерду пронизывающим взглядом. На этот взгляд он получил точно такой-же пронзающий ответный взгляд.

– Это очень интересно, очень интересно. Скажу честно: когда вы пришли, я думал, речь пойдет о чем-то другом, скажем так, не совсем приличном. О шантаже, например, но теперь я вижу, что мне повезло встретиться вчера с Джулией.

– Вы думали, я буду выступать в роли сутенера или шантажиста? Да, иногда я это делаю. Я знаю Джулию несколько лет, она большой профессионал. Да, большим умом она не блещет, но его у нее вполне достаточно, чтобы четко понимать, что ей нужно сделать. Плюс мы сотрудничали с некоторыми людьми, из определенных структур, которые нам очень помогали. Но после аварии – в этом году я попал в очень серьезную аварию, во мне больше килограмма медицинской стали и титана, нет ни одной кости в руках и ногах, которые не были бы сломаны или раздроблены – уровень нашего взаимодействия несколько снизился по причинам моего здоровья.

Улик вытащил из папки фото своей «Волги» после аварии. Джонатан недоверчиво на него посмотрел:

– Это же невозможно, чтобы кто-то мог выжить в этом месиве.

– Да, мистер, кажется, что это невозможно, но я выжил, а значит я могу делать невозможное возможным. Все начнется в субботу. Мы пойдем на свадьбу к сыну первого замминистра иностранных дел и дочери заместителя главного редактора газеты «Правда». Там будет много важного народа. Я так устрою, чтобы вас посадили недалеко от жениха, рядом с правильными людьми. Я тоже там сяду. Вам нужно будет сделать очень большой подарок молодоженам. Ну скажем, две тысячи долларов. Но нужно взять эти деньги, поменять мелкими купюрами, скажем, по десять долларов, сложить в одну пачку, а с двух сторон положить купюры по сто долларов. Мы называем это куклой. Как я предполагаю, получится пачка купюр денег толщиной в два сантиметра североамериканских денег, это, кажется, почти дюйм. Очень хорошо, что у вас купюры всех номиналов одного размера. Будет момент, когда гости начнут дарить деньги молодоженам. Нужно, чтобы все увидели размер пачки. Ну а после того, как мы произведем первое впечатление, начнем налаживать контакты с людьми из московского комитета партии. Думаю, если все пройдет успешно, мы попадем в правильный кабинет еще до конца дня среды. Параллельно я подключу отца, который зайдет через свои каналы и тоже придвинет встречу. Конечно, я хочу опять повторить, что все это будет возможным, если мы договорились о нашем трудоустройстве.

Джонатан помассировал виски пальцами.

– По правилам нашей компании, мы не покупаем бизнес, я не смогу давать взятки вашим чиновникам.

– Конечно, да и никто взятки брать не станет. Все будет решаться через подряды на строительство, аренду земли, устройство родственников на работу, через пожертвования и участие в разных конференциях, выставках и т.п. Это большая работа. Очень большая и серьезная работа. Без нее тут ничего не будет сделано.

– Ок, я все понял, завтра к вечеру дам ответ. Вопрос: откуда ты так хорошо знаешь бизнес?

– Я окончил Институт управления. Это единственная бизнес-школа в СССР.

– Да, еще вопрос. Ты понимаешь, что я заинтересовался Джулией. Как ты будешь на это реагировать?

– На то, что ты будешь ее периодически трахать? Я точно не буду возражать. Правда, ты должен понимать, что и я буду ее периодически иметь. Но обещаю, что прекращу это делать, как только ты решишь на ней жениться.

Джонатан рассмеялся:

– Этого точно не случится – я женат, у меня двое детей и скоро родится третий. Жена дома в США, пока перевозить ее в Москву я не собираюсь. Такая девушка, как Джулия, очень бы помогла мне в этом периоде моей жизни.

– Она поможет, когда скажешь. Вот мой телефон, жду звонка завтра. Не уппусти шанс войти в историю и хорошо заработать. СССР открывается, кажется, тут скоро будет новый Клондайк. Не хочется, чтобы что-то прошло мимо.

– Скажи, пожалуйста, Джулии, что я бы хотел с ней сегодня пообедать, если она не возражает.

Улик посмотрел на часы.

– Для обеда рановато, а вот для ланча самое время.

Улик сказал Юльке, что Джонатан хочет с ней пообедать прямо сейчас.

– А я думаю, он просто хочет тебя трахнуть тут. Видно, твой наряд его потряс.

Улик поцеловал Юльку в щеку и, взяв папку и трость, вышел из офиса. Юлька осталась стоять посреди комнаты.

– Да, как плохо, что ты не говоришь по-английски так, как говорит твой друг. Очень бы хотелось узнать побольше о тебе. Надо будет организовать тебе интенсивное обучение в США. За два месяца люди начинают говорить вполне сносно.

Юля посмотрела на Джонатана:

– Я ничего не понимаю.

Джонатан приблизился к Юльке, жарко поцеловал ее в губы и стал снимать с нее одежду. Ланч начался.

Ответ от Джонатана пришел на следующий день в обед. Улику предлагалось стать исполнительным директором по развитию с зарплатой в 2100 долларов в месяц в конверте, а Юльке – менеджером по работе с ключевыми партнерами за тысячу зеленых. Но было еще необходимо формально устроиться в ГлавУпДК. Улик, недолго раздумывая, предложил оформить их на полставки завхозом и уборщицей в офис компании с зарплатой в 60 и 30 рублей в месяц соответственно. На этом и ударили по рукам.

Затем они начали готовиться к субботе. Улик придумал и рассказал Джонатану легенду его появления на свадьбе, обрисовал костюм, в котором тот должен там появиться. С одеждой вышла проблема. У Джонатана просто не было подходящей одежды для подобного мероприятия. Песочного цвета хлопковые слаксы и двубортный синий блейзер не подходили. Нужно было ехать в «Березку» за костюмом. Купить костюм Джонатану Улик поручил Юльке. Они сели в машину американца и поехали в «Березку» на Большой Грузинской улице.

Костюмов было не очень много, пять-шесть моделей. Выбрали классический шерстяной костюм на трех пуговицах очень глубокого синего цвета австрийской фирмы LICONA, белую рубашку фирмы OLYMP, черные туфли Clarks со шнурками и на кожаной подошве и строгий бордовый в белую точку галстук английской фирмы Burberry. В комплекте к галстуку шли носки и носовой платок. Костюм был красивый, но требовал подгонки по росту. При магазине было ателье. Но заказ брали на вторник следующей недели. Юля решила, что нужно ехать к ее знакомой портнихе. Через полтора часа костюм был подрублен (штанины, рукава) и чуть обузжен в талии. Джонатан преобразился. В европейском костюме он выглядел солиднее и состоятельнее. Юля внимательно оглядела американца, показала ему жестом, чтобы тот покрутился, довольно кивнула головой и показала пальцами ножницы, чик-чик.

Следующие два часа они провели в салоне-парикмахерской «Чародейка» на Новом Арбате. К женским мастерам запись была на месяц вперед, а вот к мужским попасть было можно день в день. Естественно, с переплатой. Мастер, армянин средних лет, несколько минут молча смотрел на голову Джонатана, трогал его волосы, расчесывал их алюминиевой расческой с длинной тонкой ручкой. Потом он повернулся к Юльке и с забавным акцентом сказал:

– Где этот человек стрижется, я маму тех людей топтал, что мне теперь делать с этими перьями?!

– Вероятно, где-то в Нью Йорке.

– Американец. Скажи ему, дочка, что у меня на Брайтон-Бич живет двоюродный брат. Он женился на еврейке, и они через Израиль уехали в Нью Йорк. У него мастерская там своя, так уж пусть этот человек ходит к моему брату.

Юлька попыталась перевести:

– Голова очень плохо, человек расстроен, что плохо был чик-чик. Брат в Нью Йорк чик-чик. Он говорит, чтобы ты ходить к его брату.

Парикмахер достал бумажку, на которой корявыми английскими буквами был написан адрес. Он дал ее Юльке:

– На, запиши, дочка.

Юлька записала адрес и телефон американского парикмахера в записную книжку. Мастер еще раз грустно посмотрел на голову Джонатана, взял в руку пульверизатор с ароматной розовой жидкостью, обильно смочил ей волосы американца и начал стричь. Он стриг прямыми ножницами, потом филировал, сбрасывал машинкой, что-то ровнял опасной бритвой, потом сушил голову феном и прыскал лаком.

– Тут ничего особого не сделать, волосы я ему отрастить не могу.

Мастер снял с плеч Джонатана простыню, убрал бритвой последние огрехи, волосинки на ушах и поднес большое круглое зеркало к затылку. Стрижка получилось простой, но очень аккуратной, в армейском стиле: коротко по бокам и на затылке и чуть длиннее на макушке, с небольшим чубом, зачесанным вперед.

Джонатан поднял большой палец вверх:

– Хорошая работа, спасибо.

Они расплатились и вышли из салона. Стрижка стоила пять рублей и еще три рубля сверху. Это было очень дорого. В обычной парикмахерской постригли бы за рубль, максимум за полтора. Юля показала на часы.

– Офис или дом?

Джонатан улыбнулся.

– Дом, мой дом.

Юлька скорчила гримасу и посмотрела не него исподлобья:

– Ок, одна сотня долларов за час секс. Хорошо?

Джонатан опять улыбнулся:

– Ок, конечно, это же сверхурочная работа.

Юля не поняла про работу, ей было достаточно услышать Ок. По дороге они заехали в ресторан «София» на Маяковской, где у них был либо поздний обед, либо ранний ужин. Подали болгарский салат с брынзой, мясное ассорти с овощами на углях и кофе по-восточному. Было достаточно вкусно. Юлька часто бывала в «Софии» с клиентами и разными ухажерами, официанты ее знали и всегда готовы были услужить с особым рвением.

Потом они уехали домой к Джонатану, где опять состоялась вполне себе активная любовь. Джонатан предложил ей остаться на ночь, чтобы утром ехать в офис вместе. Юлька подумала и согласилась. Перед сном смотрели новый американский боевик «Смертельное Оружие-2», Юльке нравился Мэл Гибсон. Засыпая, Юлька подумала о том, что происходит между ним и этим американцем. Улик сказал, чтобы она не раскатывала губу, что на проститутках богатые иностранцы женятся только в фильме «Интердевочка», а у Джонатана жена и трое детей, один из которых еще не родился, и быстрее планета начнет вращаться в обратную сторону, нежели этот пиндос на ней женится. Понятно, что никакой любви у нее к нему не было, но он был приятным, достаточно щедрым и очень хорошо трахался. Плохо было одно: она его не понимала и почти не могла выразить свои мысли при общении с ним.

– Ну, пусть все идет как идет, дальше будет видно, – прошептала Юлька.

Надо было думать о свадьбе Сергея и Инессы, которая неумолимо надвигалась. Оставался один день, за который нужно было сделать огромное множество дел. Парикмахер, ногти, продумать и собрать наряд.

Утром, когда они с Джонатаном приехали в офис, Улик уже сидел в кабинете.

– Друзья, секс дело хорошее, но вторичное по отношению к бизнесу. Давайте работать.

Примерно в два часа дня они отпустили Юльку готовиться к завтрашнему дню. Договорились, что приедут к ЗАГСу минут за тридцать. Улик сказал, что букеты берет на себя. Большая игра начиналась.

Свадьба дубль два

Утром следующего дня они подъехали к Грибоедовскому ЗАГСу в оговоренное время. До начала церемонии оставалось еще минут двадцать. В салоне «Максимки» Улика лежала гора из цветов. Все трое закурили. Джонатан заметно волновался.

– Ты не волнуйся, сейчас просто надо улыбаться, всем жать руки, дарить цветы. Следующие часа четыре будет происходить классический свадебный дурдом: будем ездить по Москве, фотографироваться в разных локациях, выпускать голубей, которые будут срать на головы, пить шампанское. И вот только часов в пять доедем до ресторана, и там начнется наша история. Там и будешь волноваться.

Улик перевел взгляд на Юльку. Она стояла в изумрудном шелковом платье в пол с открытой спиной, спереди было очень глубокое декольте, а еще платье имело вырезы от начала бедра. Второй деталью ее костюма были стринги, третьей – наброшенный на плечи шелковый платок нежного перламутрового цвета с рисунком из крохотных веточек сакуры. Туфли без задников тоже изумрудного цвета на тонкой подошве и очень тонком невысоком каблучке рюмочкой. Волосы уложены невообразимо сложной копной, где в ее собственные волосы были вплетены искусственные пряди для увеличения объема. Мастерницы «Чародейки» с задачей справились на высший балл. Через плечо на золотой цепочке была переброшена миниатюрная сумочка от Versace с хорошо известным изображением головы мифической Медузы Горгоны. Говорили, что в Москве таких сумок пять штук, и одна – у Раисы Максимовны Горбачевой.

Прическу завершали солнечные очки той же фирмы, что и сумочка, которые играли роль обруча. Из украшений на Юлке была только тонкая золотая цепочка с маленьким золотым православным крестиком и пара колец со скромными камушками. Вид был свежий и очень соблазнительный.

Улик надел строгий серый костюм в голубоватую клетку, светло-салатовую рубашку и повязал зеленый галстук с золотым узором.

Вокруг них начали собираться пришедшие в ЗАГС гости. Улик многих знал, учтиво здоровался, представлял Джонатана своим партнером по бизнесу. Американец вызывал неподдельный интерес. Наконец, показалась вереница машин. Впереди ехала белая «Чайка», украшенная лентами и обручальными кольцами на крыше. За ней – несколько иномарок, в том числе и машины Mercedes, в которых ехали семьи жениха и невесты. Далее несколько черных «обкомовских» седанов «Волга» (ГАЗ-31).

«Чайка» остановилась, водитель обежал лимузин и распахнул заднюю дверь. Из машины вышел Сергей, помог выйти Инессе, и они пошли к собравшимся гостям. На невесте была реплика свадебного платья Жаклин Кеннеди, правда, проще, сильно короче и с гораздо более скромной фатой. Но стиль был в общем сохранен. На Сергее был великолепный черный смокинг, белая рубашка с манишкой, красный пояс и красная бабочка. Туфли под стать смокингу: лакированные, на шнурках. Постепенно из машин вылезли родители, родственники и другие гости. Все восхищались женихом и невестой, их потрясающими нарядами. Правда, никто из гостей не мог даже догадываться, что эти платья были арендованы в Хельсинки на неделю и вчера их привез дипломат, который ехал в СССР в отпуск, а завтра их увезет обратно другой дипломат, который будет возвращаться из отпуска в страну тысячи озер.

Улик принес из машины букеты. Из ЗАГСа выбежал секретарь и попросил гостей заходить. Молодожены сдали паспорта, и пошла обычная свадебная рутина: оформление документов, какие-то подписи, ожидание в очереди из брачующихся пар своего назначенного времени. Наконец их пригласили войти. В роскошном зале церемоний сидел струнный квартет. Музыканты заиграли свадебный марш, фотографы забегали, оператор начал снимать на видеокамеру процесс, делопроизводитель декламировать текст, брачующиеся и свидетели расписываться в книге регистрации браков, молодожены давать обеты, надевать кольца и целоваться. Было заметно, что жених и невеста совершенно не волнуются, делают отрепетированные движения, немного искусственно улыбаются и, кажется, совершенно не увлечены происходящим. Наконец церемония закончилась, все вышли из ЗАГСа, осыпали молодоженов рисом и лепестками роз и поехали к Кремлю, на Могилу Неизвестного Солдата, к Новодевичьему монастырю. Там опять выпили шампанского и выпустили голубей из клеток, поехали на Поклонную гору, Ленинские горы, к храму Василия Блаженного и уже оттуда все поехали через Лубянку в ресторан «Центральный».

Джонатан, который все это время ездил за кортежем в машине Улика, был потрясен увиденным.

– Зачем надо ездить по всем этим местам? Какое отношение имеют воинские мемориалы к свадьбе?

– Ровным счетом никакого. В царской России люди венчались в церкви, давали обеты Богу. Тут советская история: тоже даются обеты, только генеральному секретарю ЦК КПСС. У каждого человека из нашей среды должен быть правильный альбом с фотографиями, даже если ты расписываешься во фраке и платье Жаклин Кеннеди.

Один из залов ресторана был закрыт на спецобслуживание – свадьбу. На столах уже стояли закуски, холодные и горячие, алкогольные и прохладительные напитки, фрукты в вазах. Ансамбль был готов играть песни, а ведущий вечера – развлекать гостей. Планировалось, что через пару часов молодожены переоденутся в более легкие и удобные наряды. Постепенно собрались все приглашенные: люди из МИДА, газет и журналов, Московского правительства, центрального аппарата и из московского комитета КПСС. Приехали два важных еврея. Знаменитый артист вел себя крайне скромно, хотя многие пытались попросить у него автограф. Он не отказывал, подписывал какие-то тетрадные листики или меню.

Наконец гости расселись по местам и началось празднование. Говорились тосты, желалось все самое лучшее. Каждый из выступавших после поздравления выходил и клал на стол перед молодоженами конверт с деньгами. Когда очередь дошла до молодого поколения, сперва вызвался говорить Ольгерд. Он трогательно поведал всем о своей дружбе с женихом с самого раннего детства, включая детский сад, школу и пионерские лагеря. Потом рассказал, как впервые встретился с прекрасной невестой и запомнил этот момент на всю оставшуюся жизнь. Он пожелал молодым огромного счастья и мира, достатка и любви. Потом подозвал Джонатана, представил его, рассказал, почему Джонатан сегодня разделяет этот праздник в общей компании. Потом сам Джонатан произнес патетическую речь о дружбе между странами, наставшем мире и о том, что он увидел в СССР великих людей. Улик переводил речь иностранца, иногда добавляя в перевод некие ключевые слова.

Наконец молодожены, которые целовались уже раз тридцать, попросили их извинить и пошли переодеваться. Вечер подходил к середине, а охота на представителей власти только начиналась. Юлька подошла к Улику и, усмехнувшись, сказала, что, если не брать в расчет Улика и пиндоса, то в зале сидят еще минимум семь человек, с кем она спала. А теперь все они усиленно делают вид, что видят ее в первый раз.

Улик подозвал Джонатана, и они пошли к нужным людям. Важных персон было двое, оба члены городского бюро КПСС и заведующие отделами по идеологии и международным связям и кооперации. Они напрямую общались с отцами молодоженов и даже в каком-то смысле были

дружны. Чиновники стояли особняком, курили, потягивали «Советское шампанское» брют из хрусталя и периодически общались с подходящими к ним гостями.

Вот наступила очередь Улика.

– Ольгерд! – обрадовался заведующий отделом идеологии. – Рад тебя видеть. Слышал про аварию, мы с женой очень огорчились. Папа передавал наши соболезнования?

– Да, конечно, было очень приятно. Огромное спасибо. И лечили меня с особым рвением, и лечат.

– Что нас не убивает, то делает нас сильнее и умнее. Будешь ездить аккуратнее, не будешь гонять. Я сыну тоже говорил, чтобы ездил тихо, и о тебе рассказывал. Вы должны о нас всегда помнить, очень горько пережить своего ребенка. И вообще литовцы должны быть поспокойнее – северяне же!

На левом глазу Улика навернулась слеза:

– Спасибо вам, спасибо за теплые слова. Очень тронут, очень. Петр Семенович, Дмитрий Иванович, простите, тут такое дело, хочу с вами обсудить одну историю. Это пиндос, Джонатан, я недавно его подобрал по случаю. Он представитель крупнейшей пиндостанской гостиничной сети Radisson.

– А, бывал, знаю, – сказал Петр Семенович. – Не Marriot и не Hilton, конечно, но сеть хорошая, обычно там селюсь, когда посещаю буржуев.

Он лениво подал руку Джонатану, который энергично ее потряс.

– Рад знакомству. «Что ищете в Москве?» — на очень приличном английском языке спросил чиновник.

– Моя компания отправила меня в ваш великий город, чтобы я нашел возможность наладить связи с целью строительства пятизвездочного отеля в Москве. Я бы...

– Минутку, Джонатан. А сколько вы тут уже находитесь, ищете эту возможность?

– Где-то пять месяцев.

– И как успехи?

– Пока скромные. Много раз ездили в Сити Холл, но пока мы только говорим, решений нет.

Петр Семенович и Дмитрий Иванович переглянулись, Петр Семенович размеренно проговорил.

– Надо же, пока скромные. Ну, нужно ускорятся. Давайте-ка вы приедете в понедельник часиков к трем – мы как раз будем готовиться к заседанию по развитию коммунального и бытового обслуживания населения. Познакомлю вас с заведующими отделов городского строительства и культуры и спорта. На заседании как раз будем обсуждать две темы: увеличение объемов стирки белья для РЖД и гостиниц и строительство новых отелей. Тут у нас были сигналы от сети отелей Marriot. Они получше, чем вы, но пока только смотрят. Вы можете быть первыми, уж коли стоите так близко.

Улик и Джонатан начали благодарить чиновника. Петр Семенович опять перешел на русский.

– Смешной парень. Кого они шлют? Прислали бы бывшего губернатора или генерала в отставке, и было бы приятно общаться, а то шлют каких-то сантехников. Ты должен ему объяснить, что вход стоит больших денег – такие колеса без смазки не крутятся. В процессе будем решать вопросы. Надо подтянуть комитет по иностранному туризму, но там люди понимающие, давно просили что-то придумать. У нас уже есть проект Виталия Соколова, он архитектор. Хотели сами строить между набережной и Киевским вокзалом. Зайдут с нормальными деньгами – за пару лет построим.

Они еще раз пожали друг руки, и Улик, пихая Джонатана в бок, уступил место следующему гостю, ожидавшему аудиенции.

– Ну все, первый шаг сделан. В понедельник будут говорить цену входа, понимаешь? К ним «Мариотт» уже лыжи вострит. Видно, тоже хотят урвать кусок. Ну а сейчас – свадьба.

В зале появились молодожены в новых одеяниях. Инесса в коротком бежевом платье-карандаш без рукавов в стиле конца пятидесятых, Сергей – в хлопковых брюках кремового цвета, туфлях для яхтинга на босу ногу и шикарной гавайской рубашке.

Молодожёны взяли в руки микрофоны и начали конференс. Инесса и Сергей счастливыми голосами произносили текст, деля его на фразы.

– Гости наши дорогие, любимые друзья и родственники, мы приглашаем вас на вечеринку по случаю нашего бракосочетания – на вечеринку в стиле регги. Но перед тем как мы начнем танцевать под волшебные ритмы с Карибских островов, все мы получим действительно королевский, царский подарок. Для молодоженов поет Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, наш бесценный, всеми обожаемый мэтр советской эстрады, наша гордость – Иосиф Давыдович Кобзон!

Зал утонул в шквале аплодисментов. Иосиф Давыдович поднялся со своего места, поклонился, проследовал на подиум, поздоровался с музыкантами. Мэтр советской эстрады заговорил своим низким певучим голосом:

– Друзья, надеюсь прекрасный музыкальный коллектив ресторана «Центральный» поддерживает меня музыкальным сопровождением, тем более я пою в этом заведении не в первый раз.

Музыканты зааплодировали.

– Но перед песней я хочу сказать пару слов. Я знаю отцов молодоженов много лет. Помню, как ездили по Венесуэле, Бразилии, как я пел перед братьями Кастро и еще двадцатью тысячами зрителей в Гаване. И везде я чувствовал поддержку и помощь ваших родителей. Помню те репортажи, которые газета «Правда» публиковала об этих поездках дружбы. Так что я, конечно, очень рад приглашению на свадьбу наших прекрасных молодых людей, детей моих друзей. Рад тому, что прекрасная молодая еврейская девушка выходит замуж за прекрасного русского мальчика.

Из зала крикнули:

– Слава богу, что не наоборот!

Кобзон воздел руки:

– Бог мудр и соединяет в пары самых лучших. Прошу вынести рюмки.

Тамада проворно вынес две рюмки и полотенце, расстелил его на полу, положил рюмки внутрь и накрыл вторым концом полотенца. Сергей и Инесса подошли к Иосифу Давыдовичу, тот расцеловал невесту, пожал руку жениху. Молодожены с силой наступили на рюмки, раздались хруст.

– Мазаль Тов! – крикнул Кобзон.

– Мазаль Тов! – хором повторил зал.

Музыканты дружно заиграли «Хава Нагила», некоторые гости пустились в пляс. Раздались возгласы: - Лыхаем, Мазаль Тов, Лыхаем.

Сергей и Инесса выпили по бокалу шампанского и поцеловались.

Наконец Кобзон стал петь. Он спел свои хиты «Женщине, которую люблю», «Мелодия», «Московские окна», «Нежность», «А у нас во дворе». Зал десять минут аплодировал стоя. Затем мэтр спел еще «Где-то далеко» и «Не думай о секундах свысока». Зал просто выл от восторга. Кобзон раскланялся, поблагодарил зрителей жестами и закончил словами:

– Наверное, молодым надоело слушать эту старую пластинку. Давайте послушаем современную музыку.

Ансамбль принялся играть свою музыкальную программу. Гости начали танцевать. В разных местах танцпола мелькало изумрудное платье Юльки. Джонатан, пораженный всем увиденным, тихо спросил у Улика, кивая в сторону Кобзона, кто этот господин?

– Это наш советский Фрэнк Синатра, при этом во всех отношениях, если ты понимаешь, что я имею в виду, – Улик подмигнул.

В центре танцевали Сергей и Инесса. Они нежно обнимались, периодически целовались. Вдруг Сергей прошептал на ухо Инессе:

– Инна, скажи, а ты меня любишь хоть немного?

Инна в ответ прошептала:

– Зачем тебе это надо знать?

– Это важно, мы теперь муж и жена.

– Это неважно. Поверь, я буду тебе образцовой женой. И это главное.

Она поцеловала Сергея в губы, и он тоже ответил мягким поцелуем.

Гости начали расходиться после полуночи. Правда, и Кобзон, и партийные чиновники уехали значительно раньше. Ансамбль еще играл, но уже преимущественно блюзы. Официально ресторан закрылся, но никто гостей не торопил. За несколькими столами образовались кружки по интересам. Свекор со свекровью, тесть с тещей, их ближайшие друзья с супругами сидели отдельной компанией и что-то тихо обсуждали. Лица были напряжены, речь явно шла не о торжестве. Периодически произносилась фамилия Горбачева. Мужчины наливали спиртное, выпивали.

– Товарищи, я говорю, он угробит Союз. Его супруга за тряпье из Парижа просто заставит его продать страну. И все сателлиты, которые нам верят, обречены. Он вывел войска из Афгана. Это катастрофа не только для них, но и для нас. Да, Кармаля мы вывезли, он в Серебряном Бору жрет водку сутками. Наверное, скоро сдохнет, алкоголик. А скоро в Афгане будет резня. Знаю, что Наджибулла власть не удержит. Без нашей армии максимум просидит полтора – два года, и его повесят. И то он и его политбюро будут, как крысы в норе, сидеть в Кабуле, а всю страну захватят бородатые. Ну, может только Панджшер будет сопротивляться – там узбеки, им эти талибы не нужны. Но и они Наджибуллу сразу прикончат, если он к ним прибежит. Все, остается «Талибан», шариат, XI век нашей эры. А за Азией повалится и Восточная Европа. За что наши отцы и деды пролили кровь, за что? Все отойдет пиндосам. А куда мы денем полтора миллиона наших солдат? В поле, в танках жить? Зато он с Рейганом руки жмет, свою Раису Максимовну пустил постоять с Нэнси, только Нэнси рядом с Максимовной – это как дворянка рядом с купчихой. Стыд смотреть. Да, Париж не помогает. Да, товарищи, я чувствую, что ничего хорошего тут не будет. Страна погибнет, развалится, и вообще нас ждут десятилетия гражданской войны.

– Ой, ребята, что вы тут пугаете всех? Разные времена были. Сталин умер – ничего, жизнь не остановилась, Брежнев умер, и тоже все наладилось. Да, есть риск, что будет чистка, если кто-то ретивый и молодой его сбросит. Но пока я не вижу таких людей, если честно. Все там кричали, Ельцин, этот Ельцин, и что? Сняли, выкинули на пенсию, и нет его. Не изменится тут генеральная линия, и нас не тронут. А Афган, было и так понятно, что не жилец. Куда мы приперлись? Со своим марксизмом в кишлаки. Они в XI веке живут, одни тапки на всю семью, по очереди носят. Им денег нужно было дать, а у нас они откуда? У самих скоро голодные бунты начнутся. Но с Европой не так все однозначно. Сорок пять лет мы там были, выросло два поколения. Не думаю, что все задрав штаны побегут на Запад.

– Да я и не знаю, чего про них говорить. Вы посмотрите на наших детей. Какие там советские идеалы? Они это называют совком и глумятся над всем. Вон: просто американцы стоят, одеты, говорят, живут.

– Ну и что? Это не значит, что они не будут любить страну. Может быть, будут еще больше любить. Может быть, после развитого социализма тут будет что-то новое, какая-нибудь Швеция, а, может, просто США: две партии и вся их клоунада.

– Да уж не дай бог. Нет, лучше пусть будет один сидеть до смерти, как его ни назови – президент, царь, король, владыка, но точно не этот дешевый цирк с конями, слонами и ослами.

Это не для нашего народа. Тут нужен царь. Все перебесятся, и все вернется на круги своя, лишь бы, бесясь, не слишком много сломали.

За другим столом сидели Сергей, Инесса, Улик, Юлька и Джонатан. Джонатан уже сильно набрался и хвастался тем, как он, парень с техасского ранчо, в 18 лет подписал контракт с армией, пять лет мотался по базам, был в Германии, Италии, перед самым дембелем в 1977-м зацепил финал войны в Сальвадоре, где даже немного пострелял. Но это дало возможность ему поступить в университет, закончить бизнес-школу, найти работу, работать в СССР и зарабатывать очень прилично. Он, конечно, понимает, что в сравнении с тем кругом людей, который он видел сегодня на этой свадьбе, он просто пасущий стадо быков ковбой, но, кажется, в СССР что-то начинает происходить, и, возможно, скоро самым важным будет не партия, а бизнес, банкиры и владельцы разных заводов и фирм. И вы – он обвел пальцем сидящих – должны быть к этому готовы, как уже готов к этому Ольгерд. Сергей и Инесса молча слушали американца. Они много раз говорили о том, что если что-то случится со страной, то они совершенно не знают, что с ними будет. Их предназначение заключалось в обслуживании интересов СССР за границей. Если правила игры менялись, то кроме банальных переводчиков, им идти будет некуда. Инесса зевнула.

– Ой, как же я устала. Какой бесконечный день.

Сергей повернулся к жене:

– Сейчас всех выгонят, не дадут дольше сидеть. Уж пять раз подходили. Надо собираться.

Да, кстати, как вам свадьба?

Улик и Джонатан подняли большие пальцы вверх. Улик резюмировал.

– Круто, просто очень круто. Стол великолепный, алкоголь рекой, платья – роскошь, машина «Чайка» – очень достойная свадьба получилась. И гости, и музыка. Думаем, в Москве про эту свадьбу будут говорить.

Юлька тоже сильно выпила:

– Ой, я бы тоже замуж хотела. Но кто на мне женится? Я уже говорила: сажу, а среди этих гостей ну минимум, если вас не брать, – она показала пальцем на Улика и Джонатана, – человека семь меня имели. А сейчас сидят с женами, такие прекрасные мужья и отцы. Пидоры, крысы. Одному я член резиновый в жопу засовывала, без этого не кончал. На другого ссала и ремнем била. У третьего член не вставал, что я только ни делала. Еле-еле подняла. Когда кончил, плакал от радости, руки мне целовал, говорил, что я богиня и волшебница – он лет пять не кончал.

Когда Юлька показывала пальцем на Улика и пиндоса, она должна была показать и на Сергея. Понятно, что она этого не сделала, хотя они спали и не один раз. Особенно после разрыва с Марго Сергей часто приходил к ней за утешением, дарил хорошие подарки, иногда приносил деньги. В сексе он ничего особенного из себя не представлял: совершенно обычный среднестатистический любовник, ни размерами, ни искусством, ни продолжительностью секса в какую-либо сторону он не выделялся. Был достаточно нежен, кончал, как мышка, тихо, редко предлагал второй раз. Складывалось ощущение, что его все время что-то сдерживает, что он все время боится как-то раскрыться, расслабиться, раскрепоститься. Юльке искренне было его жаль, она старалась сделать ему максимально комфортно и приятно. Однажды она спросила Сергея, как у него проходит секс с Инессой.

Сергей скривил губы в ироничной улыбке.

– У Инки есть фишка, я вообще сперва не понимал, что происходит, может она не хочет секса, но оказалось, что она любит, когда ее трахают, а она лежит бревнышком. И ты все должен делать сам, а она просто лежит с закрытыми глазами. Ни минета, ни поцелуев. Лежит, ты ее долбишь и не понимаешь, а ей вообще это нравится, она вообще живая? Оказалось, что очень нравится. Но с такими запросами, с такими фантазиями другой мужик просто сбежит, еще не засадив, испугается и сбежит.

Юлька поцеловала Сергея и потрепала его по щеке:

– Знаешь, не обижайся, но вы друг друга стоите. Ты тоже на гейзер и на вулкан не похож. Я бы сама с тобой легла и уснула. Ты Пьеро долбаный, как там: «А роза упала на лапу Азора» или еще: Мальвина, точнее, Инесса, Инесса, «невеста моя. Она убежала в чужие края. Рыдаю, не знаю, куда мне деваться. Не лучше ли с кукольной жизнью расстаться?» Если бы ты не был мне близким человеком, я бы трахалась с тобой только за бабло.

– Сучка ты и блядь конченная, – Сергей шлепнул ее по роскошной упругой заднице. – Куда нам до тебя. Твой девиз – слабоумие и отвага. А мы два ипохондрика из кукольного театра советской элиты. Когда мы не нужны, нас вешают на крючки, а когда нужны, снимают и дергают за ниточки. Говори это, делай то, люби ту, не люби эту. И готовься служить стране, партии и народу. Вот поэтому мы такие, печальные и циничные.

Последние гости уходили из ресторана. Родители еще раз расцеловали молодоженов.

– Ну что, дети, спокойной ночи. Отдыхайте, в понедельник начинается ваша поездка в Болгарию, соберитесь за завтра. А еще отдайте свадебную одежду сейчас, ее обратно в Финляндию повезут.

Инесса принесла небольшой чемодан с вещами.

– Спасибо вам за свадьбу, было прекрасно. Сергей и Инесса сказали почти одновременно.

– Живите счастливо, дети, любите друг друга и нас не забывайте. Такси за нами приехало, а за вами уже тоже выехали, будут минут через десять.

Улик обнял Юльку:

– Ну что, ко мне или к пиндосу?

Юлька посмотрела на того и другого и показала обоим средние пальцы:

– Идите вы оба в жопу, я еду домой. Все вы мне надоели хуже горькой редьки. И еще завтра будет звонить Марго, расскажу ей про свадьбу и остальные новости.

– Передавай Марго привет.

Все попрощались и пошли на выход. Улик, конечно же, сел в свою машину:

– Джонатан, тебя завести?

Инесса напряглась:

– А ничего, что ты пил? Ты уверен, что не будет, как в прошлый раз?

– Не каркай, дочь Сиона. Снаряд в одну воронку два раза не падает. Да и сказать, что я пьян, сложно. Обычное состояние.

Машина Улика укатила в ночь, затем разъехались и такси. Сергей и Инесса молча ехали по ночной Москве в их новую квартиру – подарок на свадьбу. В квартире ранее жила одна из недавно умерших родственниц Инессы. Женщина была одинокой, и за небольшую помощь со стороны папы Инессы она прописала девушку на свою жилплощадь и составила на нее завещание. Теперь квартиру отремонтировали, заново обставили, и молодая семья в нее уже переехала.

Придя домой, они разделись, договорились, что перенесут первую брачную ночь на завтра, так как сил уже нет, легли в постель, пожелали друг другу спокойной ночи, поцеловались и уснули. Сергею снилось, что он едет на коне, сзади у него крылья, как у польских крылатых гусар, в правой руке сабля, в левой пика, а к седлу приторочена отрубленная голова Инессы. Струйки крови стекают по седлу, по брюху коня и крупными рубиновыми каплями падают в белую пыль. Много лет после этой ночи Сергей вспоминал тот сон, пытаясь по случившимся событиям понять, что же он значил и был ли вещим.

Крушение

Марго приготовила кофе из кофейного концентрата в гранулах Nescafe. Любопытно, что эта, швейцарская торговая марка была в Германии еще с конца тридцатых годов. И в ГДР кофе в гранулах тоже производили под этим брендом, не платя отчислений или покупая лицензию, а считали своей. Как, кстати, Coca-Cola, Fanta и еще большое количество западных брендов.

Вообще после переезда в Шверин Марго осознала, насколько развита в промышленном плане эта страна. Производилось все, от швейной иглки до спутников, и все было высочайшего качества и надежности. Да, у ГДР не было своих хороших машин, но развитию ее автопрома мешал СССР, которому нужен был рынок сбыта «лад» и «москвичей».

Марго села в уютное, обитое зеленым бархатом старинное кресло перед журнальным столиком, на котором стоял темно-красный телефон. Она начала крутить диск с цифрами, в трубке затрещали сверчки коммутаторов, и наконец на другом конце провода раздался голос Юльки:

– Привет, немка – сиськи по коленку!

– Привет, Юляш – жопка, как беляш!

Подружки каждый раз при начале очередного разговора придумывали друг другу новые прозвища-обзывалки.

– Юлька, ну, рассказывай, какие новости, свадьба была?

– Была, вчера гуляли. Все, как я говорила: куча пузатых дядек, все крутые, все с буквами МОС на номерах их персоналок. Кобзон был, пел. До часу ночи ансамбль играл. Директор ресторана сам халдеями рулил. Короче, говорит и показывает Москва.

Юлька описала наряды, опять прошлась по Сергею, назвав его сопливым Пьеро, по Инессе, сказав, что эта гадюка, кроме себя, никого не видит, Сергея не любит, даже вида не делает, как, в принципе, и он ее, и что это обычный договорной брак среди детей шишек. Власть и деньги к власти и деньгам. Потом Юлька рассказала про Джонатана.

– Ты не поверишь, я теперь сотрудница американской компании, какой-то гостиничной, Radisson, очень крупной и известной. Менеджер по работе с ключевыми партнерами. Наверное, буду предоставлять свою скважину под их ключи. Зарплата в баксах, огонь. А начиналось все, как всегда. Пошла я работать в «Интурист». Сижу. Подошел какой-то гном-ковбой, метр шестьдесят три – шестьдесят пять максимум и начал снимать меня. Я одна, переводить некому, как-то на пальцах с ним объяснялась. А, кстати, смешно, но английский я немного стала понимать, хоть отдельные слова, и говорить что-то – не проходят даром занятия-то. Пошли к нему, он в доме напротив живет. Он трусы снял, а у него реально третья нога. Ты знаешь, я такое люблю. Ну, думаю, испытаю сейчас техасского пони. И он прямо был молодцом. Прямо затрахал меня, ну а это очень сложно. Дал мне денег, нормально. Ну так вот, говорил мне, ты типа не пропадай, я один живу, приезжай. И дал мне визитку с телефонами. Я после него заехала к этой жабе – Улику, рассказала, показала визитку. Он подскочил, начал ему звонить, о чем-то час говорили, орал: «Я в деле, я в деле!» На следующий день мы к американцу в офис ломались ни свет ни заря. Все такие солидные приехали, прямо кремлевский протокол. Опять ему Улик что-то задвигал, а на следующий день мы там уже работали. Я менеджером, Улик директором. Ну и на свадьбу пошли с пиндосом вместе, с людьми там терли, короче, все у нас типа хорошо. Будут что-то где-то строить.

Марго спросила:

– Молодцы, классно. А как у вас с Уликом?

– А никак. Редко меня трахает, лениво. Он вообще после аварии очень сильно изменился в этом плане. Был такой монстр, а сейчас, как ленивый котяра, еле-еле душа в теле. Зато, удивишься, Серега захаживает, иногда в месяц пару раз. Говорит, что Инесса любит лежать бревном без движения и ждать омоложения; ты типа трудись, а я мертвая царевна. Ну со мной так не бывает. Спасая твоего бывшего. Кстати, наверное, тебе повезло, что ты не с ним. Более средненького любовника и придумать трудно. Все средне – и длина, и ширина, и время, и амплитуда.

– Юль, ну, с твоей коллекцией тебе, понятно, виднее. А я бы и не догадывалась, что может быть иначе. Мне Отто очень нравится, но, может, ты бы тоже сказала, что он средний. Или вообще никакой. Но только, сучка, я тебе его даже на разок не дам. Мой и все.

Юлька засмеялась:

– Ты серьезно? Будет на улице валяться – я переступлю и дальше пойду. Подруга у меня одна, а членистоногих – сотни, блять, тысячи.

– Юль, а как у вас вообще дела, вокруг?

– Да я не знаю. На свадьбе уши грела – а ты поняла, кто там сидел – чего-то все невесело. По телефону я, конечно, ничего сказать не смогу, но что-то в воздухе вьется. Короче, как поет этот кореец страшненький, «мы ждем перемен». А у вас как? Как твое озеленение парков и садов?

– На работе все нормально, работа не пыльная. Спасибо, что такая есть. Гражданство дадут – буду искать что-то более высокооплачиваемое. Удо строит дом. Уже стены стоят, крышу заводят. До зимы хочет успеть поставить окна и двери, сделать отделку и всю эту сантехнику, электрику, воду, отопление и т. п. Взяли кредит на все это. Теперь пожизненно должны будем. А уж потом начнем как-то обставляться. Ну а как переедем (надеюсь, следующей весной), начнем заниматься детством и материнством. В свекровиных хоробах рожать не хотим. А что касается обстановки, то тоже все непонятно. Например, писали и по телику показывали, что наши поехали на машинах в Венгрию, несколько тысяч машин, типа как на Балатон отдыхать или на море в Хорватию, а сами приехали к венгерско-австрийской границе и начали прорываться. А венгры их пустили и австрийцы. И все проехали по Австрии в ФРГ. А там, если ты из ГДР (а они гражданство ГДР не признают и считают, что Германия – это единая страна и законно существует только ФРГ, так у них даже в конституции написано, а столица Берлин, а не Бонн), то все, тебе сразу меняют паспорт. Ну и тут понеслась коза по кочкам: поехали машины, уже десятки тысяч, а власти границы закрыли, там их встретили конкретно, короче, всех вернули, кого-то даже посадили или задержали. Я бы не рассказывала, но это в новостях. Короче, тоже что-то в воздухе витает такое, ветер перемен. Я боюсь всего этого. Я кто? Советская баба с советским паспортом, живу на птичьих правах пока. Так что не хочется никакой тут напряженности. Прекрасно живем, все есть, в магазинах полки ломаются, цены низкие, социалка роскошная. Я несвободной себя не чувствую, мне всего тут хватает. Удо тоже переживает – и он, и все мы работаем на государство. Так что вот, лето заканчивается на какой-то непонятной ноте. Но, говорят, не в первый раз, все уже было, и хуже было: в пятидесятых годах тоже была заварушка в Берлине, но все быстро решили. Сейчас, наверное, решат тоже. Так что, Юлька, пока все нормально. Давай, родная, прощаться.

– Деньги, деньги. Ладно, в следующее воскресенье звоню тебе, буду платить я, поговорим подольше. Не помню, сказала тебе или нет, но молодожены завтра на две недели летят в Варну, на Золотые Пески, жопы греть. Надо тоже кого-то напрямь в Сочи или Крым слетать, на волнах покачаться. Ну, или в самом начале сентября, когда мелкие спиногрызы с мамками уже отбудут в школу. Там будет поменьше народа.

Подруги попрощались и повесили трубки.

Лето быстро приближалось к концу. Марго уже могла взять неделю отпуска, а у Удо она оставалась после несостоявшейся второй поездки в Москву. Он предложил съездить на остров Рюген – очень необычный, даже, можно сказать, мистический немецкий остров на Балтике. Хотя немецким он стал только в XIV веке, а до этого на многих территориях современной ГДР жили славяне, точнее, полабские славяне – такая смесь чехов с поляками. На Рюгене жило особое племя этих полабских славян – руяне, которые говорили на своем языке, имели огромный флот, занимались торговлей и пиратством, совершали набеги на Прибалтику и Польшу, воевали с Данией. На руянском языке остров назывался Руян, и есть гипотеза, что Пушкин думал о нем, когда описывал остров Буян в «Сказке о царе Салтане». Действительно, какое-то время остров был очень богатым и сильным, но сейчас больше половины острова закрыто для посещения, так как здесь располагаются части советской армии, входящие в группу советских войск в Германии, ГСВГ. Но была и часть, где оставались базы отдыха и санатории, живописнейшие

постройки разных эпох, порт, ветряные мельницы, хвойные леса, нависающие над обрывистым высоким берегом белого или кремового цвета. В хорошую погоду картинка была просто фантастически красивой. Такой торт: намазанный зеленым кремом песочный бисквит на голубом блюде, покрытом сияющей глазурью и посыпанном сахарной пудрой барашков волн. Местами от торта откусили неровные куски, и в этих выемках образовались белые пляжи. Торт был утыкан красными и желтыми свечами. Они сгорели, но неравномерно – одни огарки были выше, другие совсем низенькие. И еще бисквитные пляжи посыпаны шоколадной крошкой валунов. Очень красиво выглядели старинные деревья, которые когда-то упали в воду и прибой обтесал и просолил их, а солнце выбелило до синевы. Они лежали, как кости доисторических рептилий, величественные и таинственные.

До Рюгена было примерно двести километров по шоссе, может, на десяток меньше. Приехали к обеду, заселились, сели на террасе ресторанчика обедать, пили пиво, ели какую-то рыбную закуску, похожую на еврейский форшмак, белые сосиски с красной маринованной тушеной капустой и пшеничными кнедликами. Было очень вкусно. Где-то далеко на фоне шума волн раздавались автоматные и пулеметные очереди. За лесом, уже в запретной зоне, было стрельбище, на котором каждый день стреляли советские солдаты.

– Марго, слышишь, это ваши стреляют. Там, говорят, до войны тоже было очень много красивых мест, но теперь их видят только товарищи красноармейцы.

– Ну так, дорогой, прости, не нужно было войну начинать, а если начали не нужно было ее проигрывать. Если бы выиграли, то сейчас ты бы сидел с госпожой Нейман на террасе отеля в Ялте или Сочи, а я тебе еду подносила, если бы, конечно, мне повезло и меня из резервации взяли на работу обслуживать граждан Рейха.

– Марго, зачем ты это начинаешь? Все понятно, СССР победил, нас не перебили и в Африку не выселили. Это реально великодушно. Но уже много лет прошло. Мир меняется. Так как сейчас, вечно не будет. Это просто данность. Сейчас что-то назревает, и я очень этого боюсь, но остановить историю невозможно. Германия была лоскутным одеялом, потом единым государством, потом захватила всю Европу, потом ее разделили. Обязательно произойдет ее объединение. И мне почему-то кажется, что это будет не объединение, а поглощение, и поглощать будет не ГДР. Сейчас СССР ослаб. Как только войска уйдут, ГДР не станет за один день. Я не знаю, это произойдет через год или пять, десять лет, но это будет в нашем столетии совершенно точно. И очень надеюсь, что обойдется без новой войны.

Марго нечего было возразить. Она давно была уверена, что СССР доживает свои последние годы. Система больше не работала, страх исчез, любви не возникло, а может, была, но умерла.

С моря подул холодный ветер.

– Милый, пойдем возьмем вещи в номере и прогуляемся. Очень красиво, но прохладно.

Они взяли плащи, Марго повязала платок, супруги вышли из здания и пошли по лесной дорожке к морю. Марго подобрала прутик и размахивала им. Неожиданно в кустах что-то зашуршало, и между ними прошмыгнула черная такса.

Удо встал как вкопанный.

– Марго, я видел это во сне, в СССР и после, дома, когда мечтал о тебе, мечтал, что ты станешь моей единственной и любимой женой. Но, я помню, мы там были старше: пятьдесят-пятьдесят пять лет. Ты тоже была в плаще и платке, и бегала такса. И такса была, кажется, наша.

Удо бросился к Марго и стал ее нежно целовать. Марго отвечала также искренне и нежно. Она увидела, как в глазах мужа блеснули слезы. Марго подумала, что, наверное, Удо не выдумал эту историю, такие вещи бывают. Да, может, и совпадение, а может быть, действительно вещий сон. Во время стресса могут работать неизвестные науке механизмы в человеческой психике. Но ведь как прекрасно, что Удо ее так любит.

– Дорогой мой, золотко, это совершенно прекрасное место, мы будем ездить сюда каждый год, хоть на день. А когда у нас будет свой дом, мы заведем собаку, две, таксы – они такие смешные, сосиски на лапках. И однажды, в такой-же прекрасный день мы будем гулять по этому лесу в пятьдесят лет с собаками, и тогда твой сон точно сбудется и станет вещим.

Марго тоже любила его, любила искренне, но, наверное, не так сильно, или не так страстно, или не так патетично, а как-то проще, приземленнее, без пожара, а как огонь в печи – ровно и тепло. И почему-то она подумала про Сергея, который ложится ночью и встает утром с женщиной, которую совсем не любит, и которая его тоже совсем не любит. Огня, тепла нет. Просто две электрические грелки, чтобы не замерзнуть. Она подумала, а как бы ей было с ним, если бы он стал ее мужем? Было бы ей лучше, чем сейчас? Она понимала, что ответа нет и никогда не будет. Их жизни разошлись и никогда больше не пересекутся. Она опять инстинктивно прижалась к мужу.

– Юлька сказала, что когда-нибудь при первой возможности затащит тебя в кровать и жестоко изнасилует. Я даю торжественную клятву перед этим вековым лесом, этим вечным островом и морем, что если это случится, то я отрежу тебе член, засуну в бутылку, залью шнапсом, закупорю и брошу в море вот с того обрыва. Понял?

Удо поднял руки вверх, как бы сдаваясь.

– Товарищ страшный советский деспот, клянусь тебе в верности и любви, пока смерть не разлучит нас. Клянусь этим старинным маяком, похожим на огромный кирпичный фаллос, что если Юлька совершит меня и я уступлю, то я сам отрежу себе член, засуну его в бутылку с самой дорогой русской водкой, в предсмертных конвульсиях доползу до утеса и брошу бутылку в море.

Они сцепились мизинцами и потрясли руками: да будет так.

Короткий отпуск на острове пролетел, они вернулись в Шверин и начали жить жизнью обычных бюргеров: дом, работа, дом, в пятницу пивная, в субботу либо пивная, либо ресторанчик. Однообразие скрашивала стройка: все время нужно было контролировать строителей, качество работ. Удо сам сделал электрику, проложил разводку, вывел провода для освещения, выключателей и розеток. В доме появился свет, и можно было работать вечером. Закончили крышу, вставили окна и двери. Начали монтировать водопровод и котлы отопления. Пробно запустили камин, обрадовались, что угара нет, а тепло идет. Начали делать пол – где-то положили плитку, где-то ковролин. Вообще дом получился очень ладным. Двенадцать на двенадцать метров, два этажа, четыре спальни, гостиная с кухней, гостевая комната, два туалета, несколько кладовых, комната, в которой стояло все водяное и газовое оборудование. Установили ограду в 60 сантиметров перед домом и полутораметровый сетчатый забор, огородивший сад. Его заложили еще несколько лет назад, сразу как купили землю. Из оставшегося щебня отсыпали стоянку для машины и дорожки в саду. Установили французское окно – дверь в столовой. Наконец прикрутили всю фурнитуру, повесили карнизы. К концу октября вывезли с участка весь мусор, убрались в доме, разметили места под клумбы и посадили все то, что можно было посадить в саду перед зимой. План был перевыполнен. Оставались мебель, светильники и переезд. Последним аккордом стала покраска дома специальной защитной пропиткой для известняка. Удо и Марго решили красить стены сами. Марго показала Удо, как сделать шапку и газеты, они соорудили из бочек и досок козла, оделись в какие-то старые рабочие спецовки, засучили рукава и начали махать валиками. Было весело, краска летела во все стороны, они перемазались, как поросята. Фронтоны второго этажа Удо красил сам, вися на шаткой лестнице. Марго стояла внизу и делала вид, что боится мужа. Она понимала, что если он начнет на нее падать, то и сам разобьется, и ее раздавит. Но все обошлось.

Так в работе и семейных заботах они перевернули на календаре октябрь и вступили в ноябрь 1989 года. Утром 9 ноября супруги, как всегда, разошлись по своим офисам. У Марго был обычный рабочий день: отчеты, селектор, обед, совещание, встреча с директором под-

рядной конторы, обсуждение прочистки ливневок и вывоз собранной листвы на переработку. Сидели с коллегами и обсуждали последние слухи из Берлина. Всю неделю в столице было беспокойно. В центре ходили группы молодежи, полиция их не трогала, но постоянно сопровождала. После истории на границе в Венгрии и в посольстве в Праге было понятно, что власть не будет применять жестких мер, а попытается как-то договориться с населением.

В четыре часа Марго попрощалась с коллегами, зашла в магазин что-то купить из косметики, забрала фотографии из проявки и пришла домой, где собиралась семья. Сели за стол где-то в четверть шестого, съели ужин, поговорили о том, как у всех прошел день, что было у детей в школе. В 18.00 включили телевизор смотреть новости. Шла пресс-конференция членов правительства Восточной Германии с участием членов правительства Восточного Берлина о планируемых изменениях в правилах пересечения границ ГДР и эмиграции. Вел пресс-конференцию Гюнтер Шабовский, который явно был к ней совершенно не готов, не был в курсе последних решений правительства и компартии. На сцену поднялись министр внешней торговли Герхард Бейль и члены ЦК компартии Хельга Лабс и Манфред Банашэк. Они достали бумаги и начали практически опровергать слова Шабовского. Они сказали, что закон о новых правилах пересечения границы уже принят и подписан 6 ноября, что по нему люди могут в упрощенном порядке запрашивать выезд в ФРГ, выезжать через любые КПП, а перемещение между Восточным и Западным Берлином больше вообще не требует разрешения. Шабовский повернулся к Бейлю и спросил: если это решение было принято 6-го числа, почему не было объявлено? Бейль сказал, что вот сейчас как раз и пора эту новость объявить. Шабовский удивленно посмотрел на него и спросил: то есть прямо сейчас можно идти в Западный Берлин? Зал взорвался воплями радости, в которых утонуло то, что это был вопрос, а не утверждение. Все заорали: «Свобода! Ура! Мы едины! Единая Германия, немцы один народ!»

Люди из зала, в котором проходила конференция, бросились на улицу. По ней уже бежали сотни горожан по направлению к Бранденбургским воротам, к чек-поинту Чарли, другим пунктам пропуска. Люди стояли перед стеной, где по несколько человек, где большими группами. Все нервничали, было заметно, что люди очень боятся силового ответа, но в то же время верят, что его не будет. Правительство сказал, что все, можно идти, между Германиями больше нет границы. Значит, стрелять не будут. Толпы людей начали собираться и на противоположной стороне Берлинской стены. Принесли мегафоны, привезли музыкальную аппаратуру, включили популярные песни, начали поздравлять братьев из ГДР с окончанием холодной войны. С обеих сторон стены появились люди с бутылками шампанского и другого алкоголя, начали отмечать отмену границы. Давка вокруг пунктов пропуска усиливалась. Полицейские и военные ГДР пытались отгеснить толпу. Офицеры звонили своим командирам, кричали, что не смогут удержать толпу, а если стрелять, то погибнут тысячи. Все слышали слова Шабовского – как после них стрелять?

Вдруг кто-то закричал, что на соседнем КПП пропускают. Скорее всего, это была провокация, но люди, разогретые алкоголем и активистами, двинулись на КПП. Возник критический момент, и вдруг солдаты и полицейские просто отошли в сторону и открыли шлагбаум. На часах было 19 часов 1 минута. Толпа из ГДР хлынула в Западный Берлин, смешалась с местной толпой, люди начали целоваться, петь, плясать, пить все, что находилось. Нескончаемое людское море, сотни тысяч человек пересекали запретную черту. Молодые люди с флагами полезли на стену. Слава богу, за несколько минут до этого кто-то из военных додумался отключить ток на колючей проволоке и автоматические пулеметы. Эйфория захватила обе части города. Начались безумства. Какие-то незнакомые мужчины и женщины начинали целоваться, бежали в ближайшие подъезды, занимались там сексом. Кто-то ловил такси и уезжал в гостиницу или сразу домой. Говорили, что были несколько случаев соития прямо на улице, под рев толпы. Люди бросились обнимать военных и полицейских обеих стран. Сами солдаты и полицейские,

которые столько лет смотрели друг на друга как на врагов, пожали друг другу руки и пошли совместно следить за порядком в местах максимального скопления людей.

Праздник бушевал всю ночь, два города не спали. Утром толпы еле стоящих от усталости и алкоголя людей потянулись встречными колоннами в свои части города. Но шлагбаумы обратно не закрылись. В Западный Берлин шли толпы тех, кто приехал утром из пригородов и других близлежащих поселений. Потом приехали люди из других городов.

Люди шли и шли. Семьями, с детьми, колясками, собаками. Ходить в Западный Берлин стало просто обычным делом. С обеих сторон стены появились уличные художники, которые начали рисовать на ней граффити. Начали продавать сувениры. Несколько блоков повалили трактором и принялись крушить их отбойными молотками. Куски стены тут же продавали. Потом появились целые кучи битого бетона, видимо, кем-то оперативно измельченного и привезенного на продажу. Эйфория первых нескольких дней начала спадать.

Западный Берлин во всех отношениях оказался гораздо хуже, чем Восточный. В нем не было ни новых красивых районов, ни широких проспектов, ни каких-то дорожных развязок. Из города вела всего лишь одна двухполосная дорога. Машин было мало, дома преимущественно старые – либо довоенные, либо построенные на месте разрушенных войной строений в начале и середине пятидесятых. Серые бетонные коробки с большими окнами. Наверное, главным отличием были светофоры. В ГДР на лампах был изображен знаменитый Ampelmann – человек в долгополой шляпе на голове. На зеленых лампах он смешно бежал, на красных стоял, широко раскинув руки. В ФРГ на светофорах был изображен обычный человечек из палочек и кружка.

У большинства людей западногерманских марок не было. Но те, у кого они были и кто мог что-то покупать в магазинах, удивились тому, насколько обычный набор продуктов продается в супермаркетах в Западном Берлине. Люди покупали йогурты – это были обычные йогурты, покупали газировку – это была самая обычная газировка. Даже пиво в западных магазинах было точно таким же или даже хуже. Да, магазины одежды пестрели фирменными логотипами, но цены на эту одежду и обувь были в несколько раз выше, чем в ГДР.

Тут же налачился рынок обмена валюты. Выяснилось, что западным немцам гораздо выгоднее ходить за продуктами в ГДР. Верткие молодые люди начали ходить рядом с пунктами перехода и предлагать поменять валюту. Сперва одна западная марка менялась на две восточные, потом постепенно начала меняться на три.

Восточные берлинцы скупали джинсы и кроссовки, пластинки и кассеты популярных западных групп, а западные – алкоголь, продукты и всякую электротехнику. Очень котиrowались фены, кофемолки, мясорубки и пылесосы.

В вечер падения стены в Шверине было достаточно спокойно. Не так много человек отправились в Берлин. Большинство, посмотрев телевизор, в некотором смятении разошлись по спальням, а утром встали и пошли на работу. Правда, еще вечером мужа сестры Удо, который служил полицейским, вызвали в участок и перевели на казарменное положение.

Марго со свекровью доехали на автобусе до их офиса. Все сотрудники уже собрались и обсуждали вчерашнее. Больше всего радовалась «куница». Ее карие бусинки глаз радостно блестели, она жестикулировала и истерично смеялась. «Каланча» вела себя спокойнее, но тоже явно была довольна происходящим. Начальник и свекровь, как люди более старшего возраста, были не так оптимистичны.

Начальник начал медленно развивать мысль:

– Коллеги, конечно, открытие границ – это хорошая новость, позитивный момент. Мы давно должны были это сделать, а не изолировать себя от мира. Но предполагаю, что открытием границ все не закончится. Это только начало. Появится масса вопросов. Что вообще делать двум странам дальше? Есть очень богатая и экономически развитая ФРГ. Есть менее развитая ГДР, но с очень сильным военным потенциалом, и этот потенциал в основном советский. Если

СССР перестанет нас держать, выведет войска, а все хотят именно этого, то следующим шагом будет объединение. Так? Вы, коллеги, когда-нибудь видели, чтобы на равных, не на словах, а на деле, сильный объединялся со слабым, богатый с бедным, здоровый с больным? Всегда сильный и богатый будет поглощать. А значит, будут работать правила и законы сильной стороны. Это не будет союз ФРГ и ГДР, не будет конфедерация, а это будет ФРГ. Наша страна просто исчезнет. А если исчезнет страна, то, дорогие мои коллеги, исчезнет и государство. А если исчезнет государство, то исчезнут и его институты власти и управления. И если вы думаете, что исчезнет только СЕПГ, то вы ошибаетесь. Партия как раз и не исчезнет, она просто сольется с социал-демократами (СДПГ) или как-то переименуется, сменит курс, но все равно останется. Эти люди не тонут, как и говно. А вот правительство, администрация, мы – вот нами подотрут задницу. Мы станем не нужны.

– А что, электричество в проводах закончится или парки вырубят? – дерзко возразила «куница».

– Нет, все будет так же, но только работать ты тут не будешь, а, может, будешь, но не тут. Придут чиновники из Бонна, часть людей уволят сразу, часть понизят, на их место пришлют западных немцев со своими традициями и правилами. Те посмотрят на оставшихся и уволят еще половину, так как им проще будет нанять молодых и всему их обучить самим. Ну а оставшаяся четверть будет нужна, чтобы работать за остальные три четверти и радоваться, что их не выгнали на улицу. Надеюсь, ты, моя дорогая, в эту четверть и попадешь. А мы, – начальник показал рукой на свекровь Марго, – пойдем на улицу или будем в лучшем случае мести листву в парках. Вот так обычно происходит объединение стран в одну. Я уж и не говорю про армию и полицию – их просто сразу всех уволят, да еще и с черной меткой. Как и, наверное, всех учителей, которые преподавали всякие идеологические предметы, или заставят их публично отречься и каяться. Это называется люстрация. Слышали такое слово? Коммунистически идеологию запретят, а потом начнется люстрация. Вы, коллеги, в партии не состоите, а мы состоим. – Он опять показал рукой на свекровь Марго. – Марго, а что ты скажешь про все происходящее?

– Если говорить в общем, надеюсь, что в этот раз не будет, как обычно это бывало раньше в истории – во Франции, России и Германии. Никто гильотиной головы рубить не будет, в Черном море в баржах топить не будет и в концлагеря, как было здесь в 1936-м, или в Сибирь, как в 1945-м, не отправит. И время другое, и люди не те. Но я соглашусь, что у многих, очень многих, проблемы возникнут. Хотя обычно каждый раз в такое время кто-то опускается, а кто-то взлетает. Ну а что касается лично меня, то прежде всего мне тревожно за то, что будет со мной и моей семьей. Гражданства ГДР у меня нет и сколько еще не будет – год, полтора или два, я не знаю. Как поступят со мной как с иммигранткой, тем более из СССР, я тоже не знаю. Для меня все может обернуться достаточно плачевно. А может, и обойдется. Надеюсь, нас с Отто не разлучат.

На глазах у Марго сверкнули слезы. Свекровь подошла к ней и крепко обняла.

– Маргарита, мы никогда и никуда тебя не отпустим, ты член нашей семьи, любовь жизни моего единственного сына.

Она, кажется, впервые, поцеловала Марго в щеку. Марго уткнулась в шею свекрови и заплакала, попутно целуя ее в пахнувшие терпкими сладкими духами складки кожи. Коллеги начали их обнимать и подбадривать.

– Друзья, а с чего вы вообще решили, что что-то будет меняться? – начальник погладил Марго рукой по голове. – Сейчас побесятся молодые недельку, походят в ФРГ без денег, увидят, как там жить, что золотых унитазов нет, что Mercedes и BMW на улицах не раздают, и призадумаются: а что нас там ждет? Я не пророк, но и ФРГ мы тоже прямо особо не нужны. Пройдет эйфория, и новые власти начнут считать деньги. Ведь, я уверен, у них конкретного плана нет – кто же знал, что так все повернется? А начнут план составлять, и станет понятно,

что просто так всосать 16 миллионов человек не так просто. Это четверть их населения. И это не только молодые и здоровые мужчины женщины, а и старики, и дети, и больные, и кривые. А если вы объединились, то, наверное, сложно будет долгое время объяснять населению, почему одни граждане живут много хуже, чем другие. Да еще и молодежь хлынет в западную часть за деньгами, значит, там взлетит безработица и начнется недовольство. Значит, нужно будет на Востоке платить схожие зарплаты, пособия и пенсии. А где взять столько денег? Если печатать, это инфляция, рост цен. Все будут недовольны. Так что я не верю, что будет резкое телодвижение. Я думаю, минимум пять, а то и десять лет пройдет. Ну или прямо банзай, закрыв глаза, и в омут – бултых, авось выплывем. Скоро все поймем и узнаем. А сейчас, коллеги, работа сама себя не сделает. Давайте выпьем кофе и поработаем, пока есть такая возможность.

Все начали готовить себе кофе, Марго заварила чай. Больше к теме политике в тот день они не возвращались.

Вечером, уже когда Марго и Удо были в их спальне, Марго рассказала мужу об этом разговоре, о том, как повела себя свекровь, что это ее очень приятно удивило и обрадовало.

– Малыш, ну я же говорил, что мама добрая, просто ей тяжело на себе тянуть такое хозяйство, она хочет, чтобы была дисциплина. Она мне много раз говорила, что ты ей очень нравишься, что ты, как немка, дисциплинированная, аккуратная, уважительная и трудолюбивая; что в некоторых немцах больше неряшливости и разболтанности, чем в тебе, хотя ты вроде бы и русская, а считается, что русские живут сердцем, а не головой. Я и сам иногда думаю, что ты больше немка, чем многие немцы. Может, это меня так и притянуло.

Марго щелкнула Удо по кончику носа:

– Тебя притянула моя неземная красота, моя космическая задница, мои упругие маленькие сисечки и мой великолепный острый ум. И еще то, что я родилась в самом большом городе самой большой в мире страны, а не в замшелом прусском сельце. Да, мой русский характер сейчас спит, но он в любой момент может проснуться, и огромный страшный бурый медведь с окровавленной пастью выскочит из своей берлоги, и полетят от всех по воздуху только мелкие ключья. Ты понял, колбасник? А ну руки вверх.

Марго повалила Удо на спину, расстегнула ему джинсы и стянула их вместе с трусами.

– Самая смешная вещь на свете – это мужик в носках и рубашке.

Марго растопырила на обеих руках пальцы и грозно зарычала:

– Где там этот полевой гном?

Член Удо исчез во рту Марго, но уже через несколько секунд все больше и больше стал оттуда вылезать. Потом Марго оторвалась от работы, оглядела результаты труда своего и, удовлетворившись ими, села на Удо сверху. Удо застонал.

– Молчи, пискля.

Скачка продолжалась несколько минут, затем Удо резким движением сбросил Марго с себя, перевернул ее на спину, налетел сверху.

– Немецкий солдат на спине не лежит. А на русского медведя всегда найдется черный немецкий орел. Получи, медведь.

Теперь стонать и кричать пришло время Марго. Удо устроил добычу угля в силезских шахтах.

– Т-т-т-и-и-ш-ш-е-е-е. Глова оторвется.

– Держи ее руками.

Затем Удо перевернул Марго на бок, налетел сзади и опять включил отбойный молоток.

– Граждане Восточного Берлина пошли на прорыв стены, вот-вот она падет. Вот, вот, падает, да, да, падает, а-а-а-а... да, да, да....

Оргазм был обоюдный и долгий. Их тела содрогались в конвульсиях. Наконец Удо, со стоном, как напившийся крови клоп, отвалился от Марго и сладко потянулся.

– Вот такое объединение и такой прорыв стены мне очень, очень нравится.

– И мне, – поддакнула Марго. – И не случится ни люстрации, ни депортации.

– Марго, если тебя депортируют, то только вместе со мной. Я был в Москве, там очень даже можно жить. Твои важные друзья пристроят меня на хорошие деньги и все, не нужна нам эта ФРГ и даром. – Они поцеловались. – Завтра суббота, с самого утра в дом, потом искать и покупать светильники на второй этаж – как раз дали сегодня зарплату. А вечером выпьем пивка. Послезавтра утром, если желание будет, можем слетать на машине в Бойценбург, посмотреть, что там на границе творится. Что думаешь?

– Да, дорогой, звучит как план.

Суббота прошла в трудах праведных. Были куплены очень симпатичные светильники, люстры и бра, пластик, металл, стекло. Стоили недорого, но очень радовали глаз. Удо моментально их установил и включил. Теперь в доме был красивый свет во всех помещениях. В это время Марго погладила весь текстиль на окна, вставила крючки, и начала вешать занавески и тюль. Дом обретал жилой и уютный вид. Потом она распаковала несколько коробок с посудой и выставила ее в недавно купленный в комиссионном магазине сервант начала 60-х годов. Он обошелся марок в 60, но был совершенно не исцарапанный и очень красивый. Еще они нашли объявление, в котором предлагалось забрать пианино. Старинное, расстроенное и местами сильно побитое, но прекрасное черное пианино Bluthner. Оно пережило две войны, может быть, даже бомбежку, но теперь, видно, было никому не нужно, а выкинуть на помойку его было жалко. С перевозкой и переноской помогли коллеги Удо. Они взяли служебную бортовую платформу, сделали фиктивный наряд на улицу, где отдавали пианино, что-то там покрутили на мачте городского освещения, потом погрузили пианино и поехали по второму вызову на улицу, где строился дом Удо. Опять что-то покрутили на мачте, убрали лестницу и занесли пианино в дом. Там их ждал вкусный борщ и сухой паек в виде дюжины бутылок пива. К настройке пианино Марго еще не приступала, это было дорого. Она попробовала сыграть несколько композиций. Звук у инструмента был замечательным, глубоким, все клавиши работали исправно, как и педали. Но инструмент был совершенно расстроен и страшно фальшивил.

– Ничего, ничего, – ласково говорила Марго пианино. – Если за столько лет ты не погибло, то сейчас я тебя точно спасу. Будешь петь, как хор ангелов.

Вечером они зашли в пивную, выпили по паре бокалов пива, съели картофельного салата с ржаными гренками и пошли домой в амбар. На полдороге встретили мужа сестры Удо, которого уже отпустили из казармы. Пока было сказано, что в понедельник будет обычная служба, что в Берлине и Германии тихо, а все начинающиеся погромы и бесчинства в столице были остановлены.

Утром Марго и Удо встали пораньше, выпили кофе с печеньем, взяли приготовленные с вечера бутерброды и поехали к границе. Решили ехать в Бойценбург – маленький милый городок, основанный в XII веке, до которого от Шверина было примерно 70 километров по шоссе. Вокруг города сохранился старинный ров, через который были перекинuty деревянные мостики. Вдоль рва росли вязы и ивы. Город выходит на Эльбу в точке, где в нее впадает речка Бойце. До самой Эльбы еще, наверное, с километр по заливным лугам. В городке жили тысяч десять человек, преимущественно работавших на реке и в порту. Интересно, что в самом городе не было ни одного современного дома, даже все местные властные структуры располагались в бывшем здании городского магистрата. В городе была большая лютеранская церковь, первоначально построенная как католический храм в XIII-м веке, разрушенная и заново восстановленная в XVII-м, сгоревшая и после частично перестроенная в XVIII-м. Она и являлась главной его достопримечательностью.

Милая немецкая глушь, черно-красный кирпич стен, черепичные крыши цвета цветочных горшков, серый булыжник мостовых. Некоторые дома были по технологии фахверка – тогда в цветовую палитру добавлялся белый цвет побелки и черные балки.

Марго очень нравились эти тихие прусские городки. Они посидели в кафе на Ратушной площади, выпили кофе и съели свои бутерброды. Пора была двигаться к границе. Говорили, что проезд свободен, надо только показать паспорт. Они поехали по шоссе, которое соединяло ФРГ и Западный Берлин. Запестрели дорожные знаки и надписи о том, что впереди граница, а они въехали в пограничную зону. На КПП при проверке документов, когда смотрели бумаги Марго, пограничник выразил сомнение, что ее пропустят в ФРГ. Молодой офицер сказал, что после того, что вообще тут творилось, ему совершенно плевать, какой паспорт у фрау Нейман; все печати в нем есть, а пустят ли их на той стороне, это уж не его дело. Он открыл шлагбаум и разрешил ехать.

Через несколько минут они встали в небольшую очередь перед КПП пограничного контроля ФРГ. Машин было штук десять – пятнадцать. На каждую уходило минут по пять. Наконец через час они доехали до КПП и показали свои документы. Пограничник попросил их отъехать из очереди и позвал начальника. Начальник еще раз посмотрел документы Марго.

– А зачем вы едете в ФРГ?

Марго была уже не рада, что они ввязались в эту авантюру.

– Мы просто едем, даже, честно, не знаем куда. В какой-нибудь милый городок тут рядом. Я на карте видела Лауэнбург – вот хотелось туда, например. Но если нельзя, то и ладно, мы развернемся и поедem в ГДР. На той стороне нас предупредили, что могут не пустить.

Офицер улыбнулся, ему понравился наивный ответ Марго.

– Если обещаете, что вернетесь до полуночи, я пушу вас под свою ответственность. Если позже, то будете разбираться с другим офицером.

Он отдал им честь и махнул жезлом. Удо пропустил выезжающий с КПП Trabant и выехал на шоссе. Пока все выглядело точно так же: дорога была совершенно той-же ширины и с таким-же покрытием. Ехать было совсем недалеко, километров пять-шесть. Да и Лауэнбург оказался совершенно таким же крохотным старинным городком, что и Бойценбург, но только, наверное, еще более старым и милым. Крошечные домики, прилепленные натесных улочках стена к стене, некоторые уже перекосившиеся так, что пришлось вставлять окна особой геометрии. Но город был идеально сохранен и отреставрирован. В одной из витрин был выставлен стенд с фотографиями, который рассказывал, что когда к городу с другой стороны Эльбы подошли англо-американские войска и стали готовиться к переправе и штурму, немецкий офицер, который командовал обороной Лауэнбурга и сам родился в Лауэнбурге, понимая, что его родной город сровняют с землей, сел в лодку и с огромным риском для жизни (его могли пристрелить как враги, так и свои), поплыл на другую сторону, договорился с офицерами врага о сдаче, переплыл реку обратно, убедил своих сослуживцев не противиться ему и сдал город без единого выстрела. Единственным условием немца было, чтобы Лауэнбург остался нетронутым, как и его люди. О себе он не просил.

В старинных магазинчиках продавались сувениры, всюду были открыты галереи, антикварные магазины и музеи. На пересечении двух улочек стоял крохотный домик, самый маленький, шесть на шесть метров максимум, но в два этажа. На втором были два игрушечных квадратных окошка в белых наличниках. Сбоку на скатах черепичной крыши сделаны слуховые окна. Фасад домика в каком-то орнаменте в виде половинок солнца. На первом этаже на фасаде тоже было два окна: справа маленькое квадратное и слева и по центру – большое, решетчатое в пол. Это было кафе. В малюсеньком зальчике стояло ровно три столика. Удо сделал несколько фотографий Марго на фоне домика, а она сфотографировала мужа.

– Мы же их марки взяли? – спросила Марго.

– Да, есть около ста.

– Давай выпьем кофе, а то я немножко замерзла.

Действительно, с Эльбы, которая проглядывала за домами, сильно дуло сырым и холодным ноябрьским ветром. Они зашли в кафе, которое было пусто. Вообще в городе толп не

наблюдалось. Редкие туристы ходили между еще открытыми салонами картин и что-то смотрели. Было понятно, что город живет сезонной жизнью и на зиму засыпает.

В кафе они увидели очень красивые вафли. Они заказали большой кофе с молоком и вафли. Это обошлось в 9 марок. Кроме цены, увы, ни кофе, ни вафли от их местных не отличались. Даже в Шверине, кажется, пекли повкуснее.

Так как Марго и Удо обошли город за сорок минут, побывав на каждой улочке, захотелось увидеть еще что-то в ФРГ. Ведь на часах не было еще и часу дня. Они спросили у хозяйки кафе, куда можно еще съездить поблизости, где так же красиво. Женщина сказала, что есть еще такое очень красивое место Люнебург. На машине минут 30, километров 25, не больше. Они нашли город на карте, попрощались с хозяйкой и поехали туда.

В машине Марго рассказала про старый, 1965 года, советский фильм-сказку «Город мастеров». В нем злые рыцари, по всему видно фашисты, захватили город мастеров – судя по всему, пролетариев, которые потом восстали и прогнали рыцарей, поубивав их. Главный герой был горбуном, он любил прекрасную золотошвейку. В конце фильма, когда вольные мастера победили, кто-то из врагов засадил стрелу в главного героя. Все думали, что он помер, но так как стрела попала в горб, он пришел в себя. И еще у него исчез горб, и, конечно, бывший горбун и золотошвейка поженились.

– Все у нас, как в этом фильме, – улыбнулся Удо, – только у меня горб не на спине.

– Горб. Понятно, теперь это так называется. Буду знать, как называют гороховые стручки в ГДР.

Они засмеялись.

– Марго, после прогулки, мне кажется, нам нужно где-то остановится в укромном местечке и попробовать, как оно трахается на чужбине. Свобода и демократия помогают особому раскрепощению?

– Отличная идея, муженек, предлагаю особо укромного места не искать. Трахнемся где-нибудь в центре города.

Так, развлекая друг друга шутками, они въехали в Люнебург.

Последней оказался городом богаче и больше. Марго сказала, что если Лауэнбург – это город мастеров, то Люнебург – это точно город купцов. Все дома значительно больше и минимум на этаж-два выше. Улицы шире и наряднее. Все магазины и рестораны открыты, людей море, трудно найти место, чтобы сесть. По толпе стало понятно, что многие из проходивших мимо – восточные немцы. Они ходили, задрав головы, и фотографировали на советские фотоаппараты. Очень понравилась центральная площадь. Архитектура была уже другой, появились дома XIX-века с колоннами и штукатуркой, к коричнево-черно-белой палитре добавились бежевый, розовый и абрикосовый цвета. Крыши домов стали не просто острыми, двускатными, а сложных форм. Очень изменились фронтоны. Они были похожи либо на бутылку с пробкой, либо на сложенные рядами костяшки домино: наверху одна, ниже три, потом пять и так далее. Все приобрело такое осязаемое качество и лоск, чего в ГДР они не видели.

На одной из улиц они увидели сверкающий стеклом и полированным металлом универмаг с огромной надписью «Karstadt». Супруги вошли внутрь, прошли по этажам. Ювелирные изделия, парфюмерия и сумки, второй этаж: женская одежда и обувь, третий – мужская, четвертый – молодежная и детская одежда для обоих полов, пятый этаж – кухонная утварь, товары для дома, электроника, игрушки и спортивные товары. Глаза разбегались. На прилавках по разумным ценам лежали самые вожделенные товары: джинсы и кроссовки всех мыслимых фирм и моделей. Куртки, ветровки, рубашки, шикарные платья и блузы, кофты. Они по дизайну и актуальности на три головы превосходили товары с востока. А запах! Он просто приводил в экстаз.

– Марго, что ты хочешь? – спросил Удо.

– Я, я хочу все. Я хочу все это. Честно, к такому я была не готова. Конечно, я думала, что мы увидим их магазины и они будут другими, но это просто сумасшествие. А так как мы не можем купить все, то давай сейчас не покупать ничего. Сейчас у нас все есть. Мало ли что нам нужно будет еще купить в дом, давай беречь деньги. Пойдем купим детям какие-нибудь недорогие игрушки, и на этом все.

Удо поцеловал Марго в макушку:

– Как же мне повезло с тобой.

Они зашли в отдел игрушек, купили какую-то модную куклу, пару маленьких машинок и по несколько штук игрушечных солдатиков. Дети будут счастливы. За игрушки они отдали марок двадцать. Когда они спустились на нулевой этаж, Марго сказала, что хочет в туалет. Туалет был на последнем верхнем этаже, и она опять стала подниматься по эскалаторам вверх. Удо сказал, что подождет ее внизу. Марго вернулась, и они пошли к машине. Удо обратился к Марго.

– Поедем, а то можем застрять на границе – сейчас же все поедут обратно, да и хотелось к ужину вернуться.

На удивление границу Нейманы пересекли быстро. Они еще раз поблагодарили обоих офицеров-пограничников, промчались мимо Бойценбурга и взяли курс на Шверин.

– Знаешь, я думаю, что ГДР закончится до конца следующего года. Люди съезжают в такие магазины и спать спокойно не смогут. И мы, и русские готовили огромные армии, делали танки, пушки, ракеты, самолеты и атомные бомбы, думая, что нам нужно будет воевать с такими же армиями с Запада. А нас разбили, нас победили маленькие пластиковые солдатики и куколки. Без единой капли крови. Какая ирония.

Удо замолчал. Но потом продолжил:

– Это же так несправедливо. ГДР хорошая страна. Такие хорошие помыслы и планы. Бесплатная медицина, бесплатное великолепное образование, отсутствие безработицы, нет классового разделения и эксплуатации. Но людям хочется быть неравными, кичливыми, быть лучше, чем другие, демонстрировать это. Они хотят покупать по десять пар обуви, они хотят, чтобы мир был таким, как в каталогах Отто. Они не хотят ходить строем на октябрьские демонстрации и смотреть парады. Они хотят ходить в публичные дома и смотреть голливудские фильмы. Коммунизм погибает потому, что он пытался навязать людям высокое, а им нужно низменное.

– Удо, – Марго положила руку на колено мужу, – тут ключевое слово «навязать». Коммунизм, советская власть хотели сделать всех счастливыми, навязать счастье. Они хотели управлять человеком. Они говорят: мы знаем, что нужно утром есть кашу, а в обед суп – это полезно и правильно. А я не хочу кашу и суп, я хочу хлеб с вареньем. Это плохо, но чтобы человек это понял, ему нужно дать покрыться прыщами и обосраться. И лучше, чтобы это случилось несколько раз. Раньше всем рулила церковь. Людей заставляли верить в Бога. Кто-то верил искренне, кто-то просто боялся и делал вид. Удивительно, что коммунисты, которые отрицают Бога, навязывают свою веру еще хуже, чем инквизиция. Не хочешь чистить зубы – мы тебе голову отрубим. А тут человеку дают свободу: живи как хочешь. Хочешь жить богато – работай или торгуй, изобретай, как заработать. Хочешь лениться – ленись, падай на дно, сдохни, мы слова не скажем. Нет, понятно, у нас будут какие-то социальные программы поддержки, может быть, даже очень щедрые, но ты будешь куском дерьма, нищим и порицаемым обществом. И людям это нравится. Советская власть всех держала в тепличных условиях в детском саду. А надо было гнать людей во взрослую жизнь. Но тогда бы они перестали быть советской властью и стали обычными американскими капиталистами. В чем бы была их фишка?

– Марго, а ты думаешь, что в наших странах нет капитализма? Мне кажется, он есть, но главным собственником является государство, и оно создает монополию. Нет конкуренции ни в политической жизни, ни в экономической. У нас есть план, а у них конкуренция. Наш

госплан посчитал, что Марго Нейман нужно одно пальто на три года, один плащ на два, одна юбка на год и одни трусы на месяц. Зачем что-то придумывать, зачем нужна мода? Просто все должно быть просто и крепко. А буржуи шьют два, нет, три пальто, три плаща, пять юбок, десять трусов и борются за деньги из твоего кошелька. И в этой борьбе они стараются сделать лучше и дешевле, а не так, как рассчитали статистики. Вот и вся история.

Марго покачала головой.

– Все, верно, дорогой мой, все так. И теперь мы будем свидетелями, как ФРГ поглотит ГДР. Все памятники снесут, и мы не увидим, как маршируют ваши солдаты на парадах 7 октября. Как это было в этом году на праздновании 40-й годовщины создания страны. Кажется, что это был последний раз. Возможно, через много лет люди из бывшего ГДР станут очень жалеть, что согласились на объединение, но этот фарш повернуть обратно будет нельзя. Наши дети уже точно ничего не будут знать о ГДР. Я могла бы сказать, что, вероятно, я рано ее хороню, но мне кажется, что ты, любимый, абсолютно прав: сегодня мы видели в этом чертовом магазине, что ей конец. А за ней повалятся все остальные советские страны и сам СССР. А у него тысячи атомных бомб. Тысячи. Только бы не стреляли.

Они подъехали к дому. Удо сказал.

– О, кажется, мы успеваем к ужину.

Дома были все. За ужином Удо и Марго рассказали про поездку в ФРГ: что видели, где были, что понравилось, что думают о тамошней жизни. Подарили игрушки детям, что вызвало у них полный восторг. Свекор повторил своими словами почти слово в слово то, о чем они говорили в машине. Что ГДР будет принесена в жертву во имя мифа о богатой жизни, а потом ничего вернуть уже не дадут.

Девушки помогли матери убраться, мужчины немного выпили настоек. Тревога последних дней начала сменяться апатией. Будет как будет. Приближался час общения с Юлькой. Марго пошла в свою комнату и стала ждать звонка. Наконец зазвонил межгород.

– Привет Марго, смотрим телик и охереваем, что у вас происходит. Ну рассказывай, что и как?

– Ну как, все, как по телеку. Мы же его смотрим точно так же, как и вы, картинка же одна. Это в Берлине люди что-то делали, а мы тут как спали в нашем селе, так и спим. Сегодня ездили в ФРГ – прикинь, пропустили. Но денег нет, сто марок западных было, 40 потратили. Кофе выпили с невкусными вафлями и игрушек детям купили. Были в большом универмаге – там, конечно, полный пипец. Вся московская фарцовка бы кончилась сразу. Тридцать разных моделей Adidas, столько же Nike, Reebok, New Balance, Puma и еще тьма разных брендов, о которых я даже не слышала. Джинсов сотни, Wrangler, Lee, Levi's всех цветов и покроев. Полное изобилие. Мне просто дурно сделалось. А какой там запах стоит! Просто можно сознание потерять. Такие духи, сякие духи. И ты знаешь, все недорого. Мы тут за это все переплачиваем в три-пять раз. Во всяких Intershop. Сперва эти чеки нужно поменять у спекулянтов, а потом еще и там переплатить в полтора раза. Я думаю, что теперь это все рухнет, и люди будут просто фурами возить шмотки из ФРГ. Наверное, те, кто сейчас торгует чеками у местных «Березок», Intershop начнут это все и проворачивать. А у вас как дела?

– У нас жизнь бьет ключом. Землю выделили и уже почти выкопали котлован. Размеры огромные. Я видела проект отеля. Это 8 этажей, 430 номеров, 20 люксов, один президентский люкс, 5 ресторанов, качалки, бассейны, 15 конференц-залов, целое крыло бутиков. Это будет что-то великое. А, еще, советские организовали с пиндосами совместное предприятие «Интурист РадАмер» – гостиничный и деловой центр. Улик туда залез. Там госкомитет по иностранному туризму с нашей стороны, так вот, он уже и там работает. Бабло летит во все стороны. Я тоже верчусь как волчок. Учю английский каждый день. Джонатан мне нанял спецов, учат меня, плюс говорю с ним, плюс у нас еще тьма пиндосов – с ними тоже говорю. Я уже почти все понимаю, говорю, правда, пока с ошибками, но как пулемет. Ты себе не представляешь,

я сама не могу поверить, что так могу. Я, которая закончила училище на торгашку, я, у которой весь мозг в клиторе – я говорю на английском, рулю и кручу мужиками из всех структур, и все говорят, что я просто супербизнесвумен! Гостиницу строим, прикинь. Меня Джонатан трахает через день. Любит, гад, со мной тратиться. Сейчас ему на месяц надо ехать в пиндостан в отпуск. Так он нашел там какие-то суперкурсы с суперпогружением, какими-то ролевыми играми, только с пиндосами. Какая-то новая методика – типа через месяц я буду говорить, как местная. Ну и, естественно, вечером он планирует заскакивать и пердолить меня, пока жена думает, что он занимается спортом в клубе или в боулинг пошел. А знаешь, что такое боулинг? Это такие дорожки, и люди швыряют шары тяжеленные в кегли, а машина потом шар выкачивает обратно и кегли ставит обратно для другого броска. Я играла – ноготь сломала. Сука. Да провались он нахер. А, еще новость, умрешь. Инесса беременна. Твой Сергуня маленького жиди прижил. Им вроде сказали, что в мае они должны уехать в командировку, а вот куда, не помню, в Латинскую Америку куда-то, кажется, и им обязательно нужен ребенок. Если он там родится, то получит гражданство автоматом. Вот они и зачали. А так все, как было: Пьеро ходит с грустным тяблом, она – с мерзким и надменным. Два, а то и три раза в месяц он проходит у меня курс психотерапии. Кстати, хочу сказать не хвальнось, трахаться он стал куда качественнее. Уже прямо почти хорошо. Конечно, не очень хорошо, но вполне пойдет. Даже на фоне Джонатана и то мне иногда нравится. Буду дальше мальчиком заниматься. А с Уликом мы почти не спим. У него какая-то взрослая богатая баба, он ей пытается заделать ребенка, она очень хочет, но что-то у них пока не выходит. Так, разок в месяц спим и то не всегда. Кстати, я почти перестала трахаться за деньги в «Интуристе». Теперь меня содержат – есть пара-тройка человек, все оплачивают. Становлюсь хорошей, скоро замуж пойду детей рожать.

В комнату зашел Удо.

– Ты с Юлей или мамой?

– Я с Юлькой.

– Привет ей.

– И тебе от нее привет.

Марго и Юля попрощались. Марго пересказала новости из Москвы:

– Там тоже все крутится. И все крутятся. Дорогой, надо спать, завтра рано вставать, уже выходные закончились.

– Да Марго, надо спать. Кстати, я сегодня ходил в универмаге по первому этажу, когда ты была в туалете, и решил, что деньги мы заработаем, а вот подарка из первой поездки на запад у тебя не будет.

Удо достал из-под подушки коробочку духов Dior Jadore.

– Я понюхал пробник – кажется, они созданы для тебя.

Марго открыла коробку и приснула духи на запястье, потерла виски и под скулами. Комната наполнилась волшебным ароматом. Марго расцеловала мужа.

– Ну уж коли так, то и я решила, что без подарка в этот день ты тоже не должны остаться. У меня же тоже были специально отложенные на черный день марки.

Она взяла сумочку и достала из нее продолговатой бумажный конверт черного цвета с золотыми буквами HUGO BOSS. Марго протянула его мужу.

– С днем открытия границ, мое сокровище.

В конверте лежал шикарный синий в среднюю красную полоску галстук.

– Вот это да! Вот это подарок! Сколько же ты на меня потратила?! Зачем такие траты?

– Затем. Ты мой единственный, и у тебя должен быть хоть один человеческий галстук, а не пенсионерский или военный.

Удо расцеловал жену.

– Конечно, завтра вставать, но я думаю, что в таком аромате без палочки я не усну, да и десять минут не спасут озеленителя от слипающихся глаз.

– Ладно, десять минут не спасут, но ты только на член галстук новый не повязывай, хорошо?

Удо хохотнул, повесил галстук в шкаф и выключил свет.

Все пропадают

Дни побежали, все жили в ожидании потрясений, но их не было. Точнее, почти не было. В начале декабря толпа молодых немцев собралась на вокзале в Дрездене. Шумели, требовали посадить их на какие-то поезда до Венгрии. Марго не разобралась, что там случилось точно – в эти дни по всей стране что-то случилось. Потом собравшиеся решили пойти и разгромить советскую военную комендатуру и офис КГБ. Вероятно, среди этих людей уже был кто-то из западных разведок – хотелось посмотреть на архивы. Пришли, стали ломать дверь. К ним вышел то ли капитан, то ли майор (Марго не разбиралась в звездочках и на фотографии в газете она воинское звание определить не смогла), один, с пистолетиком в руке и сказал:

– Тут девять патронов. Девять лягут. Успею перезарядиться – восемнадцать лягут. Кто идет?

Пока ребята решали, кто будет умирать за архив, к резидентуре (кажется, так назывался этот офис) прибежал взвод советских солдат с автоматами и пулеметами, и потом уже бежали погромщики. В газете была фотография, сделанная одним из протестующих: небольшого роста человек в офицерской рубашке без кителя, держит на мушке первый ряд людей с палками. Еще газеты все время публиковали фото Горбачева, естественно, с Раисой, который все время встречался то с американцами, то с западными немцами.

К Рождеству все волнения прекратились. Весь город был завален какими-то рождественскими кексами, украшениями, сувенирами. Разрешили службы во всех кирхах и костелах. Неожиданно оказалось, что очень много людей хотят ходить в церковь. В магазинах появлялось все больше и больше товаров с запада. Марки можно было поменять в банках и сберкассах, правда, не очень крупные суммы.

Марго и Удо съездили в Гамбург с ночевкой. Вот это уже было совершенно другой историей – ФРГ тут предстал в полный рост. Прежде всего, Марго в первый раз в жизни проехала по автобану. Это ее просто поразило. Машины в левом ряду мчались с какой-то фантастической скоростью, под 200 километров в час. Понятно, что это были шикарные, дорогие и мощные машины, но ехать так быстро было совершенно законно. Вторая полоса была для обычных машин, которые ехали километров 120-130, а третья – для грузовиков и автобусов, которые тоже шуровали не менее ста. Удо сказал, что тут штрафуют не за то, что ты едешь быстро, а за то, что едешь медленно и тем самым создаешь аварийную ситуацию. Еще Марго была удивлена, что вокруг было полно «Лада Самара» с номерами ФРГ. Оказалось, что это достаточно популярная машина, которая привлекает прежде всего самой низкой ценой. Но, конечно, вокруг царили автомобильные марки Volkswagen и Opel. Очень много ехало автомобилей марки Ford. Удо сказал, что они не американские, а немецкие. Они были всех видов, цветов и размеров. Было много машин, значки которых Марго ранее не видела. Удо сказал, что машины с вульвой, львом и елкой на капоте покупать нельзя категорически. Это французские машины, день ездят – два стоят в ремонте. Совсем мало было японских машин – тех, которые в СССР считались лучшими. Иногда попадались маленькие убогие Nissan Micra, похожие на знаменитых Volkswagen Beetle, еще какие-то безликие машинки со странно написанной буквой «М» в кружке, кажется, Mazda. Удо сказал, зачем немцам японские автомобили из рисовой соломой, если у немцев есть немецкие из нормальной жести.

Наконец они приехали в Гамбург. Жить решили в центре, в районе вокзала. Им посоветовали маленькую, уютную и недорогую гостиницу прямо за первой линией домов от центрального входа. Отель был действительно очень маленький, может быть, на десять или двенадцать номеров. Но ужасно милый, декорированный всякими старинными предметами, клетчатыми шторками в рюшах. Марго с интересом рассматривала убранство, прикидывая, чтобы она

хотела воссоздать из увиденного в их собственном доме. Гостиница была с завтраком, но на него они, опоздали, и теперь им нужно было где-то перекусить. На ресепшене дали бесплатную карту центра города и показали самый живописный маршрут к реке. Нейманы опять пошли к вокзалу, прошли его насквозь. В зале ожидания пахло кофе, выпечкой с корицей. Люди деловито суетились. Выйдя, с другой стороны, супруги вошли в центр города, которую пересекали несколько торговых улиц с 6-8-этажными домами. Было заметно, что большинство домов уже послевоенной постройки, но спроектированы они в едином стиле, повторяющем старую застройку. Правда, были и дома в современном стиле с простыми плоскими фасадами, но тоже очень аккуратно вписанные в городской ансамбль. Но опять появлялась мысль, что ничего особенного, чего бы они не видели в Берлине или Лейпциге, Дрездене или Гамбурге, тоже нет. Большой и богатый немецкий город. Сильно различались магазины, хотя такого шока, как от первых поездок, у ребят уже не было. Да и у них уже появились все эти товары. Правда, несколько дороже.

Было достаточно тепло, градусов десять и без особого ветра. Гулять было очень приятно. В ларьке они купили сосиски с соусом карри на бумажных продолговатых тарелках, кофе в бумажных стаканчиках, палочки из вафельного теста, которые нужно было макать в горячий какао. Они вышли к очень красивому, сложенному из бардового кирпича собору с высокой, похожей на ракету колокольней. Купол был острый, восьмигранный, а по четырем сторонам находились массивные колонны, похожие на стабилизаторы у ракеты.

Марго показала пальцем на кирху:

– Смотри, прямо космический корабль. Сейчас включит двигатели и улетит к Господу Богу. Мне кажется, у нас в Коломенском в Москве есть такого типа церковь, тоже инопланетная.

Вспомнив про Коломенское, Марго, подумала: «Уже так хочется домой съездить, к маме, к Юльке. Улик и Юлька теперь крутые, а Сергей и Инесса в мае уже едут куда-то в посольство. Правда, куда еще не знают. Может, в Прагу, а может быть, куда-то в Латинскую Америку. В США точно нет. Получается, что там будут рожать».

За церковью было еще несколько очень красивых строений, ратуша под зеленой медной крышей, вся в причудливых завитушках и статуях по периметру крыши. По центру над входом поднималась баня с огромными золотыми часами и многоярусным шпилем. Этот дом можно было рассматривать часами.

– Вот это красивый домишко, – Удо сделал несколько кадров.

Затем они увидели канал, достаточно широкий, с перекинутыми через него мостами и домами, которые, как в Венеции, своими фундаментами уходили прямо в воду. Канал непосредственно входил к рукотворному озеру Альстер. Вообще, Гамбург был очень похож на Ленинград: куда ни пойдешь, везде будут какие-то речки, каналы, залив, стрелки и острова, только огромная река впадает не в Балтийское, а уже в Северное море. Над озером летали чайки, протяжно и немного зловеще крича на своем птичьем немецком языке. У набережной стояли прогулочные катера, но желающих их арендовать было не так уж и много.

– Тут, наверное, шикарно летом или поздней весной. Такие просторы. Очень красивый город, вода очень все украшает.

– Малыш, летом или поздней весной шикарно везде. Хорошо, что сегодня так тепло, а то был бы ноль и снег, было бы противнее гулять.

Затем они развернулись и опять пошли вдоль канала, как они видели по карте, к Эльбе. Опять кварталы шикарных домов, празднично украшенные к Рождеству улицы, перетяжки между домами с гирляндами, шарами и колокольчиками. Наконец они вышли на набережную Эльбы, к которой были пришвартованы парусники и яхты. Мачты образовывали целый лес над водой. За спиной с лязганьем и стуком по эстакадам пробегали поезда метро. Они шли вдоль берега примерно километр. Потом развернулись и пошли в обратную сторону – в сто-

рону бурых кирпичных лабазов. Наверное, это было самое красивое место. Открывался шикарный вид на реку, огромные круизные лайнеры вдалеке, на прогулочные пароходы с гребными колесами, как на Миссисипи или на Волге в XIX веке. Марго вспомнила фильм «Жестокий романс», который лет пять назад снял Эльдар Рязанов. В фильме играли совершенно фантастической красоты актриса Лариса Гузеева и просто убивающий своей харизмой и какой-то порочной брутальностью актер и режиссер Никита Михалков. Марго несколько раз пересматривала это кино – все не могла насладиться образом молодой актрисы, ее игрой, ее голубыми, полными святости и греха, радости и страдания глазами.

– У нас есть очень известный фильм «Жестокий романс». Там богатые купцы плавали по Волге на таком корабле.

– Да, я смотрел. Его показывали в доме офицеров Советской Армии в нашем Шверине. А я как раз служил в то время и ходил на все фильмы в этот дом культуры. В фильме был шикарный ловелас, богач и какой-то клерк, влюбленный в героиню, такой лысый, ее жених. И этот ловелас ее изнасиловал и не женился, хоть и обещал. А жених обезумел от горя и ее застрелил. Девушка была очень красивая, жалко было прямо смотреть. Да, фильм был шикарный.

– Дорогой, это один из моих любимых фильмов.

Удо оживился.

– Да ты не представляешь, я вообще столько фильмов советских посмотрел, каждую неделю. И про какой-то остров, на котором ваши морские пехотинцы воевали с американцами, и еще про самолет, который вывозил людей из зоны бедствия и там у него хвост повредился от упавшей мачты освещения.

– «Экипаж»?

– Наверное, да. И еще фильм про жизнь женщины, которая рано родила, а потом стала большим начальником. Этому фильму «Оскар» дали.

– «Москва слезам не верит»?

Точно, Москва там была в названии. А еще я помню два классных фильма. В одном играл тот же актер, что играл ловеласа, там они во время вашей Гражданской войны гонялись за чемоданом золота. А еще очень милый фильм, там играл как раз второй актер, который играл обманутого жениха; он напился и улетел по ошибке в Ленинград, а там тоже есть такая улица и такой же новый дом. Он попал в квартиру к женщине. Кончилось тем, что они стали жить вместе в Москве. И вообще много комедий ваших смотрел. В одной какие-то воришки искали шлем Александра Македонского, а руководил ими воспитатель из детского сада. Очень смешно. А второй – там контрабандисты мужика использовали втемную для перевозки брильянтов в гипсе на руке. Или вот еще: там какой-то у вас на юге местный царек хотел жениться на молодой девушке, а такой дурачок из Москвы, писатель или журналист, участвовал в ее похищении. И он же в другом фильме изобрел машину времени и перенес в наше время вашего царя Ивана Грозного. Я тоже смеялся. Но зал просто смеялся до слез. Шурик, Шурик.

– А как ты понимал, что они говорят?

– Я же не один немец, кто это смотрел – титры были на немецком. Все более-менее понятно. Да и что там понимать? Когда смешно, тогда смешно.

Они подошли к масштабному памятнику пожилого человека с мечом в руках.

– Кто это? – спросила Марго.

– Я думаю, это памятник Бисмарку. Хотя, может быть, и Кайзеру Вильгельму. Но все-таки более похож на моего тезку Отто Бисмарка. Они вдвоем объединили Германию в 1871 году. После мы устроили две мировые войны и потом нас опять разделили. Вот я еще вспомнил про кино. У нас же по телевизору показывали ваш сериал про Штирлица. Мы шутили, что советские с такой любовью показали фашистов, что непонятно, зачем они с нами четыре года воевали.

– Ты дурачок? До этого во всех наших фильмах вас показывали глупыми и трусливыми убийцами. Но непонятно, почему тогда мы воевали с вами столько лет и потеряли столько миллионов своих граждан. Вот и стали показывать немцев реально сильным противником, умным и храбрым. Понятно тебе? – Марго сделала вид что стреляет в мужа из указательного пальца. – Пиу-пиу, пиф-паф.

Они опять пошли вдоль красивых домов к центру.

– Марго, я хочу есть и пить пиво. Сосиски – это не еда. Пойдем тратить деньги. Я видел на вокзальной площади какой-то классный ресторан. На грифельной доске было написано, что в обед скидки. Я хочу рульку с картошкой и капустой, литр пива и, может быть, какой-нибудь штрудель. А ты, любимая?

– А любимая тоже не будет против рульки, а может, шницеля – давай там посмотрим. Только, конечно, литр пива я пить не буду. Может, лучше вина красного бокал.

Ресторан был классической немецкой пивной. Пиво и вино принесли быстро, еду пришлось ждать. Марго тоже ела рульку, которая ей совершенно не понравилась. Она была суховата. Было понятно, что в ресторане около вокзала повара много готовят заранее, а потом греют в духовом шкафу. По лицу Удо, который в рульках толк знал, даже выругался, назвав рульку – дерьмом.

– Удивительно, как можно так все испортить. Я не говорю про мамину рульку, но в любой пивной у нас она в сто раз вкуснее. Пойдем есть в «Макдоналдс» в следующий раз. Попробуем, что это такое.

– Кстати, – перебила его Марго, – Юлька сказала, что Улик ей рассказывал, что в Москве на Пушкинской американцы будут строить Макдоналдс. Прикинь! Все документы подписаны, и им отдали кафе «Лира». Надо будет завтра или вечером зайти. Попробуем, что это за еда такая.

После обеда они пошли гулять в другую сторону от вокзала, вдоль широкой улицы, на которой стояли салоны автомобильных производителей Porsche, BMW, Mercedes и Audi. Они заходили в каждый и смотрели фантастически красивые, сияющие хромом и лаком машины. В салоне Porsche в огромном зале на вращающихся подиумах стояли всего две модели: купе и кабриолет. Ширина задних колес у машин была, как три колеса от «Лады» вместе. Марго Porsche не оценила. Да, конечно, машина для гонок: везти с собой две теннисных ракетки и сумочку. Это только для богатеев.

В следующем салоне стояли BMW, их было моделей пять. Автомобили были похожи на стаю акул, просто разного размера. У каждой машины на радиаторе размещались две овальные ноздри, а фар было по четыре, и они были круглые, как на шестерке «жигулей». Марго BMW не очень понравились, хотя машины были куда практичнее. Но тоже чувствовалось, что все сделано, чтобы гонять по автобанам.

Третьим был салон Mercedes, где стояли просто шедевральной красоты машины с роскошными салонами, но только вот цена была еще выше, чем у BMW.

Насладившись роскошью кожаной и деревянной отделки автомобилей Mercedes, они пошли дальше к салону Volkswagen, часть из которого была отдана под премиальную марку Audi. Машины Volkswagen понравились Марго больше всего. Она сразу влюбилась в Golf, но тут же разлюбила его, пересев в Passat. В этой машине было все, что должно быть в отличной машине: и кондиционер, и «автомат», и музыка, и все электрические приводы. А цена была в три раза ниже, чем у Mercedes и в два, чем у BMW. Все изменилось, когда она увидела Audi. Там стояли две модели: одна изумрудного, а другая песочного цвета. На песочной было написано 100, на изумрудной 80. Audi-100 казалась роскошной, но очень большой для худенькой миниатюрной Марго. Ее сразу облюбовал Удо, который тут же сел на водительское место, положил руки на руль и мечтательно закрыл глаза. А вот Audi-80 была как будто создана для Марго. Она была такой ладной, такой гармоничной и лаконичной. И еще она своими квад-

ратными фарами напоминала «Ладу», но только как будто ее искупали в ванной с эликсиром молодости и красоты. Марго тоже села за руль и тоже закрыла глаза. Она прошептала:

– Боженька, как же это все удобно и красиво. А какой запах!

В этот момент в окно постучали, дверь распахнулась, и Марго увидела улыбающееся лицо менеджера в роскошном костюме и дорогуших часах на запястье.

– Добрый день, молодая фрау, как вам машина?

Марго сказала, что ничего лучше она не видела.

– Да, прекрасная машина: дизайн, инженерия, цена. А как она ведет себя на дороге! Есть машины с полным приводом. Простите, мадемуазель, – продавец жеманно улыбнулся, – я слышу легкий акцент. Вы из Австрии или Швейцарии? Вы сейчас на чем ездите?

Марго улыбнулось своей фирменной наивной улыбкой.

– Нет, господин менеджер, я из ГДР, но там я живу меньше года, а вообще я из СССР, из Москвы, а ездим мы с мужем на «Лада Самара-1300». Так что, наверное, вам придется нас прогнать.

Продавец, конечно, не ожидал такого ответа, но многолетняя школа общения с клиентами не подвела. Он улыбнулся еще шире.

– Выгнать? Для нас клиент всегда король. Сейчас вы не можете купить, но кто знает, что будет завтра. Вы можете переехать в ФРГ, а может, мы скоро поглотим вашу ГДР, вы заработаете деньги и придете ко мне покупать машину. У нас есть большой выбор подержанных машин с небольшим пробегом и гарантией. Всегда можно начать с такой машины. Я знаю людей, которые отправляют в СССР тысячи таких машин. Мы просто удивляемся, какой там огромный рынок. Так что я буду всегда вам рад. Он повернулся к стоящему рядом Удо:

– У вас такая прекрасная жена. Будет обидно, если она будет долго ездить на «Ладе», – он сделал в воздухе круговые движения рукой, как будто в ней была волшебная палочка. – Абракадабра, вжух. Заклинаю вас стать богатыми и купить у меня две новых Audi.

Они распрощались и пошли гулять дальше. Слева на уходящей перпендикулярно от шоссе улице вдоль канала они увидели квартал особняков. Один дом был красивее и богаче другого. Дома были празднично украшены, перед некоторыми были сделаны инсталляции в виде вертепов с фигурками библейских героев Рождества. Ясли были пусты. Марго спросила:

– Христа принесут, когда настанет Рождество?

– Да, но это только у католиков. Они строят эти инсталляции – вертепы, после мессы выносят младенца Христа и кладут его в ясли.

– А у вас такого нет?

Удо покачал головой:

– Нет, у нас, лютеран, такого обряда нет. А у вас?

– И у нас нет, у православных точно нет. Хотя я просто этого могу не знать. Может быть такая традиция была, но при коммунистах церковь практически запретили. Я думаю, это есть в Литве, и может быть на западе Белоруссии и Украины, где живут католики. У нас просто все ночью молятся в храме, а инсталляций я не помню. И потом, Рождество же у нас в России 7 января.

– А почему так?

– Чистая математика. В России был Юлианский календарь, а в Европе уже Григорианский. Разница – 13 дней. Когда революцию устроили, то в СССР перешли на Григорианский, а церковь нет – ее же от государства отделили. Вот так 25 декабря стало 7 января. А еще у нас есть старый новый год с 13 на 14 января. Мы его тоже празднуем.

– Какая прелесть. Все, с этого момента мы будем праздновать два Рождества и два Новых года. И, как я понимаю, еще две Пасхи?

– Да, но не всегда, так как Пасхи иногда совпадают, раз в несколько лет. А иногда на месяц разбегаются.

Болтая, они дошли до второй части озера, немного постояли на берегу и повернули обратно к вокзалу. Начало быстро темнеть.

– Нормально мы так прошлись. Давай зайдём в гостиницу, отдохнем часочек и поедем на улицу Рипербан.

– Марго, а ты точно хочешь туда ехать?

– Конечно. Хочу посмотреть, как это устроено. Не то чтобы я в жизни не видела проституток, но прямо чтобы в таком виде, как мне рассказывали, что они стоят в окнах и привлекают клиентов, такого я не видела.

Они вернулись в гостиницу, выпили чаю, немного полежали на кровати и, одевшись теплее, пошли к метро. С трудом поняв, как хитроумно оплачивается метро, они сели в трясучий вагон U-Bahn и поехали на нужную станцию. Ехали вдоль реки по тем самым эстакадам. Поездка заняла минут 15 максимум. Потом они шли по обычной улице, достаточно темной. Периодически им попадались какие-то продуктовые магазинчики. Наконец света стало больше, как и народа, появились неоновые вывески, реклама, из окон играла музыка. На улице вдоль стен стояли проститутки – большинство уже немолодые и очень замерзшие. Иногда к ним подходили мужчины, преимущественно тоже немолодые, и они переговаривались. Некоторые договаривались, уходили куда-то с улицы, вероятно, в какие-то комнаты почасовой аренды. Посреди улицы стояло кирпичное здание полицейского управления с огромной надписью на фасаде «Полиция».

– Удо, Удо, иди спроси, сколько стоит, – Марго начала дергать его за рукав.

Удо неохотно подошел к проститутке и спросил цену.

– Минет 25 марок, секс во влагилице 50. В задницу 70.

Марго показала большой палец:

– Хорошая цена. А вообще это законно?

– Я не знаю. Кажется, проституцией заниматься можно, а сутенерством нет. Это тюрьма. Они где-то регистрируются и платят налоги. А за это им будет потом пенсия. Кстати, и мужчины, и женщины могут заниматься проституцией.

Наконец они дошли до улицы, которая была перегороджена специальным забором: каждая секция больше, чем середина улицы, а посреди метровой проход. Такие заборы были с обоих концов улицы. На самой улице действительно были витрины, в которых в нижнем белье сидели девушки. Они были гораздо моложе и красивее, чем те женщины на большой улице. Некоторые были совсем хороши и выглядели, как Юлька в боевой раскраске. В витринах стояли и мулатки, и африканки, и азиатки, вероятно, тайки или филиппинки. Но и цены уже были выше: минет 50, секс от 100. За качество нужно платить. Люди входили в помещение, девушка закрывала тяжелые шторы и обслуживала клиента. Потом белье перестилалось, шторы распахивались, и она начинала ждать следующего.

Марго и Удо обошли все витрины, потом на другой улице они зашли в стриптиз, но быстро вышли, так как их тут же просили заплатить за выпивку и шоу. В конце концов они вернулись к метро и поехали домой.

– Давай зайдём в «Макдоналдс» и попробуем эту булку, – предложил Удо.

В здании вокзала находился «Макдоналдс». Народу там было не очень много, но люди были. Преимущественно молодежь. Нейманы купили по чизбургеру, маленькой картошке, по молочному шейку и пирожку с вишней. Цена была чуть ниже, чем за обед с вином и пивом, хоть и не очень вкусный, в обычной пивной. Их постигло глубочайшее разочарование. Еда оказалась совершенно ненатуральной. Котлета жесткая и сухая, картошка пахла каким-то машинным маслом, в коктейле была куча комков, а жидкое варенье из пирожка пролилось при укусе и больно обожгло Удо подбородок.

– Какое же редкостное говно, – сказали Марго и Удо хором.

– Ну, может быть, где-то на дороге это можно съесть, на вокзале, но точно специально пойти и это есть, особенно когда вокруг столько качественной вкусной еды, это очень странно. Пойдем, – Удо собрал все упаковки на поднос и отнес в мусорный ящик. – Еще и самому убирать. Только американцы такую ерунду могли выдумать. Говорят, они там живут в машинах. Наверное, это удобно: в одном окне заказал, в другом получил, едешь в машине и ешь. Но у нас так не принято. Это просто набить живот, а не поесть, а у немцев культ еды.

– Согласна, что хорошего из еды могут придумать бывшие каторжники и авантюристы из этой проклятой Америки. Ничего не могут. Марго сделала гримасу отвращения.

Еще немного погуляв по вечерним улицам, они вернулись в отель, приняли душ и легли в постель. Марго стянула с мужа трусы и с видом врача начала рассматривать его член.

– Член обычный, пассивный.

Она начала делать минет. Удо быстро возбуждился.

– Вот, член активный. Я не азиатка и не негритянка, да и не красавица я, так что возьму по минимуму и со скидкой. Это будет стоить тебе 20 марок.

Потом Марго села на Удо сверху:

– Секс обычный, во влагище. Со скидкой будет стоить 40 марок. Итого 60 марок с господина Неймана.

Удо похрюкивал от удовольствия.

– А в шоколадный туннель? Сколько вы, уважаемая шлюха, берете за поездку по нему?

– Туннель взорван и замурован. Ни один поезд по нему никогда не проедет. Если хочешь такое путешествие, адрес и цену ты знаешь. Но дорога туда в один конец. Мне неважно, это будет любовница или шлюха. У тебя в жизни есть только одна дырка, и она моя. Ты понял, злодей? Хватит болтать, давай, сделай, чтобы из нее дым пошел.

Удо резко перевернул легонькую Марго.

– Ну, сама напросилась, сейчас я тебя накажу.

Удо перешел с аллюра на галоп. Марго закусила край подушки и сладко повизгивала. Потом они громко и долго кончали, лежали обессиленные и полные впечатлений от насыщенного дня и приятной физической усталости. И вот наконец отошли ко сну.

На следующий день они очень вкусно позавтракали в гостинице, собрали вещи, отнесли чемоданы в машину и расплатились. Погода полностью поменялась. На город опустился густой туман.

Удо предложил:

– Давай пойдем к реке – там сейчас должно быть очень красиво: мачты в тумане.

И действительно, туман загадочно менял шпили церквей, крыши зданий, стелился по улицам. У реки было необыкновенно красиво. Мачты покачивались в тумане, а с реки доносились протяжные гудки пароходов и барж. Солнце пронзало своими лучами плотные слои тумана, и он клубился.

Удо сделал множество снимков, каждый раз восхищаясь картинкой перед его глазами. Они постояли в тумане, поцеловались и стали возвращаться к вокзалу. Чем дальше Нейманы уходили от реки, тем туман становился все реже и реже и вскоре исчез. Сходя в туалет на вокзале, они сели в машину и стали выбираться из Гамбурга. «Лада» весело бежала по автобану, настроение было хорошее, впереди еще целый день воскресенья. Скоро начнутся новогодние праздники. В этом году в ГДР впервые будут отмечать Рождество, и их ждет целая неделя отдыха. На работу нужно будет только второго января.

Они переехали границу, которая почти уже не охранялась. Пограничники вяло махнули им жезлами, мол, проезжайте, не тратьте наше время. Потом опять за окошками машины побежали леса, поля, маленькие фермы, и совсем скоро они приехали в свой Шверин. Удо пошел в их новый дом, Марго осталась с племянниками. Сделали уроки, поболтали, она рассказала им про Гамбург. Потом они болтали с Юлькой, которой тоже особенно нечего было рассказать.

Юлька собиралась 23 декабря почти на месяц лететь с Джонатаном в Америку. Она так далеко никогда не летала: 10 часов только до Нью-Йорка. В Нью-Йорке их должен будет встретить его друг Бернард. Джонатан сразу переседет на другой рейс и полетит домой в Сан-Франциско праздновать с семьей Рождество и Новый год, а Юлька останется с Бернардом на все праздники. Второго января он посадит ее в самолет и отправит в Сан-Франциско.

Юлька американка

В ночь перед отлетом Юлька плохо спала. Джонатан в последнее время взял моду храпеть. Юлька накануне приехала с чемоданом к нему домой.

После традиционного секса, во время которого она больше думала о полете, чем о любовных утехах, Джонатан, глядя ее по спине, спросил:

– Чего ты такая сучка сегодня?

– Я боюсь лететь. Всегда боюсь летать, но я никогда не летала так далеко. Я буду бояться десять часов.

– Не бойся, все будет прекрасно. Во-первых, мы летим в бизнес-классе – там широкие кресла, много места впереди для ног и алкоголя наливают, сколько захочешь. Во-вторых, я дам тебе волшебных таблеток, и ты заснешь. Это специальные таблетки от укачивания и для сна в самолетах. В-третьих, самолет – это самое безопасное транспортное средство в мире. Даже безопаснее поездов, тем более тех, которые ездят по США. Мы все летаем с рождения и до смерти, а живем мы долго. Да, кстати, важная информация. Трахнуть Бернарда не пытайся, он голубой. Но он хороший парень, мы учились вместе в университете и в школе бизнеса. Он сейчас один, давно уже, ты его развлечешь на праздниках, а он тебя.

Юлька немного успокоилась. Всегда хорошо, когда рядом есть кто-то уверенный и спокойный, но до конца тревога не прошла. Рейс был в 13.30, а прилетали они в 16.10 по Нью-Йорку. В десять утра в дверь позвонил водитель. Он прихватил чемодан Юльки, и они втроем спустились к машине.

– Так, Юля, внимание. Проверяем. Паспорт, билет и деньги.

Все лежало в сумочке.

– Сумку повесишь через шею и будешь все время в Нью-Йорке держать ее обеими руками. На улицу больше сорока долларов не бери. Если что-то нужно, проси купить Бернарда – он оплатит кредитной карточкой, потом будешь отдавать ему деньги в номере. Паспорт запирай в сейф. Нью-Йорк – это не Москва, там глазом не успеешь моргнуть, а ты уже ограблен. Если, вдруг, будут грабить, отдавай все, что просят. Не вздумай спорить или, не дай Бог, драться. Пристрелят или зарежут. От черных и латиносов старайся держаться подальше. Азиаты не опасны, они мирные. Будут грабить – рядом все сделают вид, что ничего не видят. Так что все время думай о безопасности. Не расслабляйся. Понятно?

– Ты нарочно меня пугаешь? Пошел ты и трахать тебя. Ты трахатель своей матери.

– Успокойся, детка. Нью-Йорк тебе понравится, это просто инструкция по выживанию. Я же военный.

Машина наконец доехала до аэропорта Шереметьево-2. Они прошли паспортный контроль и сели в ирландском пабе в зоне отлета. Джонатан заказал два «Гиннеса». Юлке нравился «Гиннес». Она пила его в пабе Shamrock на Арбате. Правда, после него наутро в туалете воняло каким-то невообразимым духаном, а дерьмо было черным, как уголь. Улик приучил Юльку всегда смотреть на дерьмо. Он считал, что это самый лучший способ определить состояние здоровья. И на самом деле он был прав. Дерьмо и моча – лучшие индикаторы здоровья.

В баре можно было курить. А на рейсе в «Дельте» курить запретили. Десять часов без сигарет выглядело как приговор. Надо было накуриться на все это долгое время. Но Юлька знала поговорку, что перед смертью не налижешься. Наконец объявили рейс. Они сходили в туалет, выкурили по последней сигарете и пошли к выходу. Самолет грузился долго. Это был огромный «Боинг 767 – 300». И все 290 мест были заняты. Московские пиндосы летели на

Рождество домой, а их в Москве с каждым днем становилось все больше и больше. Зная это, компания выкупала билеты за полгода. Но вот посадка закончилась, самолет, мелко содрогаясь своим огромным телом, пробежал по полосе и взлетел. Юлька взяла в руки рекламный буклет о самолете и прочитала написанные характеристики: длина пятьдесят пять метров, размах крыльев сорок семь. Юлька зажмурилась. Сто шестьдесят тонн металла, керосина и человеческой плоти летели по небу со скоростью девятьсот километров в час. От одной мысли об этом ей хотелось обмочиться. Какие же умные были инженеры, которые придумали и построили это чудо. А она может только сосать члены и классно подмахивать.

Наконец самолет закончил набор высоты. Стюардессы побежали с подносами с напитками: вино, водка, виски, коньяк, соки, разные газировки. Юлька решила, что слишком нервничает и нужна анестезия.

– Виски со льдом, пожалуйста.

Стюардесса ловким движением положила перед Юлькой салфетку, поставила бокал виски и положила маленький пакетик с жареным арахисом. Юлька посмотрела не нее и показала три пальца. Девушка поставила перед ней еще два бокала. Юлька философским взглядом осмотрела предстоящее поле битвы и сделала первый глоток. Вспомнилась любимая фраза Улика: сегодня я пьян, а завтра буду трезв, а у тебя ноги кривые. Уже через полчаса над креслом Юльки загорелась кнопка вызова стюардессы. Надо было освежать посуду. Пока Юлька боролась с аэрофобией с помощью двенадцатилетнего шотландского виски Macallan, Джонатан в соседнем кресле пускал слюни себе на рубашку. Картина была бы отвратной, если бы в этот момент примерно семьдесят процентов пассажиров не делали того же. Все пиндосы летают с таблетками, которые препятствуют укачиванию и клонят в сон. А вот если их выпить парочку, а некоторые пьют и по три зараз, то проспать можно и все десять часов. Кажется, гастрономические изыски обеда, который начинали подавать, этих людей не волновали. Юльке принесли карточку с меню. Выбор был хорошим: по три блюда в каждой перемене. Салат, закуска, суп-крем, основное блюдо и десерт. Увы, понять точно, что предлагалось в карточке, Юлька не могла – слишком витиеватым языком были написаны описания блюд, да еще и некоторые слова были точно французские.

– Блядь, что жрать-то? И этот еще дрыхнет, сука, – достаточно громко сказала Юлька, думая, что никто ее не понимает. Но к ней повернулась гламурного вида пожилая дама и заговорила по-русски, очень сильно картавя:

– Милочка, давайте я вам помогу. Терпеть не могу ходить в рестораны в Токио – ничего не понимаешь, что там едят.

Дама подробно рассказала Юльке, из чего приготовлены блюда и посоветовала, что заказать, так как часто летает «Дельтой» и все это уже ела. Юлька очень обрадовалась, долго благодарила попутчицу.

– Милочка, что ведет вас в город желтого дьявола?

Юлька, конечно, не поняла, почему дама назвала Нью-Йорк именно так, благо хоть правильно подумала, что речь идет о Нью-Йорке.

– Я хочу посмотреть столицу США, а потом мы с другом поедem в Сан-Франциско.

– Если вы о том, что Нью-Йорк – деловая столица США, это вы заметили верно, но политическая столица штатов Вашингтон, округ Колумбия. Скуднейшее место, в маленьком городке сидит вся наша власть.

– Ой, я забыла, точно, нам в школе говорили, что Нью-Йорк не столица, – совершенно бесхитростно сказала Юлька.

Дама легко коснулась своей узкой холодной рукой ее руки:

– Все зависит от планов на будущее. Если планируете перебраться, это лучше запомнить. Нет, не планируете? Значит, это лишняя информация. Вы так молоды, так красивы, что сейчас

можно ничего не знать. Вас мужчины будут обожать за красоту. Но потом нужно будет взрослеть и обрастать броней.

Дама нажала кнопку вызова стюардессы.

– Милочка, выпьете со мной? Обратилась она к Юльке.

– Конечно, прекрасная идея.

– Милочка, я смотрю, вы пьете виски. Я тоже их люблю. Вам со льдом?

– Да, со льдом, спасибо вам огромное.

Подошла стюардесса. Дама быстро что-то сказала по-английски. Стюардесса улыбнулась и пошла готовить заказ. Через несколько минут она вернулась с подносом, на котором стояли шесть рюмок чистого виски и один большущий стакан виски со льдом. Стюардесса поставила стакан перед Юлькой, а рюмки перед дамой.

– Ну что, как говорил мой папа, вздрогнем, – она залпом выпила первую рюмку.

– Ой, а по вам и не скажешь, что вы так можете!

– Я много чего могу. Точнее, могла. Сейчас, это так, воспоминания.

– Простите, я не могу не спросить: вы из СССР? Но как вы тогда попали в США?

– Нет, дитя мое, я родилась в США. Мои родители бежали из советской России после революции. Сначала в Харбин, это Китай, потом, в конце 20-х, в США, в Сан-Франциско. А в 1930-м я родилась. Урожденная графиня Мещерская Ольга Павловна. А вас как зовут, красотка?

– Юлька, ой, Юлия.

Ольга Павловна продолжала повествовать:

– В двадцать четыре вышла замуж за богатого южанина (это значит за американца с юга США), родила троих детей. Сейчас все дети уже выросли, выучились, прекрасно устроились. Муж почил, оставив значительное наследство. Теперь я путешествую. Вот съездила в СССР. Москва, Санкт-Петербург и Киев. Прекрасная поездка. Видела дом семьи – там теперь какое-то учреждение. Но все отреставрировано, ухожено. А вы чем занимаетесь?

– Я работаю в компании, которая строит в Москве отель Radisson, менеджер по работе с ключевыми партнерами. Вот летит мой босс, наш директор, – она показала пальцем на Джонатана. – Он летит на Рождество, а я лечу учить английский по специальной методике. Представляете, я еще год назад по-английски не знала и трех слов. У меня есть подруга, которая в школе так хорошо выучила немецкий, что потом окончила педагогическое училище, вышла замуж за немца и живет в Германии. Я думала, что нормально даже русский не выучу, а теперь за год занятий я почти все понимаю и почти все могу сказать. А через месяц, мне говорят, буду говорить, как американка.

Ольга Павловна опрокинула вторую рюмку. Стюардессы собрали заказы и начали разносить обеды. Сервировали столики фарфором и металлическими приборами.

Юлька с выражением блаженства на лице медленно произнесла:

– Как тут роскошно! Когда я раньше летала, подавали какие-то бумажные коробки с едой и все пластиковое – и приборы, и стаканы.

Графиня кивком согласилась:

– Ну, мы все-таки в бизнес-классе летим. А есть еще первый класс. Там кресла раскладываются в кровати и можно спокойно спать. Конечно, это уже слишком дорого, но эконом-классом я не летаю, летаю бизнес-классом.

Ольга Павловна оглядела спящих американцев:

– Какая мерзость: напьются своих гадких таблеток и льют слюны десять часов. Деревня. У меня, я говорила, супруг был с юга, это наше дворянство. А эти – северяне, потомки лесорубов и строителей железных дорог.

Принесли салаты, потом подали закуски. Юлька ела салат из голубого краба и рулеты с лососем, крем-суп из шампиньонов и телятину со спаржей в сливочном соусе. К мясу принесли

бокал красного калифорнийского вина. Завершали обед тирамису и капучино. Все порции маленькие, но было вкусно, и еды хватило, чтобы сытно поесть, но не объесться.

После обеда попутчицы вернулись к алкоголю и разговорам. За несколько часов Юлька узнала много интересного про жизнь в США. Ольга Павловна была очень критична, Америка ее злила, и она старалась как можно больше времени проводить в Италии или Греции. Иногда ездила на юг Франции. Англию и Германию она не любила, считая, что все, что там можно увидеть, в изобилии есть и в Америке. Ну а Испания, по мнению графини, распространялась на всех землях США, что были южнее Орегона, Канзаса и Северной Каролины.

После сытного обеда и спиртного стало клонить в сон. Первой заснула Ольга Павловна. Она просто откинулась в кресле и выключилась. Юлька смотрела на ее гордый профиль, благородные и спокойные черты лица и думала, как красиво стареют некоторые люди. Она вспомнила свою мать, бабушек, которые всегда выглядели старше своих лет. Надо сделать все, чтобы сохранять молодость как можно дольше, а потом красиво стареть.

Юлька тоже откинула кресло и провалилась в глубокую дрему. Ее разбудила возня рядом. Джонатан проснулся, захотел в туалет и есть. Он вызвал стюардессу, та начала брать у него заказ, потревожила Юльку, и та открыла глаза.

– Джулия, пропусти меня, мне нужно выйти.

– Ок, как спал?

– Прекрасно. Сейчас поем и еще буду спать.

– Давай, пока ты ешь, я сяду на твое место, ок?

– Да, как раз так будет удобнее.

Они поменялись местами, и Юлька снова задремала. Ее вновь разбудили стюардессы – самолет готовился к посадке. Юлька испытала странное чувство: ей не хотелось вставать из этого кресла. Тело уже приняло какую-то новую форму, как-то растеклось и потеряло чувствительность. Самолет долго кружился над аэропортом имени Джона Фицджеральда Кеннеди, потом резко пошел вниз и грузно плюхнулся на бетонку. В Нью-Йорке шел дождь. Самолет поднял облако водяной пыли, долго тряся и потом наконец стал замедляться. Пассажиры захлопали. Джонатан посмотрел на Юльку ошоловелым взглядом и смачно зевнул.

– Ну вот и все, мы на земле. И не стоило так волноваться. Да долго, но зато ты уже прилетела, а мне через два часа еще почти семь часов лететь. А ты сейчас отдохнешь, поужинаешь с Бернардом, он тебе покажет Манхэттен, если дождя не будет. Короче, одни плюсы. И Рождество проведете, и на Таймс-сквер новый год встретите. Там шар вниз светящийся опускается по шпилью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.